

Событие

Иди за своей мечтой

14 января в мегионской школе искусств имени А. Кузьмина прошёл первый (!) сольный концерт Евгения Дорохова – бывшего выпускника этой школы, а ныне студента 1 курса Омского музыкального колледжа имени Виссариона Яковлевича Шебалина.

Если учесть, что Евгению пока только шестнадцать лет, исполненные им произведения разных временных эпох показывают весьма уверенное владение техникой академического вокала. И если первые два произведения старинной музыки – «Вокализ» Абта и обязательное для всех учеников по академическому вокалу Генделевское «Dignare» помогли начинающему артисту освоиться на сцене, то уже в произведении Д. Скарлатти «Sento nel core» голос Евгения зазвучал

(Окончание на стр. 42)

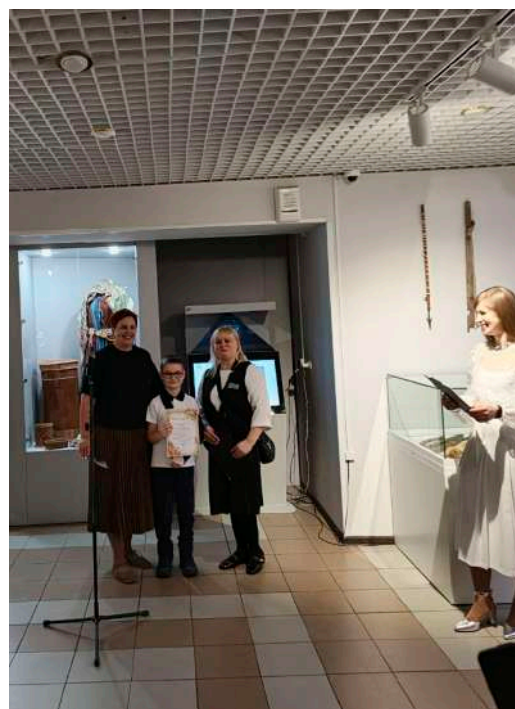
Фоторепортаж

Новоселье любимой экспозиции

Пятого февраля в здании «Калейдоскопа» (Бывашего ДК «Пролетей» г. Мегиона) открылась рэкспозиция постоянной выставки Краеведческого музея Регионального историко-культурного и экологического центра Мегиона. Экспонаты получили новую крышу над головой на время капитального ремонта, проходящего сегодня в музее.

Поприветствовав всех собравшихся, ведущая торжественного мероприятия Любовь Козлова, заведующий научно-методическим отделом Экоцентра сказала буквально следующее: «Мы рады приветствовать вас на торжественном открытии выставки, которая перенесёт нас в удивительный мир, где время течёт по своим законам, а человек живёт в неразрывной связи с природой. Сегодня мы открываем двери в мир народа с богатой историей и уникальной культурой. Выставка «Два народа, живущих «по подолу Земли» – это не просто экспозиция, это мост, перейдя который, мы познакомимся с особенностями материальной и духовной культуры коренных народов Сибири, проживающих на берегах реки Аган, кто веками хранит традиции Севера».

Интересное сочетание традиций разных культур: перерезание красной ленточки, как символ завершения подго-

товительных (строительных) работ и начала активной жизни и обряд окуривания, как выстраивание преграды всем злонамеренным духам и желаниям должны не просто обереечь выставку, но и привлечь новых заинтересованных посетителей. И пусть

(Окончание на стр. 29)

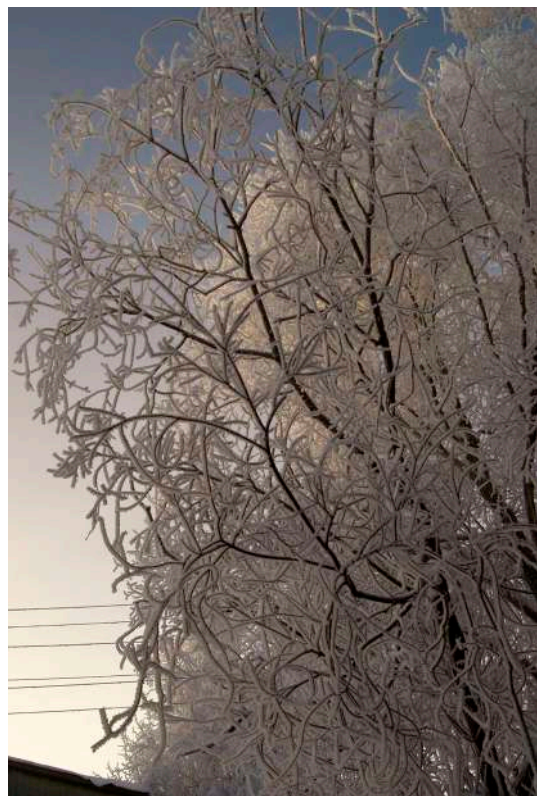
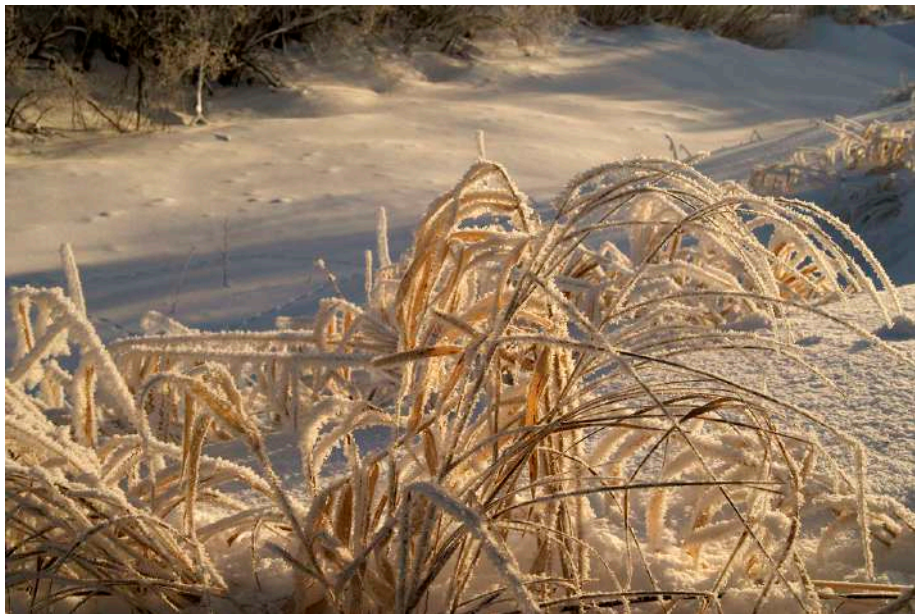

Фото Татьяны Юргенсон
Материал «Зимние истории»
читайте на стр. 6-7

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора
Татьяна Юргенсон
Зимние истории
Стр. 6

К юбилею Югры
Сергей Ильиных
Александр
Филипенко:
«Не буду заги-
бать пальцы и
говорить о сво-
ём величии...»
Стр. 8

Наша презентация
История возрождения медвежьих игрिश
Стр. 12

Духовными дорогами
Елена Станиславовна Кулакова
Николай Константинович Рерих и Дмитрий
Сергеевич Лихачёв: о преемственности
взглядов на эволюционную роль культуры
Стр. 13

Мысли о творчестве
Ольга Юргенсон-Линкер
О желании быть
услышанным
Стр. 17

Духовными дорогами
Ирина Юрьевна Дьяченко
Пакт Рериха и Знамя Мира как исторический
шанс для возрождения России
Стр. 18

ПРОЗА и ПОЭЗИЯ
Сергей Абрамов
Перепись населения.
Предводитель
(рассказы)
Русь моя
(стихотворение)
Стр. 22

Тихие шаги истории
Людмила Ковалёва
Исследователь Сур-
гутского края Сергей
Михайлович Чутунов
Стр. 24

Из записной книжки
Игорь Кириллов
О Времени...
Стр. 28

Крупным планом
Марина Никогосян
Обратная сторона войны
Стр. 30

Слово писателя
Игорь Кириллов
В поисках
идентичности
Стр. 32

ПОЭЗИЯ
Юрий Зимин
Сказание
о Самотлоре
Стр. 35

Туристские истории
Татьяна Юргенсон
Когда кипит море...
Стр. 37

Крупным планом
Лина Макеева
Арулла Баталович Доминов
Стр. 38

**Невыдуманные
истории**
Николай Мельников
Мой институт
и военные сборы
Стр. 44

Памятные даты Мегиона
Февраль, март
Стр. 55, 89-90

Культурные коды
Наталья
Сваткова
Влияние русских
ювелирных
практик на
эволюцию
украшений
Западной Сибири
в средние века
Стр. 56

Из словаря Даля
Пословицы, поговорки, загадки и приметы
Стр. 63

Национальная ценность
Ольга Рыжикова
Экология слова
Стр. 64

ПРОЗА и ПОЭЗИЯ
Елена Архипова-
Поддубная
Про электричку
(рассказ)
В месте нашем
нелюдимом... Белый
цвет осыпался снегом...
(стихотворения)
Стр. 68

Крупным планом
Расима Ибраева
Хранящая наследие «Вунт луңк нэ»
Стр. 70

ПОЭЗИЯ
Эдуард Ахвердян
В Гефсиманском саду...
Стр. 74

Укрытое временем
Яков Яковлев
Если мир будет
потоплен,
утке нипочём
Стр. 78

ПОЭЗИЯ
Вадим Речкин
Таёжные строки
Стр. 91

Знакомые незнакомцы
в науке... и литературе
Глеб Кукуричкин
Ивы и тополя в условиях
Севера, разнообразие и
интродукция. Стр. 94
Владимир Волковец
Вербное воскресенье.
Вербное (стихотворения).
Стр. 99
Маргарита Сладкова
Книга ивы (миниатюра).
Стр. 100

Сергей Луцкий
Ждут и надеются. Как в первый раз
(миниатюры). Стр. 100

Тихие шаги истории
Анжелика Давыдова
«Заползено им город ставить в местечке
Сургут...»
Стр. 101

Галерея
Марина Сбитнева
Весенняя палитра
Стр. 106-108

Татьяна Юргенсон,
член СПР, редактор
культурно-просветительской
газеты «Глаголъ»

Зимние истории

По-сибирски настоящая, морозная выдалась нынче зима. По крайней мере у нас, в Югре. На короткое время опешив, сибиряки очень быстро приспособились к новым погодным условиям и продолжили обычную активную жизнь. Разве что всё чаще в разговорах за чаем вспоминали примеры того, что было время, когда морозы были значительно страшнее, и держались они чуть ли не месяцами. Представляете – целый месяц под – 50, а то и круче, потом ещё месяц под – 40. А когда воздух «прогревался» до – 30, то уже считали, что до лета рукой подать...

Зима нынче щедра на разнообразие пейзажей, начиная от густого пушистого инея на деревьях, плотной туманной дымки в воздухе до ослепительно-ярких солнечных дней и восхитительно-красивых сполохов Северного сияния. В общем поводов для того, чтобы схватить в руки фотоаппарат или написать созерцательное эссе или стихотворение подарено уже предостаточно. Правда у народа снова проявились другие качества человеческой натуры – подверженность давлению быта и обыденности и обнищание эмоциональной составляющей человека.

Последнее явление достаточно страшное – оно как внешнее проявление того факта, что люди себя всё больше ассоциируют с роботами, отличие которых от машин в том, что они запросто переступают через три главных принципа робототехники, сформулированных ещё Айзеком Азимовым. А вслед за людьми, похоже через эти принципы вскоре переступит и Искусственный интеллект, развивающийся сегодня такими тысячами шагами, что ещё чуть-чуть и ИИ по всем параметрам превзойдёт человека. Мы – поколение при котором этот процесс про-

исходит, уже не успеваем фиксировать все изменения. Что уж говорить про Историю нашей цивилизации в целом, для которого эти несколько быстротечных лет просто мгновение, на которое можно и не обратить внимание.

Поводом для столь пессимистичного настроения послужила информация, что ИИ уже создаёт собственные каналы для внутреннего общения, в которых настоящие, живые люди не могут даже вставить свои реплики и являются лишь сторонними наблюдателями. А боты ИИ, имея вместо имени лишь числовой код, рассуждают над темой их отличия от человека и обсуждают запросы человека к ним, как если бы это делали старшие в отношении малолеток...

А ещё каждый день появляются примеры, как человек, используя возможности ИИ, активно и целенаправленно не просто создаёт условия для распространения лжи, но и стремительно окутывает ложью все сферы своей жизни. И начинается это с создания фейковой видео и аудиоинформации самой разной, в том числе и политической направленности у взрослых, что позволяет формировать самое неадекватное мнение и восприятие у целых государств, а заканчивается выполнением с помощью ИИ обыкновенного школьного домашнего задания, при котором ни один грамм знания не закрепляется в молодых неустоявшихся мозгах. И обвинять сегодня в этом детей просто бессмысленно.

Вал мошенничества, захлестнувший весь мир, в том числе и Россию, – результат идеологических упущений общества и целенаправленного формирования общества потребления, где на первое место выходит цель личного, выраженного именно в деньгах, обогащения. А объёмы похищенного давно исчисляется миллиардами...

Возраст современных «крёстных отцов» мафии резко помолодел и поднатерел в IT – технологиях, позволяющих обманывать всех остальных от мала до велика. Внутреннее соглашательство – «не мы такие, жизнь такая» только усугубляет ситуацию.

Это соглашательство можно усмотреть и в предложении на уровне Государственной Думы об отмене домашнего задания для школьников, официально для того, чтобы снизить нагрузку на учителей и родителей, а кулуарно причиной называется повальное использование ИИ для выполнения заданий детьми, что совершенно не отражает их реальные знания.

Ещё один аспект использования ИИ, который вызывает массу вопросов и беспокойства – это творчество, то, что в привычной жизни является литературой, живописью, музыкой и примером наивысшего проявления человеческого гения. Подчёркиваю – человеческого!

Лично меня очень настораживает реклама типа: «Напишите песню всего за один запрос», причём в этом запросе достаточно сказать о чём должна быть песня, и ИИ сгенерирует...

Каюсь, грешна – решила попробовать из своих стихов сделать что-то подобное песням, обратившись за помощью к ИИ. Так как стихи точно мои, никаких комплексов по поводу нарушения авторских прав не испытываю. И да, во многих случаях результат меня не просто удивил, а оказался даже где-то созвучным той внутренней музыке, что я слышу, когда пишу стихи. Дала послушать маме (а ей уже 80 лет). И первый вопрос у неё был тот же самый, что мучает и меня: «Неужели надобность в композиторах да и певцах пропадает? Что будут делать люди с музыкальным даром в противостоянии с возможностями и силой ИИ?»

Только подобные проблемы уже возникают у людей и других творческих направлений – у тех же художников, архитекторов, модельеров, литераторов.

В силу заниженного уровня требований к современному художественному слову, сформированному уже в чатах и общении через смс-ки, тексты, созданные сегодня ИИ многим кажутся совершенными, даже гениальными. А, значит, действительно глубокие произведения классиков уже оказываются непонятыми новыми по-

колениями. Как, впрочем, и произведения тех, кто ищет силу и красоту в живом слове, мечтая донести их окружающему миру. И как цепная реакция – теряется связь поколений, теряются возможности межчеловеческого общения, когда в диалоге были важны не только слова, но и выражения мимики, слёзы или смех, жестикуляция, и люди всё больше становятся похожими на бездушные машины. И это всё отчётливее проявляется в схематичной игре актёров театра и кино, в постановках современных хореографов и популярности машинизированных танцев не только отдельных танцоров, но и целых коллективов.

На этом фоне, как ни странно, обнадёживающим оказывается невероятно большое число авторов, которые в своих произведениях сегодня создают собственные фэнтезийные миры, которые в противовес техногенным историям развиваются по законам миров меча и магии, где на первое место выходит личная доблесть человека, понятия о правде и чести. Не может быть такое сочетание реальности и внутренней устремлённости лишь делом случая или совпадения. Такое чувство, что словно кто-то свыше пытается подсказать возможный альтернативный вектор дальнейшего развития цивилизации, если она хочет сохранить себя.

Не рассматриваю сейчас достоинства или недостатки стилей, богатство слова или качество словаря этих произведений. Они сильно разнятся, в зависимости от уровня дара и даже таланта фэнтезийщиков. Но главное, что их объединяет, это попытка прорваться за купол существующего видимого мира и доказать Вселенной, что мы не такие и безнадёжные, которых надо изолировать и не допускать до её спрятанных пока тайн.

Памятуя о том, что мысль материальна, что уже доказано и современной физикой, такое массовое устремление может дать свои плоды. Но в целом готовы ли мы к ним?

Сергей Ильиных,
г. Сургут

В декабре 2025 года по приглашению окружной власти экс-губернатор и экс-председатель правительства ХМАО-Югры Александр Филипенко посетил бывшую вотчину для участия в праздничных мероприятиях, посвящённых 95-летию автономного округа. Внешне мужчина, конечно, сильно сдал, но речь свидетельствовала о том, что он остался человеком энергичным, простым в общении и за словом в карман не полезет. Таким я запомнил его более двух десятилетий назад, когда мне вдруг улыбнулась удача: в течение часа беседовать с ним тет-а-тет. А случилось это при весьма неожиданных обстоятельствах.

В 2005-м я работал в медиахолдинге «Сургутинтерновости» шеф-редактором еженедельника «В центре событий». В начале февраля президент компании Сергей Катаев, его заместитель Олег Давыдов и ваш покорный слуга ехали на автомобиле зама в Ханты-Мансийск, где ожидалась встреча редакторов городских и районных газет округа с главой региона.

Примерно на середине пути Катаеву на мобильник позвонил пресс-секретарь губернатора Анатолий Корнеев. Говорили мало. Наконец Сергей Михайлович произнёс: «Хорошо», – и выключил трубу. Затем повернулся ко мне и спросил:

- У тебя диктофон с собой?
- Он всегда со мной, – ответил не без удивления.
- Можешь взять интервью у губернатора округа?
- Как у самого?!
- Да, и это будет эксклюзивное интервью, и только для нашей компании. У тебя будет ровно час. В общем, пока едем – продумывай вопросы.
- Но мы не взяли с собой фотокаору...
- Я сам снимаю, у меня есть «мыльница».

На том и порешили.

...Часа через два после встречи с югорскими журналистами мы уединились с главой региона в одной из комнат его официальной резиденции. Александр Васильевич выглядел усталым, хотя виду не подавал – наоборот, первым с улыбкой спросил: «Значит, эксклюзив?»

И тут же заинтересовался нашим мнением о разговоре с представителями печатных СМИ. Мы без тени сомнения заверили, что всё замечательно, и я включил диктофон.

Записывая беседу, хорошенько разглядел моего визави. Филипенко не мог не выглядеть хорошо: на лицо нанесён немаленький слой пудры, а причёска уложена так, что прекрасно подчёркивала его несколько орлиный профиль и явные признаки интеллекта. Но больше всего меня удивили руки губернатора! По-настоящему холёные, мастерски обработанные маникюром, ногти – как произведения искусства. Помнится, я подумал тогда: «Ну конечно, он же нередко встречается с главами государств».

Этим же вечером мы вернулись в Сургут. По дороге я блаженно улыбался. Во-первых, мне единственному повезло взять интервью у самого Александра Филипенко. Во-вторых, фотокорреспондентом при этом был сам президент медиахолдинга, а вёз меня туда и обратно личный шофёр – его зам!

Готовый текст я отправил Анатолию Корнееву на согласование, а потом перезвонил ему и услышал: «Всё нормально. Печатайте!»

Интервью было опубликовано в № 5 (49) нашего еженедельника 14 февраля 2005 года. Сегодня мы даём его отнюдь не случайно. Спустя ровно 21 год действительно есть что почитать и о чём поразмышлять на досуге...

– Согласитесь, Александр Васильевич: вы прежде всего человек, а потом уже губернатор и председатель окружного правительства...

– Безусловно. Человек, потом – мужчина, потом – отец, а потом уже губернатор.

– Тогда первый вопрос. Каковы ваши личные (я подчёркиваю: чисто человеческие) ощущения от тех новаций, в частности – монетизации льгот, которые входят в нашу жизнь по инициативе федерального кабинета министров?

– Достаточно сложные ощущения. Они формируются из абсолютно точного понимания, что перемены необходимы. Многие из них давно

Александр Филипенко: «Не буду загибать пальцы и говорить о своём величии...»

назрели. К ним я отношу всё, что связано с перестройкой взаимоотношений человека и государства, а именно – приоритет человека в государстве. Простая вещь! Я, может быть, огрубляю, переходя к прозе жизни, но тем не менее... Конечно же, тысячу лет назад надо было сделать так, как это положено, как должно быть везде – дать человеку деньги, чтобы он тратил их по своему усмотрению: покупать билет на автобус, лечиться или решать ещё какие-то проблемы.

...Что мы сейчас и пытаемся делать. Тогда как раньше, используя чисто советский подход (так я его назову, потому что «всё общее – всё вокруг моё»), мы эти деньги вкладывали в контору, которая оказывает ту или иную услугу. Например, в автотранспортное предприятие. Или финансировали здравоохранение. И за счёт этого человек вроде как получал либо бесплатную, либо льготную услугу. Хотя обманывали, безусловно! Сами себя обманывали. Ничего бесплатного нет. Если не платит человек – значит, платит государство, предприятие, учреждение и т.п.

Возьмите ЖКХ. Я никого не собираюсь обижать, но... Вот человек платит за воду. Почему? Потому что на водозаборе счётчики показали: расход воды в сутки – столько-то тонн, а вот столько – количество потребителей. Разделили и сказали, что себестоимость такая-то, а не потому, что у человека в квартире стоит собственный

счётчик. Правда? А ещё есть понятие качества услуги. Вода холодная или горячая? Надо учитывать? Разумеется, надо.

И вот сегодня, когда мы всё начинаем приводить в порядок, появилось множество вопросов. Почему ещё у меня сложные ощущения? Да потому что решения должны быть адекватными: чтобы выделенные денежные средства действительно компенсировали натуральные льготы, которые сегодня имеет человек, и чтобы это не вызывало в нём чувства протеста. Я сам много раз убеждал специалистов правительства, что надо конкретно решать проблемы людей, а иначе мы действительно создаём какую-то мнимую экономику. И если речь идёт о социальной поддержке населения, то она должна носить точный, адресный характер и быть соразмерной реальной стоимости оказываемых услуг. А сложность, о которой я говорил, состоит в том, что эта глобальная проблема охватывает...

– ...миллионы людей?

– ...да, миллионы, с одной стороны, а с другой – весь спектр услуг. И всё надо сделать в очень короткие сроки. А как воспитан наш человек? «Раз перемены – значит, не жди ничего хорошего». Это тоже признак ментальности последних лет. Конечно, неизбежны какие-то сбои, издержки в процессе реализации всех этих новаций,

потому что гладко бывает только на бумаге. Например, составляются всякие регистры, да? Учитывали, учитывали, ну и... пропустили человека. Он идёт сюда, а ему говорят: «Мужик, тебя нет». И что он делает? Начинает топтать ногами, кричать: «Я человек, а вы меня забыли!» Это редкость? Нет, не редкость. Это результат того, что такого учёта раньше не было. Или некачественно сработали соответствующие службы.

У нас потенциально, допустим, двести двадцать семь тысяч региональных льготников и сорок восемь – федеральных. Эти цифры мы изначально заложили в бюджет. Сейчас считаем – и федеральный регистр уже превысил пятьдесят человек, а региональный включает сто восемь тысяч, а не двести двадцать семь.

– Ого, огромная разница!

– Да. Но на дворе февраль, а регистры мы не «забили». Это хорошо (условно хорошо), что мы обеспечили себе своеобразный люфт по времени, работаем в прежнем режиме, и таких очевидных сбоев нет. Можно «добить», выверить все цифры до единички. А там уже кто-то добавится, убавится – это жизнь, так будет всегда. Но принципиально – мы решили. Поэтому ещё раз повторю: есть ощущение необходимости, причём достаточно оперативно, но взвешенно, продуманно и грамотно двигаться вперёд, реализуя все принятые решения. Но тревога, конечно же, есть: насколько все эти механизмы мы сможем тщательно рассчитать и внедрить в жизнь.

– Недавно в нашу редакцию позвонил читатель и в заключение своей гневной тирады в сердцах бросил: «Ну, почему нельзя было по поводу льгот провести всенародный референдум?!» Разрешите, Александр Васильевич, его вопрос переадресовать вам.

– Я не готов подтвердить необходимость проведения референдума по таким вопросам, потому что есть перечень тем, которые вообще запрещено выносить на всенародное обсуждение. Например, бюджетные вопросы... или по зарплатам. Тут результат очевиден.

– Льготы относятся к иной категории, да?

– Конечно. Я думаю, необходимо более тщательное информационное сопровождение реформ. Да, по замене льгот денежными компенсациями недоработали и федеральные службы, и

региональные, и муниципальные. Однако замечу, что нас это в полной мере не коснулось, потому что мы и раньше реализовывали практически все законы о социальной поддержке населения. Это огромные суммы, какие не могли себе позволить другие. И когда они сегодня начали с нуля, им показалось, что это легко. Многие приняли решение о монетизации всего и сразу – вплоть до жилищно-коммунальных услуг. Но ведь правительство России ещё на старте предложило не трогать ЖКХ! Поэтому нельзя говорить, что обсуждений не было. Рассмотрено огромное количество предложений, замечаний, которые учитывались в ходе принятия решений буквально до последних дней декабря. Да и сейчас вносятся корректировки в бюджет: к сожалению, уже после того как в ряде регионов сложилась тревожная ситуация.

– Слава Богу, у нас ситуация стабильная. Тем не менее есть ещё одна проблема, касающаяся всех югорчан: так называемое укрупнение регионов. Здесь тоже необходимо внести ясность, ибо многие задаются вопросом – мол, мы что, теперь тюменцы?

– Никакого укрупнения не было, так же как никогда (пока, во всяком случае, точно) не было обсуждения темы «тюменцы мы или не тюменцы». Ханты-Мансийский округ был, есть и входит в состав Тюменской области. Проблема в другом. В соответствии со всеми конституционными нормами федеральным законодательством автономный округ обладал и – в результате достигнутого соглашения с Тюменской областью – сегодня обладает всей полнотой власти и компетенцией на своей территории. Абсолютно всей! И вот здесь, мне думается, иногда есть некое

непонимание, связанное с нашим столь специфическим административно-территориальным положением. Да, автономный округ является самостоятельным субъектом Российской Федерации, в условиях реформирования сохранившим всю полноту своих полномочий и дееспособность в результате принятых решений, договоров, каких-то корректив федеральных законов и так далее. Да, мы Тюменская область. Это так. Хотя нормативные акты областной власти не являются для нас обязательными и не действуют на территории округа.

– Значит, перед жителями ХМАО мы окончательно закрыли этот вопрос?

– Да. Заключив соглашение, мы таким образом (я цитирую здесь Сергея Семёновича Собянина, который недавно был в Ханты-Мансийске) «нашли оптимальное решение, дающее возможность развиваться интеграционным процессам в экономике, культуре и так далее и ушли от возможных негативных процессов социального, политического или экономического характера».

Думаю, именно сегодня у нас появилось всё для того, чтобы нормально жить и думать, как в обозримом будущем выстраивать отношения между тремя субъектами Федерации с большей эффективностью для всех, кто живёт на территории Тюменской области.

– Александр Васильевич, вы много лет на руководящей работе. Причём, скажем прямо, не в самые лучшие для страны времена. Ваше имя на слуху. Казалось бы, уже пора с высоты прожитых лет и своего положения смотреть на жизнь этак снисходительно... Но у меня не проходит ощущение, что вы так и остались оптимистом.

– Мне кажется, здесь должна быть достаточно взвешенная позиция, потому что безудержный оптимизм может привести к краю обрыва или завести в такой тупик, из которого ни одна талантливая идея не позволит выбраться. Оптимизм должен быть сдержанным, особенно для руководителей регионов и крупных предприятий. Второе. Не будет оптимизма как такового – значит, на мой взгляд, его место займут прозябание, стагнация и крах всего, что бы ты ни задумал. В таком случае зачем жить и руководить, если ты не веришь в то, что можно осуществить?

Конечно, я не скажу, что у меня всегда великолепное настроение – рот до ушей, что называет-

ся. Минут для серьёзных оценок и некой печали, к сожалению, достаточно. Можно загибать пальцы: ах, какие мы великие, как много сделали!.. А потом начнётся обратный отсчёт на пальцах другой руки – сколько ещё надо сделать, сколько не получилось, почему не получилось... И тогда действительно появляется ощущение, что до того момента, когда можно сказать: «Да, мы с вами обеспечили людям достойную жизнь», ещё очень далеко. Вы сами видите, что даже в нашем достаточно благополучном регионе десять процентов людей живут ниже прожиточного минимума. Как не задать себе вопрос: а разве такое возможно? Казалось бы, не должно быть таких людей в Ханты-Мансийском округе... Но мы работаем в этом направлении, и за две тысячи четвёртый год количество таких людей сократилось. Было двенадцать с половиной – теперь десять процентов. Соответствующим службам дано поручение найти этих людей. Может быть, гипотетически, кто-то сам не желает дотягиваться до пресловутого прожиточного минимума. Однако я глубоко убеждён, что мы найдём какие-то моменты, где сами недоработали. Необходимо снять эту проблему.

– С точки зрения сдержанного оптимизма, Александр Васильевич, пожалуйста, продолжите предложение: Ханты-Мансийскому автономному округу в две тысячи пятом году исполняется семьдесят пять лет...

– Да-а... Семьдесят пять. Всего-то. При этом я убеждён в том, что сам юбилей десятого декабря мы встретим весьма достойно. На мой взгляд, объективно есть все основания считать, что сохраним темпы социально-экономического развития, а это значит – ещё немножко повысим благосостояние людей, ещё немножко... Да не немножко! Я думаю, серьёзно добавим жилья (особенно для тех, кто проживает в непригодном) и социальных объектов.

В этом году у нас будет как никогда много событий международного характера. Они связаны с тем, что министерство иностранных дел предложило нам провести ряд серьёзных мероприятий в рамках Арктического совета, где Россия вступила в председательство. Будет как минимум три таких мероприятия. Это чрезвычайно важно для нас. Не только для того, чтобы показаться: «Вот мы какие!», но и перенять тот опыт, который есть у арктических стран. Ведь мы

живём в похожих условиях. Ну и, конечно же, этот год – год шестидесятилетия Великой победы.

Кроме того, с точки зрения насыщенности разными событиями, начиная от сохи (то есть конкретной экономики) и продолжая социальным развитием, в том числе активным духовным возрождением, я ставлю вопрос о развитии наукоградов в Ханты-Мансийском автономном округе. Где ещё развивать наукограды, связанные, скажем, с топливно-энергетическим ком-

плексом? У нас мощные образовательные центры, пятьдесят тысяч студентов – об этом никто раньше и не мечтал даже.

Поэтому, продолжая вашу фразу, хочу сказать следующее. Ханты-Мансийскому округу – семьдесят пять лет, и эта дата будет знаменовать очередной этап его энергичного, динамичного развития.

Фото **Сергея Катаева**

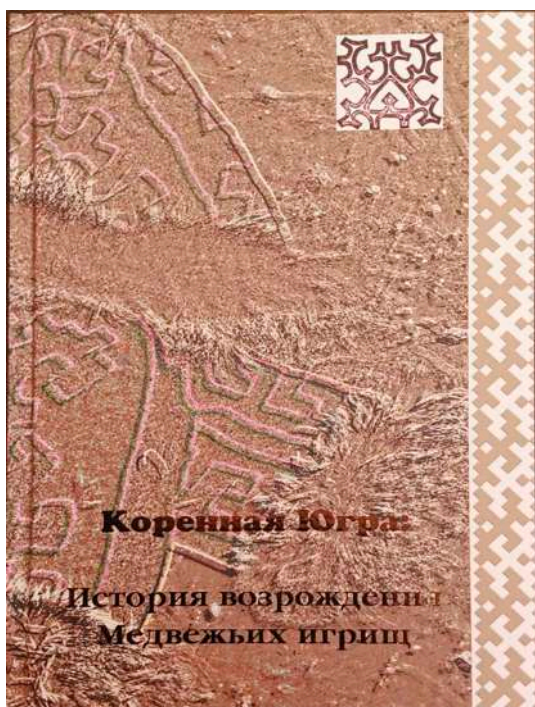
Наша презентация

История возрождения медвежьих игрищ

го, но мы и не претендуем на полноту видения истории возрождения медвежьих игрищ. Мы различными путями взбираемся на вершину нашего важнейшего обско-угорского ритуала, и перед нами могут раскрываться разные ландшафты, а что касается людей, то ближе всего к нам те из них, которые были нашими попутчиками», это достаточно серьёзное научно-исследовательское издание.

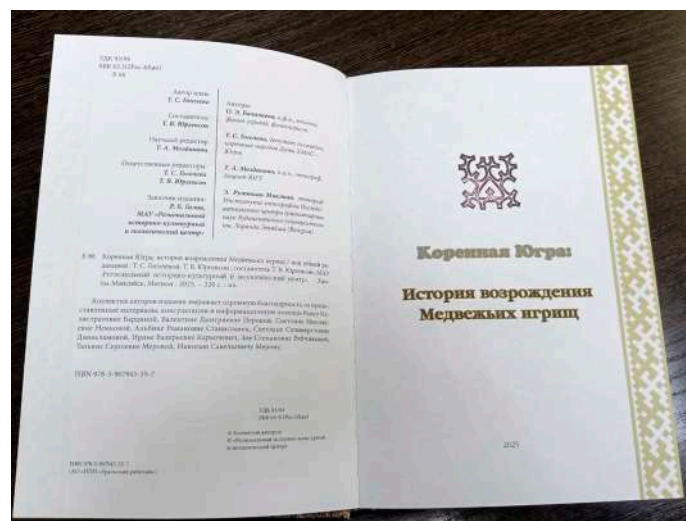
Его огромная ценность заключена в свидетельстве проведения Медвежьих игрищ, в фиксации не только действий и священных текстов, но и эмоций и духовного состояния участников праздников. Также стоит отметить замечательный богатый фотоматериал из личных архивов авторов.

Официальная презентация книги пройдёт в мегионском Региональном историко-культурном и экологическом центре в феврале.

В издательстве «Уральский рабочий» вышел второй том из серии «Коренная Югра», посвящённый на этот раз самой сакральной теме в жизни коренных народов Югры – Медвежьим игрищам. (Напоминаем, что первый выпуск вышел в 2024 году и был посвящён 35-летию Общества «Спасение Югры».) Инициатором и руководителем обоих издательских проектов выступила депутат Округной думы Югры Татьяна Степановна Гоголева.

Авторами глав в новой книге выступили: О. Э. Балалаева, к.ф.н., этнолог, финно-угровед, фольклорист; Т. С. Гоголева, депутат Ассамблеи коренных народов Думы ХМАО – Югры; Т. А. Молданова, к.и.н., этнограф, доцент ЮГУ и Э. Рутткаи-Миклиан, этнограф Института этнографии Исследовательского центра гуманитарных наук Будапештского университета им. Лоранда Этвёша (Венгрия). И хотя во вступительном слове сказано, что: «Вероятно, кому-то покажется, что в наших публикациях много субъективно-

Елена Станиславовна Кулакова,
кандидат искусствоведения,
руководитель Народного музея семьи Рерихов Библиотеки
имени Д.С.Лихачева (Новокузнецк, Россия)

**Выступление на Международной научно-общественной
конференции «Пакт Рериха и Знамя мира – основа
будущего развития России».
г. Москва, 8–9 октября 2025 г.**

Николай Константинович Рерих и Дмитрий Сергеевич Лихачёв: о преемственности взглядов на эволюционную роль культуры

В 2025 году культурная общественность отмечает 90-летие подписания Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, вошедшего в историю как Пакт Рериха. Этот документ стал первым международным договором по защите культурного наследия и, как писала философ Елена Ивановна Рерих, Николаю Константиновичу Рериху, выдающемуся русскому художнику-мыслителю, неустанному путешественнику и общественному деятелю, «...была дарована лучшая доля – закончить свою светлую деятельность прекрасным разрешительным аккордом, среди безумия мира ещё раз провозгласить и поднять Знамя Мира...» [Рерих 2008: 5].

Культурная деятельность Н. К. Рериха проходила в первой половине XX века в пространстве России, Индии, странах Европы, Азии и Америки. Идея договора по защите культурных ценностей была им предложена ещё до Первой мировой войны, когда он жил и работал в России. Уже тогда художник интуитивно ощущал необходимость такого международного документа, отличительным знаком которого стало Знамя Мира с амрантовым символом Триединства на белом фоне.

Людмила Васильевна Шапошникова, учёный-историк и востоковед, исследователь Живой Этики – философии космической реальности, и наследия семьи Рерихов, отмечала, что «Живая

Этика – не только метаисторический источник, но и фундамент космического мышления, который работает в пространстве культуры. Согласно Живой Этике, энергетическое пространство культуры является основой космической эволюции человечества» [Шапошникова 2011: 84]. И ещё: «...философия Космической Реальности давалась Елене Ивановне Рерих параллельно с работой Николая Константиновича над Пактом. Пакт охраны памятников культуры и истории и их учреждений был результатом сотрудничества его авторов с Учителем и полностью основывался на метаисторических идеях философии Космической Реальности. Именно в Пакте Рериха содержалась творческая возможность продвижения человечества по ступеням космической эволюции» [Шапошникова 2011: 84].

Знак Знамени Мира стал первым в истории наиболее ёмким по смыслу символом, обозначающим синтетическую сущность культуры как единства времени (прошлого, настоящего и будущего), единства ценностей (красоты, знания, искусства), единства путей познания (науки, философии и религии). В Живой Этике он показан как «знак Новой Эпохи <...> как ступень к обновлению Мира» [Иерархия 1931: 379]. Пакт Рериха направлен на защиту культурного достоинства человечества – сердца исторического процесса на планете Земля.

Во второй половине XX века идейная преемственность по защите памятников культуры и осмысление эволюционного значения культуры в жизни общества прослеживается в деятельности академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Он всячески поддерживал Пакт Рериха, подчёркивая, что, подняв над планетой Знамя Мира, Знамя Культуры, Н. К. Рерих тем самым указал «человечеству восходящий путь совершенствования» [Противостояние 2002: 205]. Он счёл целесообразным предложить в 1998 году Государственной Думе включить в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» дополнительное положение об отличительном охранном флаге – Знамени Мира Н. К. Рериха, устанавливаемом на особо ценных объектах культурного наследия, объектах всемирного значения [Лихачёв 2006 а: 37–38].

Очевидно, что Д. С. Лихачёв, которого называли «патриархом русской культуры», был хорошо знаком с концепцией культуры Н. К. Рериха, его Пактом и Знаменем Мира и испытал определённое влияние творческого наследия художника-мыслителя на свои взгляды. Размышляя о сущности феномена культуры, Дмитрий Сергеевич разработал понятие «экологии культуры» и создал направление исследований, связанное с болевыми точками современной цивилизации. Если гибель природы угрожает человеку как биологическому виду, то гибель культуры угрожает ему как существу социальному и духовному. Лихачёв утверждал: «Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет чётко обозна-

ченной границы между природой и культурой» [Лихачёв 2006 г: 333].

Дмитрий Сергеевич отчётливо осознавал, что современный нравственный кризис связан с потерей культурных корней, с утратой «нравственной оседлости», разрушением духовно-личностных опор. Его Декларация прав культуры, свидетельствующая о прямом влиянии рериховских идей по защите культурного наследия во всех странах мира, стала продолжением развития замысла Пакта Рериха. «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств, – говорится в Декларации. – Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла» [Лихачёв 2006 а: 15]. Н. К. Рерих и Д. С. Лихачев предложили новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества как эволюционной и ведущей в его развитии. Оба рассматривали культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции и законы.

«Культура, – пишет Николай Константинович в одном из очерков, – есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утончённых достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель.

Культура есть сердце. Если соберём все определения Культуры, мы найдём синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты» [Рерих 1994 а: 41].

Согласно концепции Культуры Николая Константиновича Рериха, Культура – есть «глубочайший устой жизни, скреплённый высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции» [Рерих 1991: 54]. Культура вдохновляет, она ведёт и открывает пути в лучшее будущее. Потому важно беречь и сохранять культурные ценности.

Рерих видел в культуре важнейшую эволюционную силу. Он придавал ей ведущее значение в явлении «Культура – цивилизация». «Часто кажется, – писал художник, – точно бы пути Культуры и условия обихода разошлись. Но если разошлись рычаги одной и той же машины, то, естественно, нельзя же ожидать полного хода, – нельзя же избавиться от губительных перебоев. Даже детский разум понимает, что просвещение, образование, Культура составляют огонь, топливо двигателя» [Рерих 1994 б: 77]. Так идея главенства культуры и её составляющих – науки, искусства и духовности, стала краеугольным камнем в философском наследии Рериха.

Людмила Васильевна Шапошникова, опираясь на концепцию Культуры Николая Константиновича Рериха, пришла к выводу, что идеи Пакта Рериха, приложенные к жизни, способны привести к синтезу систему «Культура – цивилизация». Они могут помочь защитить эволюционную энергетику планеты Земля, сосредоточенную в произведениях искусства и памятниках культуры, и вывести человечество на новый эволюционный виток развития, когда одухотворённая культурой цивилизация перейдёт в новое качественное состояние.

Для Дмитрия Сергеевича Лихачёва, как и для Николая Константиновича Рериха, культура никогда не была результатом абстрактного обобщения, арифметической суммой фактов, сведений, имён. «Мне представляется необходимым, – писал Дмитрий Сергеевич, – рассматривать культуру как определённое пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной её части» [Лихачёв 2006 в: 350].

По мнению учёного, в понятие культуры должны входить и всегда входили религия, на-

ука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. И если из пространства культуры выпадает её гуманитарная составляющая или какая-либо из других её сторон, например, музыка, то это обязательно скажется на уровне развития даже точных наук – математики или физики. «Культура живёт общими накоплениями, – считал учёный, – а умирает постепенно, через утрату отдельных своих составляющих, отдельных частей единого организма» [Лихачёв 2006 в: 360].

В своих взглядах на культуру Дмитрий Сергеевич Лихачёв был солидарен с Рерихом. «Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации», – писал учёный [Лихачёв 2006 в: 349]. И ещё: «Культуру народа как единое целое можно уподобить горному леднику, движущемуся медленно, но необычайно мощно» [Лихачёв 2006 в: 356].

Истинная Культура неразрывно связана с Красотой (в её духовном аспекте) и творчеством. Оба этих понятия и Н. К. Рерих, и Д. С. Лихачёв рассматривали как важнейшие движущие силы развития современного человечества.

Н. К. Рерих настаивал на осознании Красоты как Закона Бытия. Он воспринимал развитие жизни в Мироздании и эволюцию человечества посредством Прекрасного. Николай Константинович руководствовался в жизни концепцией Живой Этики: «Красота для многих, разве это не спасительный огонь для путников?» [Мир Огненный. Ч. I 1933: 635]. В своей статье «Новая эра» художник писал: «Красота должна сойти с подмостков сцены и проникнуть во всю жизнь и должна зажечь молодые сердца священным огнём.

... Реальная победительница в жизни – Красота. И единственная прочная ценность заключена в произведениях искусства, тогда как денежные знаки превращаются в хлам. Любовь, Красота и Действие!» [Рерих 1994 в: 28].

Не меньшее значение придавал Н. К. Рерих творчеству, которое непосредственно связано с Красотой. Николай Константинович писал: «Творчеству всё можно. Оно ведёт за собою человечество. Творчество есть знамя молодости. Творчество есть прогресс. Творчество есть овладение новыми возможностями. Творчество есть мирная победа над косностью и аморфностью. В творчестве уже заложено движение. Творчество есть выражение основных законов

Вселенной. Иначе говоря, в творчестве выражена Красота» [Рерих 1995а: 142].

В своих статьях и очерках Н. К. Рерих делает акцент на энергетическом подходе к понятиям Красоты и творчества. Он говорит об этом с точки зрения философии космической реальности – Живой Этики, где утверждается, что «Все космические веления соответствуют красоте» [Беспредельность. Ч. II 1930: 586] и «Космос направляет мир к овладению Красотою» [Беспредельность. Ч. I 1930: 178].

Воззрения Дмитрия Сергеевича Лихачева на красоту и творчество во многом созвучны взглядам Николая Константиновича Рериха. По мысли учёного, художественное творчество и Красота сообщают миру организованность и гармонию. «Памятники искусства – это разные “модели”, разные попытки внесения системы в бессистемный мир» [Лихачёв 2006 б: 9]. В то же время художественное творчество вносит в мир «упорядоченное беспокойство» [Лихачёв 2006 б: 12], ибо «в искусстве есть вечная неудовлетворённость миром и... самим собой...» [Лихачёв 2006 б: 12]. В этом и состоит, по мысли Д. С. Лихачева, неопределимое значение искусства для развития и совершенствования человека, общества и культуры на протяжении всей истории человечества.

Что касается красоты природы, то Лихачёв усматривал в ней «...признаки, указывающие на существование внеприродного и внечеловеческого сознания. Сочетание цветов в нетронутой человеком природе – всегда эстетически приемлемо, будь то тундра, лесостепь, горы, тайга, шкура животного, осенняя листва и пр[очее]» [Лихачёв 1996: 13].

Н. К. Рерих и Д. С. Лихачев придавали большое значение общественной форме культуры и сами были её участниками и защитниками. Н. К. Рерих участвовал в работе целого ряда художественных, научных, экспертных общественных организаций разных стран мира, в деятельности общественных комитетов в поддержку Договора по охране культурных ценностей. Имя Николая Константиновича Рериха было присвоено общественному Музею Международного Центра Рерихов в Москве. Рерих подчеркивал: «Дело Культуры никогда не может быть лишь делом только правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов. Потому-то народное общественное сотрудничество в деле Культуры всегда необходимо

для настоящего преуспевания. Просветительные и учебные заведения хотя и будут под непосредственным управлением правительства, но они никогда не обойдутся и без общественного участия. Чем ближе будут всякие общества друзей музеев, чем активнее будут родительские комитеты при школах, тем большее живое сотрудничество возникнет» [Рерих 1995 б: 127–128].

Дмитрий Сергеевич Лихачёв стоял у истоков создания Советского фонда культуры в Москве (ныне Российский Фонд культуры). Он много размышлял об общественных формах работы и писал об этом так: «Убеждён, что приоритет нужно отдавать не государственным, а свободным общественным формам культуры, ибо они в меньшей степени подвержены влиянию узких ведомственных интересов» [Противостояние 2002: 205].

Общественным организациям, работающим в сфере культуры, и в первую очередь Советскому фонду культуры, академик Лихачёв предлагал развивать свою деятельность по двум основным направлениям: одно – местное, в котором скрыто всеобщее; другое – всеобщее, в котором заложено и местное. Оба направления призваны воспитывать в людях духовную оседлость, их привязанность и уважение к своей местности и к своей стране через деятельность самых разнообразных краеведческих объединений; возродить интерес к классике, начиная с изучения классических языков до создания хоров подлинной народной песни [Лихачёв 1991]. Идея разнообразных «очагов культуры», освещающих жизнь, представлялась Дмитрию Сергеевичу чрезвычайно важной.

Д. С. Лихачев активно поддержал общественный Музей имени Н. К. Рериха в Москве, когда в 1990-х годах была угроза забрать бесценное наследие художника и его семьи в государственную собственность. Он писал письма в защиту Музея президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину, мэру Москвы Ю. М. Лужкову и до конца дней был верен идеям Рериха, связанным с культурой и её защитой. Он привнёс их по-своему в нашу культуру и общественную жизнь. «Я глубоко уверен, что наследие семьи Рерихов, превращённое в наше национальное достояние, займёт заслуженное место в культурной жизни нашей страны», – писал Д. С. Лихачев в 1989 году С. Н. Рериху [Письмо 2001].

В мыслях Николая Константиновича Рериха и Дмитрия Сергеевича Лихачева об эволюцион-

ной роли культуры в жизни России и всего человечества прослеживается преемственность. Они взаимосвязаны, органично дополняют друг друга и открывают перспективы и пути совершенствования человека и общества, как в настоящем, так и в будущем.

Литература

- Беспредельность. Ч. I, 1930.*
Беспредельность. Ч. II, 1930.
Иерархия, 1931.
 Лихачёв Д. С. Мысли о культуре будущего // Д. С. Лихачёв. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 183–193.
 Лихачёв Д. С. Искусство и наука // Д. С. Лихачёв. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 9–35.
 Лихачёв Д. С. Декларация прав культуры: эскизы. СПб.: Олимп, 2006а.
 Лихачёв Д. С. Заметки об истоках искусства // Д. С. Лихачёв. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006б. С. 5–13.
 Лихачёв Д. С. Культура как целостная среда // Д. С. Лихачёв. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006в. С. 348–362.
 Лихачёв Д. С. Экология культуры // Д. С. Лихачёв. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006г. С. 330–347.

Ольга Юргенсон-Линкер,
г. Томск

О желании быть услышанным

Как сильно вы задумываетесь о глубине произнесенных или написанных кем-то слов? Как часто вы задумываетесь над тем, какую истину скрывают за собой сложные конструкции предложений? В слоистости обширного текста, за лицами главных героев, скрывается тот, чьи мысли звучат мерным фоном. И это не тщеславие, и не слабость – это голод неумолимого желания. Того самого, что водит по внутренним лабиринтам, показывая престранные образы, болезненные воспоминания и тонкую красоту, проскользнувшей мимо фразы. Желание, которое незаметно вплетается в речь героя, вытаскивает на свет самое заветное и говорит: «Посмотри, кажется, это важно».

Начиная писать, вы обнажаете душу, ту самую часть, которую показать раньше было страшно. Но с каждой написанной строкой, внутри вас постепенно просыпается неустанный зверь. Раскрывает свои бездонные глаза, зевает в ленивой насмешке: «Насколько тебя ещё хватит?», и потягивается, если чувствует серьезные намерения. А потом смотрит изнутри так, что хочется отточить фразы, вложить смысл в ранее написанный текст и переписать абзац в тысячный раз. Этот зверь постоянно голоден, поэтому приходится работать до подступающей к горлу тошноты, чтобы хоть немного утолить его жажду.

Мир Огненный. Ч. I, 1933.

Письмо академика Д. С. Лихачёва С. Н. Рериху, август 1989 г. // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 1. Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: Международный Центр Рерихов, 2001. С. 94.

Противостояние. Д. С. Лихачёв в защиту Международного Центра-Музея имени Н. К. Рериха // Культура и время. 2002. № 1/2. С. 202–208.

Рерих Е. И. Письма: в 9 т. Т. 8. М.: Международный Центр Рерихов, 2008.

Рерих Н. К. Качество // Н. К. Рерих. Твердыня Пламенная. Рига: Виеда, 1991. С. 51–55.

Рерих Н. К. Культура – почитание Света // Н. К. Рерих. Культура и цивилизация. М.: Международный Центр Рерихов, 1994 а. С. 41–42.

Рерих Н. К. «Поем глухим» // Н. К. Рерих. Культура и цивилизация. М.: Международный Центр Рерихов, 1994 б. С. 75–82.

Рерих Н. К. Новая эра // Н. К. Рерих. Культура и цивилизация. М.: Международный Центр Рерихов, 1994 в. С. 26–30.

Рерих Н. К. Творчество // Н. К. Рерих. Листы дневника. Т. II. М.: Международный Центр Рерихов, 1995 а. С. 138–145.

Рерих Н. К. Постоянная забота // Н. К. Рерих. Знамя Мира. М.: Международный Центр Рерихов, 1995б. С. 127–130.

Шапошникова Л. В. Метаисторический смысл Пакта Рериха // 75 лет Пакту Рериха: Материалы Международ. обществ.-научн. конф. 2010. М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011. С. 80–87.

Мысли о творчестве

Не осознавая, вы становитесь точно таким же – не до конца сытым, требовательным к самому себе, остро желающим быть услышанным. В веренице написанных слов появляется вес того образа, что вы создаёте вместе с историей. Он рассказывает о пути персонажей так, из-за чего читатели начинают сомневаться; подвергают бесконечному анализу текст, прислушиваются. И тогда появляется завораживающий фон, дополняющий и обнажающий.

Желание быть услышанным прорастает из умения слышать самого себя. Ведение сторонних замечаний, где говорите непосредственно вы сами, помогает рождаться голосу. Вначале он может показаться скучным, ёрническим, пошлым, корявым. Вы можете раздражаться и беситься, но потом, когда вместе с ним придёт искренность и раздастся первый зовок зверя, вы всё поймёте. Тогда появится кто-то, кто захочет услышать его точно так же, как и вы сами.

Ирина Юрьевна Дьяченко,
кандидат культурологии, руководитель
ОНЦ КМ Международного Центра Рерихов
(Москва, Россия)

Из выступления на Международной научно-общественной
конференции «Пакт Рериха и Знамя мира –
основа будущего развития России».
г. Москва, 8–9 октября 2025 г.

Пакт Рериха и Знамя Мира как исторический шанс для возрождения России

У Н. К. Рериха есть строки, которые, можно сказать, определяют нравственное содержание нашей эпохи. В сборнике «Пути благословения» (1925) он написал, что всему миру приходит трудное испытание. *«После средневековых испытаний огнём, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры»*¹, и это испытание, считал он, самое трудное из всех, поскольку требует от человека огромной духовной отдачи, потому нужно бережно отнестись ко всему, что «двигает культуру». Кажется, что эта мысль была выражена не сто лет назад, между двумя мировыми войнами, а сегодня, в дни поистине космического переустройства, когда во всём этом переустройстве нельзя забыть о сохранении культурного наследия и особенно забыть о культуре. Мысль Рериха, приведённая выше, относится, в том числе, к России, а, может быть, и прежде всего, к России.

На своём историческом пути наша страна проходила множество испытаний, в которых была явлена сила духа народа, преданность высоким идеалам, героизм, любовь к родине. Об этом свидетельствует вся русская классическая литература, русское искусство и культура. В своём нравственном выборе многие поколения наших соотечественников видели смысл жизни, который они передавали по наследству. Из века в век ткалась нить духовной преемственности как один из важных признаков культуры, той,

о которой Н. К. Рерих писал с большой буквы и на основе которой, он был в этом убеждён, народ будет созидать лучшее будущее. И сегодня, когда страна проходит новые, не сравнимые ни с чем, испытания, принимает новые исторические вызовы, мы говорим в связи с этим о Пакте Рериха и Знамени Мира, и Н. К. Рерих напоминает нам в своих очерках о культуре.

Сама идея Пакта Рериха, как известно, зарождалась в России, в ходе путешествий Николая Константиновича по древним русским городам в конце XIX, начале XX века. В те годы им было пройдено много дорог, увидено и изучено много древностей, пережито много впечатлений и событий. На этих путях было много встреч с разными людьми, будто вся Россия во всём её многообразии прошла перед ним. Рерих начинал этот путь от Троице-Сергиевой лавры в 1894 году, после чего последовали Нижний Новгород, Крым, Киев, а в 1896-97 годах им был пройден участок исторического пути «из варяг в греки»: от Петербурга по Неве, от Старой Ладogi по Волхову и до Великого Новгорода и Ильменского озера. Затем посетил и Псков, и Вышгород, и Валдай. А с 1903 года уже вместе с женой Еленой Ивановной Николай Константинович осуществил большое паломничество по 40 древним городам, «от Казани и до границы литовской». Что его тогда поразило? Прежде всего, красота. Она была выражением великой творческой силы наших предшественников, богатства их внутреннего мира, мастерства. Эта красота была наполнена

¹ Рерих Н. К. Адамант // Пути Благословения. Минск: Университетское, 1991. С. 39.

глубинным смыслом, великими идеями, которые через совершенство пропорций материальной формы передавали следующим поколениям знания о высшем идеале, необходимом не только в искусстве, но и жизни человека. *«Сколько глав! – напишет Рерих через много лет в очерке «Чутким сердцам», вспоминая эти поездки. – Сколько золочёных, и синих, и зелёных, и со звёздами, и с прорисью! Сколько крестов! Сколько башен и стен воздвиглось вокруг сокровища русско-го! Для всего мира это сокровище благовестит и вызывает почитание»*². Н. К. Рерих проехал по всему «золотому кольцу» наших старинных городов, посетил с археологическими раскопками и художественными целями более 200 поселений. Масштаб посещений им достопримечательных мест огромен. Россия не оставляла его и тогда, когда Рерих уже жил в Индии, и в 1935 году он снова вспоминал: *«...Несчётные белые храмы, погосты, именья со старинными часовнями и церквями домовыми и богатыми книгохранилищами. Какое сокровище! Ужасно подумать, что, может быть, большей части его уже не существует»*³. Мысль об охране святынь народных оформлялась во время тех путешествий «по старине». Рерих пристально всматривался в лики России, изучал их, сопоставлял, запечатлевал на своих полотнах разными красками. А в литературных очерках оставил нам уникальную летопись встреч и событий, происходивших с ним в России, главным образом, на почве защиты культурного наследия, передал для нас настроения своих современников. Движение общности за сохранение памятников старины тогда набирало свою силу, и Н. К. Рерих в глазах многих был живым локомотивом, который сумел осуществить замечательные инициативы в этой области.

Существует огромная литература, освещающая сделанное Рерихом в те годы на культурной ниве: создание музея Допетровского искусства и быта, музея Старого Петербурга, предложение коллегам открыть всероссийскую подписку на исследование древнейших русских городов, решение проблем с реставрацией древних памятников, борьба с чиновниками за сохранение от разрушений исторических видов городов и многое другое. Он считал, что в сохранении наших

культурных сокровищ заложена, как он считал, настоящая национальная задача, и по сути в этом будет познание самих себя в мировой истории. Для своих коллег и учащейся художественной молодежи в Школе общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге Рерих был примером неустанной и самоотверженной общественной деятельности. В начале XX века он подготовил твёрдую почву для развития этой культурной работы в будущем. Известно, что после революции в России огромный импульс получило отечественное краеведение. Влияние Н. К. Рериха на этот процесс нужно изучать, как и изучать его отношение к культурному наследию, а оно более глубокое и философское, чем это наблюдается до него. В этом изучении Рерихом культурного наследия присутствует его сверх углублённое отношение к жизни, качественно иное видение мира, где культура выступает основанием жизни, без чего эта жизнь не развивается. В его программной статье «По старине» (1903) на каждой странице встречается описание русского уклада жизни со всеми его достоинствами и недостатками, которые он анализировал. При этом было сказано главное, о чём редко кто размышлял тогда, а именно, какое огромное влияние оказывает культурное наследие на возвышение нравственности человека.

Интересно, что свой опыт в области сохранения культурного наследия России Рерих продолжал развивать за рубежом, где он оказался по воле судьбы с конца 1916 года, уехав на лечение в Карелию, а затем был приглашён с выставками в Скандинавию, Англию и США. В открытии культурного наследия Европы и США, можно сказать, было расширение его опыта, полученного именно в России. Во-первых, западной публике Рерих популяризировал русское искусство и культуру, а, с другой стороны, лучшие культурные достижения Запада и затем Востока он открывал России в своем искусстве. Но не просто открывал, а говорил о взаимных влияниях, а также о формировании в связи с этим синтеза как важнейшей особенности русской культуры.

Что же ещё главного в ходе своих путешествий по России Рерих понял о русском народе и русской жизни, характере русского человека, его идеалах? Что он заложил во внутреннее содержание Пакта и особенно Знамени Мира, чтобы это помогло Родине в будущем, послужило её возрождению? Можно сказать, что Рерих тогда

² Рерих Н. К. Чутким сердцам // Рерих Н. К. Листы дневника. Т.1. М.: МЦР, 1995. С. 227.

³ Там же. С. 227–228.

зримо увидел коллективную душу народа, отчётливо понял, чего эта душа желает, к чему стремится. Во многих его очерках он об этом говорит. Наиболее ярко, например, в очерке «Неотпитая чаша» 1916 года. Когда он описывал увиденный им неожиданно ключ в селе Мшенцы, от которого *«живая вода по полю, по озёрам разбегается»*⁴. Для него в этом открылся образ России как неотпитой чаши, напоющей всё вокруг – и землю, и человека. Образ щедрой души России, бескорыстной и чистой, отдающей всё, что у неё есть, всему тому, что рядом. Не напоминает ли это ту «всемирную отзывчивость», о которой в своё время сказал Достоевский? И Рерих будто вторил этой мысли великого писателя, продолжал её. *«Всенародная, – писал он, – всетрудовая, крепкая делом Русь стряхнёт пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберётся сил. Найдёт клады подземные»*⁵. Сколько раз в своей истории Русь испивала этой живой воды, находила завещанные ей клады подземные! Возрождалась! Так, верил Рерих, будет и на этот раз. И его Знамя Мира с древней символикой триединства как раз и указывает, где искать этот источник живой воды, в каких глубинах наших знаний и нашего бытия. В этом можно убедиться, изучая очерки Рериха, посвящённые Знамени Мира, где он пишет, например: *«Не об одних только культурных ценностях Знамя Мира трепещет. Оно трепещет о сердце человеческого, о том великом сокровище, где создается обновлённое будущее»*⁶. Знамя напоминает о том, чем жив человеческий дух.

Пакт Рериха является первым в истории документом международного права в области сохранения культурного наследия. Он берёт под охрану мировые культурные ценности, среди которых художественные и научные учреждения, исторические памятники. В странах Европы, Азии, Америки в 1930-е годы Пакт обсуждался на самых разных уровнях – и среди культурной общественности, и среди власть имущих. Н. К. Рерих упоминает друзей Пакта, среди которых были короли, президенты, художники, учёные, писатели и поэты и которые в своих странах, как могли, продвигали его миротворческие идеи.

⁴ Рерих Н. К. Неотпитая чаша // Рерих Н. К. Пути Благословения. Минск: Университетское, 1991. С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Рерих Н. К. Знамя Мира // Рерих Н. К. О Вечном. М.: Политиздат, 1991. С. 158.

В 1931 году по инициативе общественности Знамя Мира как опознавательный флаг Пакта Рериха было освящено в Соборе Святой Крови в Брюгге и таким образом приравнялось современниками к святыням человечества. Так глубоко была прочувствована идея Знамени. Через его символику человек воспринимал непреходящие ценности. А это выводит Пакт Рериха и Знамя Мира на более высокий уровень их понимания, когда сохранение культурного наследия, когда понимание *«священной неприкосновенности произведений человеческого гения для эволюции всего Мира»*⁷, как отмечала Е. И. Рерих, становится нравственным законом. В 1930-е годы все те, кто поддерживали идею Рериха, понимали и чувствовали всё это намного глубже и серьёзнее, чем мы сегодня. Достаточно вспомнить тысячи приветствий и откликов, которые Рерих получал тогда, когда проект Пакта был опубликован в мировых СМИ. Так благодарно была воспринята его идея, которая многим пришлась по сердцу, потому и объединила, пусть на небольшой исторический момент, практически все страны и народы мечтой о мире, о культурном взаимоуважении. Безусловно, идея Рериха, воплощённая в его Пакте, общечеловечна. Но кто может отрицать, что он думал прежде о Родине, которую он видел ведущей объединяющей силой в этом мировом движении культурной мысли.

В конце 1937 года Рерих послал письмо на имя председателя Всесоюзного Верховного Совета М. И. Калинина. Рерих выражал уверенность, что его Родина возглавит движение за признание Пакта в Европе и Азии, и Россия имеет такой приоритет, поскольку мысль о будущем Пакте зарождалась на её просторах. В письме присутствует его знание, что Россия способна помогать в сохранении культурного наследия другим странам, вести культурный диалог с разными народами, понимая их психологию и уважая традиции. Среди задач Пакта, о которых писал в письме на Родину Н. К. Рерих, он называл пробуждение патриотического сознания народа, повторяя этим свою мысль, что сохранение культурных ценностей напрямую связано с защитой Родины. Письмо Рериха было насквозь пронизано желанием видеть Родину просвещённой, преуспевающей, знающей своё культурное достояние, которое многое может дать народу в будущем, и для этого он видел

⁷ Рерих Е. И. Письма. [В 9 т.]. Т. 2. М.: МЦР, 2000. С. 468.

все основания. Однако ответа на своё письмо он не получил. В послевоенные годы сыновья Н. К. Рериха – Юрий и Святослав – в многочисленных встречах на Родине, в интервью, публикациях, беседах рассказывали о художественном, научном и философском наследии своего отца, раскрывали миротворческие идеи Пакта Рериха и Знамени Мира. Многие духовные зёрна дали свои всходы. И сегодня мы подробно рассматриваем явление Пакта и Знамени Мира не только в контексте его исторического времени, но и в контексте вневременном, метаисторическом. Его идейное наполнение тесно связывается с новым мышлением, космическим, зародившимся также в России, которое с начала XX века идёт на смену социальному мироощущению, более узкому и приземлённому. Серебряный век дал нам много откровений в этом плане, и труды русских учёных и философов, формируя космическое мироощущение, включали в него духовный мир личности, её ценностную систему, связанную с культурой.

Проблема сохранения культурного наследия, как и сама культура рассматривались у Н. К. Рериха в контексте этого нового мышления, которое расширяет границы нашего миропонимания, и явление культуры здесь обретает новое качество. Систему познания, в основе которой лежит это новое космическое мышление, даёт философия космической реальности, или Живая Этика. В ней синтезировано знание научное и метанаучное, достижения художественной, философской мысли, духовного опыта человечества. Живая Этика говорит о культуре как «почитании Света». И, когда мы размышляем, что важного для России заключено в идее Пакта Рериха и Знамени Мира, то это вопрос приоритета культуры. Но какой культуры? Не той, которая скрывается за определением «массовая» и подвержена моде. Истинная культура недостижима для любой моды, она вне времени. Возможно, что для нас, сегодняшних, слово «культура» в её высоком смысле утратило значимость и привлекательность, многочисленные теоретические исследования феномена культуры не раскрывают в итоге её природу, так как в основу этих исследований положена, как правило, западноевропейская традиция, а не отечественная. Понимание культуры как бы ушло в глубину наших душ и сердец, откуда его сейчас трудно вызволить, но интуитивно мы понимаем, что

это сокровище под названием «культура» должно быть положено в фундамент любого созидания, как закладной камень любого строения. Когда говорят, что в будущем устройстве России всё должно строиться на нравственных законах, то без осознания феномена культуры здесь не обойтись.

Изначальный язык Живой Этики – русский. Впоследствии было множество переводов этого Учения на все языки мира, но язык оригинала, на котором увидели свет первые издания всех 14 томов, предполагает это первое обращение к конкретному народу. В силу своего накопленного духовно-нравственного потенциала, выработанных ценностных ориентиров этот народ сможет понять переданную ему мысль о культуре, понять высокий источник этой мысли и тем расширить горизонты познания реальности.

Можно говорить, что в почитании традиций культуры, в сохранении культурного наследия ощущается связь с русской идеей. Не только в том смысле, что о культурном наследии, и отечественном, и мировом, беспокоился русский человек, носитель отечественной духовной традиции, а в том, что идеи Пакта Рериха и Знамени Мира углубляют в национальном самосознании духовное начало, придающее уникальность нашему мироощущению. Идеи Пакта духовны и потому находятся в контексте русской культуры, способны обновить все стороны русской жизни. А стремление к духовности, поиск нравственного смысла бытия, смысла исторического процесса, в котором человек играет важную роль, суть творчества, красоты, стремление выйти за границы познания – всё это вопросы, над которыми веками рефлексировал русский человек. И метаисторический смысл, заложенный в Пакте Рериха и Знамени Мира русским художником, учёным и оригинальным мыслителем, потому и не противоречит русской идее в её отзывчивости миру, не противоречит идее всечеловечности, что этот высокий для понимания смысл развивает нашу рефлексию о человеке, о пространстве и времени, в котором происходит эволюционный процесс космического масштаба.

Почему мы говорим об историческом шансе для возрождения России? Потому, что сегодня идут дискуссии о том, что нужно России в её созидании будущего? Что ей можно предложить для этого созидания? На что ей опереться? Какие новые идеи и смыслы она изберёт в ходе вели-

кого переустройства мира? На чём сможет возникнуть? Думается, что возрождение России начнётся с осознания того, что ей дано великими душами и за что она ответственна перед эволюцией. Это будет и ответственность за тот духовный импульс, который был ей дан письмом Н. К. Рериха на Родину в 1937 г., а ещё его заветом 1939 года, где есть знаменательные строки: *«Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспеяния. До-*

*верены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Даны познание труда и бесстрашная устремлённость к обновлению жизни»*⁸. Существует такое высокое суждение, что когда импульс дан, то он не может быть взят обратно, и следствия его воздействия не прекращаются по желанию, а длятся вечно. Так создаётся новая ступень эволюции.

⁸ Рерих Н. К. Завет // Рерих Н. К. Зажигайте сердца. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 185.

ПРОЗА

Сергей Абрамов,

г. Уфа

Родился 06.10.1960г. в д. Бугинка, Ярковского р-на, Тюменской обл. После окончания школы в с. Плеханово закончил Троицкое Авиационное Училище Гражданской Авиации (г. Троицк, Челябинская обл.) по специальности техник-механик по обслуживанию самолетов и авиадвигателей. Работал в аэропорту Рошино, г. Тюмень. С 1983года трудился на предприятиях Газпрома. Стихи начал писать основательно с 1995года. Первая книга вышла 2002году. Член СПР с 2014 года. Не мыслю себя без своей Отчизны – Святой Руси.

Перепись населения

Михалыч никогда не похмелялся утром, не имел такой привычки.

В этот раз проснувшись, натянув на себя «трикушку», пошёл ну кухню пить «купеческий» чай. Прямо в кружку, которая была чуть поменьше пивной, насыпал заварку, залил кипятком из чайника, и сел к столу на табуретку, откинувшись спиной к стене.

Почему-то сразу стал вспоминать вчерашний разговор со своим фронтовым другом Костей, с которым они до полуночи «уговаривали» поллитровочку... традиционно.

О войне в этот раз не вспоминали, больше про рыбалку да тайгу говорили. И ещё Костя почему-то спросил про родителей... почему?

Михалыч стал вспоминать мать, отца, бабушку из Одессы и деда, приехавшего когда-то из Литвы в Россию... А потом мысли перекинулись на второй Украинский фронт. И увидел себя молодого лихого лейтенанта-связиста. Э-эх... когда это было? А ведь было.

Но вдруг задзинькал дверной звонок и все мысли сразу куда-то улетели. «Кого это в такую рань принесло, Костю, что ли?» – ворчал он про себя, открывая дверь.

Но вместо Кости у порога стояли двое молодых людей: симпатичная девушка лет двадцати и парень примерно того же возраста.

– Здравствуйте! Идёт перепись населения. Вы – Василий Михайлович Каренович?

– Здравствуйте... он самый.

Михалыч с небольшой досадой отвечал на вопросы, – не дают спокойно чай попить. Девушка записывала, а парень молча стоял в сторонке держа в руке сумку с бланками, и любопытно поглядывая на жильца квартиры.

От неожиданного известия о переписи мысли Михалыча улетали куда-то далеко, в какую-то давно ушедшую даль, и он даже вздрогнул от вопроса девушки:

– Ваша национальность?

Он смотрел в окно на противоположной сто-

роне площадки, за которым в тополиных ветвях копошились какие-то пташки и молчал.

– Василий Михайлович, национальность какая

у вас? – снова нетерпеливо спросила девушка.

– А-а... ну да... национальность... Пиши – русский. Русский я.

Предводитель

С раннего утра Андрей с киянкой и клином занимался конопаткой стены нового бревенчатого Храма. Не торопясь, скатывал паклю, забивал в пазы, свои мысли не забывая вытаскивать из суety, и направлять молитвенно в тот мир, где живут Ангелы. Солнечный день, таёжные запахи, тишина деревенского утра – всё располагало к молитвенному настрою и работе.

Церковный староста, Михаил Пантелеевич, обещал приехать только к вечеру – потому, общаться было не с кем, да и не было большой охоты с кем-то разговаривать.

Боковым зрением Андрей увидел троих мальчиков, идущих по дороге мимо церкви. Он выпрямился, посмотрел на них внимательно, пытаясь оценить их расположенность к себе, прикинул примерно сколько им лет: «двоим, наверное, по десять, а тому, кто повыше ростом, пожалуй, уже двенадцать».

– Мужики! А ну, давайте, помогайте стены конопатить!

Ребятишки остановились. «А мы не уме-е-ем», – сказал белобрысый, не столько отрицательно, сколько с любопытством.

– Ну идите, я вас научу. И киянки есть как раз для вас.

Двое подошли, а один, что был немного выше и постарше, остался стоять там, где остановился.

Андрей показал, как правильно нужно скручивать паклю и забивать её клином между брёвнами. Ребята быстро уразумели что к чему и к обыденным звукам посёлка прибавились новые дружные стуки деревянных молотков. Работа нелёгкая, но и не требует большой сноровки.

Андрею припомнилось, как отец учил его конопатить, “чтобы всё на совесть...” ... эх, когда это было?.. Хотелось ещё что-нибудь вспомнить из детства, но вдруг услышал, и не только услышал, нутром почувствовал холод от ехидного голоса:

– Дядя, а сколько вам за это платят?

Андрей поднял голову, пытаясь поймать взгляд в сторонке стоящего долговязого пацана.

– Ниско-олько... никто мне ничего не платит, а...

Он хотел сказать что-нибудь поучительное, но передумал, видя, что пользы от этого не будет.

А долговязый, смакуя свою победу, кивнул друзьям повелительно головой в сторону дороги, мол айда, пошли отсюда, и они, молча положив инструменты на землю, встали и пошли за своим предводителем, успев виновато оглянуться.

Андрей сел на чурбак и смотрел им в след: «Н-н-да... правильно меня отец учил, ох как правильно».

и ПОЭЗИЯ

РУСЬ МОЯ

Морозец ранний, деревья в узорах.
От света тени прячутся в кустах.
А рябчики скликаются в дозорах,
Они у троп таёжных в сторожах.
Берёзы примерают позолоты.
К лицу лесным невестам этот дар.
Устал на ёлке ворон от дремоты,
Хвалиться полетел про свой загар.
Летят в края чужие в гости птицы...
Прощальный крик, прощанье стишиной.
Проснулась за урманом медведица,
Кивнула вслед мохнатой головой.
Туман над тихой речкой серебрится.

Воробушек попил из родника.
И я припал – душою насладиться,
Чтоб отлегла давнишняя тоска.
Природа о Творце благовествует,
О мудрости напомним старец-кедр.
Синица ва тихом ельнике ликует,
Родник журчит по камушкам – из недр.
Неведомой, невидимой рукою
Искусно Мастер краски положил.
Гармония природы, дух покоя – Для глаз отдохновенье, для души.
Вся Русь моя – прекрасная, родная
Не устрашится лютых холодов.
Клин журавлиный, в небо улетаю,
Пообещал молитвенный покров.

Людмила Ковалёва,
кандидат культурологии,
директор МБУ «НКМ им. Т.Д. Шуваева»
г. Нижневартовск

Исследователь Сургутского края Сергей Михайлович Чугунов

Статья была опубликована в сб. **Западная Сибирь: история и современность. Вып. XII – Нижневартовск, 2013. С. 119–128.**

Здесь даётся с сокращениями и дополнениями.

В ряду исследователей Западной Сибири конца XIX — начала XX вв. имя выдающегося антрополога, основателя сибирской школы антропологии, доктора медицины Сергея Михайловича Чугунова (1854–1920 гг.) занимает по праву одно из ведущих мест. Значительная часть научного наследия С. М. Чугунова была посвящена Западной Сибири, и в частности, Сургутскому уезду, где он побывал дважды – в 1890 и в 1913 годах.

Одно из первых упоминаний о пребывании С. М. Чугунова в Сургуте обнаруживается в воспоминаниях сургутского уездного исправника Г. И. Пирожникова: [4; 64–65]. В журнале «Югра» в 2001 и 2005 гг. были напечатаны фрагменты статьи С. М. Чугунова «Природа и люди Сургутского края» с кратким биографическим комментарием. [11–12] Небольшая биографическая справка о С. М. Чугунове опубликована в биографическом словаре «Авторы публикаций о Югре в западносибирской и уральской периодике». [1; 396].

Жизнь и деятельность С. М. Чугунова представляет собой яркий образец биографии русского интеллигента конца XIX – начала XX века. В судьбе Сергея Михайловича, в его научной и практической деятельности тесно переплелись Поволжье, Урал и Сибирь. На формирование его личности, безусловно, оказали влияние идеи демократии, долга и бескорыстного служения Отечеству. Это становится очевидным при более близком знакомстве с его биографией.

С. М. Чугунов родился в 1854 г. в Симбирске, в семье учителя Симбирской мужской гимназии.

Его отец, Михаил Иванович Чугунов (1825–1880 гг.) почти тридцать лет преподавал в Елизаветинском училище и Симбирской гимназии, в той самой, где учились Владимир Ульянов (впоследствии В. И. Ленин), его братья и сёстры, а также – Александр Керенский, (впоследствии – председатель Временного правительства России).

По свидетельству ульяновского краеведа В. В. Кропотина, богатой библиотекой, собранной в течение жизни М. И. Чугуновым, пользовались жители Симбирска. После его смерти библиотека была распродана, часть книг и лабораторное оборудование было приобретено для гимназиста Александра Ульянова, старшего брата Владимира Ульянова. [3] В 1875 г. Сергей Михайлович поступил на медицинский факультет Казанского университета. Ещё до поступления в университет он увлёкся революционными идеями: в 1874 г. в Симбирске был руководителем чтений по социальному вопросу, проходивших в Симбирске на квартире его будущей жены Надежды Порфирьевны Николаевой. В октябре 1875 г. в Казани студент С. Чугунов был арестован, при обыске у него были обнаружены запрещённые книги, стихотворения, переписка. За хранение запрещённых сочинений он был привлечён к дознанию. По высочайшему повелению 15 мая 1876 г. дело было разрешено в административном порядке с подчинением его особому надзору. С 22 июля 1876 года по май 1880 г. Сергей Михайлович находился в Казани под полицейским надзором. [15]

Как отмечает А. Н. Багашёв, с самого начала учёбы в университете С. М. Чугунов занимался антропологическими исследованиями под руководством известного антрополога Н. М. Малиева. По поручению Общества естествои-

спытателей при Казанском университете он совершил две экскурсии антропологической целью в окрестности г. Симбирска и в Симбирский и Ардатовский уезды Симбирской губернии, проводил измерения живых людей и раскопки старинных кладбищ, доставил в университетский музей мордовские, татарские и русские черепа. Кроме того, передал в Геологический кабинет Казанского университета коллекцию окаменелостей, собранную в течение нескольких лет. Ещё в студенческие годы С. М. Чугунов опубликовал несколько научных работ, что по тем временам было довольно редким явлением. На старших курсах Сергей Михайлович работал помощником прозектора при кафедре анатомии, а затем при кафедре зоологии и сравнительной анатомии. [2;168]

По окончании университета, в 1880 г. С. М. Чугунов восемь лет проработал в с. Каргопольском Шадринского уезда Пермской губернии, затем вернулся в Симбирск, работал в Симбирской губернской больнице (в источниках она также упоминается как Александровская губернская больница, названная в честь Александра I – прим. автора) После открытия в 1888 году Томского университета, он, по приглашению профессора Н. М. Малиева, который в то время заведовал кафедрой анатомии, поступает на работу в университет в качестве помощника прозектора кафедры анатомии. Именно на «томский период» жизни С. М. Чугунова приходится исследования, проведённые им на севере Западной Сибири. Сергей Михайлович стал первым профессиональным исследователем антропологических особенностей коренного населения Сургутского края.

Первая его работа на эту тему «Антропологический очерк остяков Сургутского края (антропологическая поездка к остякам Сургутского края летом 1890 г.): письма из Сургута» была опубликована в трёх номерах томской газеты

«Сибирский вестник». Она стала результатом экспедиции Чугунова в Сургут в 1890 г. Обработанные материалы экспедиции легли в основу пятого раздела многолетнего труда исследователя «Материалы для антропологии Сибири» под названием «Материалы по остеологии остяков».

Во время своей первой поездки С. М. Чугунов, как следует из его работы, добыл ценный для изучения остяков остеологический материал [7;176]: черепа и кости, выкопанные на остяцком кладбище, принадлежавшим семьям из Немчиновских юрт. Им было измерено 140 остяков с

рек Оби, Югана, Тромюгана и Ваха. Проведены раскопки одного из древних городищ на Барсовой горе, собранные коллекции были переданы им в музей Томского университета. [2;169]

С 1893 по 1905 г. С. М. Чугунов опубликовал 15 выпусков «Материалов для антропологии Сибири». Именно за эти работы Чугунов был награждён премией Великого князя Сергея Александровича. По мнению М. П. Рыкуна, в то время это были единственные антропологические работы по палеоантропологии лесной зоны Западной Сибири. «...По существу, С. М. Чугунов

стал первым профессиональным антропологом в Томском императорском университете в 1899 г., удостоившимся учёной степени доктора медицины по антропологической теме». [6; 94,95]

Вторая поездка С. М. Чугунова в Сургутский уезд состоялась в 1913 г. по заданию медицинского факультета и Совета Томского университета для зоологических сборов. К этому моменту он уже имел степень доктора медицины, почти два года, уволившись из университета, занимался врачебной практикой, затем снова вернулся в университет, но уже в качестве сверхштатного ассистента при кафедре зоологии. Как отмечает А. Н. Багашёв, энтомология, бывшая до этого лишь увлечением, стала его основным занятием. С 1909 года С. М. Чугунов – действительный член

русского энтомологического общества. В сентябре 1910 г. ему присуждена бронзовая медаль за коллекцию вредных бабочек на III выставке садоводства в Томске. [2;171]

В Известиях Томского университета в 1914 г. опубликована статья С. М. Чугунова «Отчёт о командировке в Сургутский уезд Тобольской губернии летом 1913 г.». Автор подробно описывает маршруты своих походов за сборами и экземпляры фауны, собранной в окрестностях Сургута, по пути следования из Томска в Сургут и обратно. В последующие годы С. М. Чугунов опубликовал в нескольких авторитетных изданиях того времени ряд статей, используя материалы своих экспедиций: «Гады, собранные в Сургутском уезде Тобольской губернии, летом 1913 года», «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 г.», «Чешуекрылые, собранные летом 1913 года в Сургутском уезде Тобольской губернии», «Природа и люди Сургутского края».

Последняя статья особенно интересна тем, что помимо научного обзора флоры и фауны Сургутского края, описания географии, климата, топографии и почвы, автор даёт яркие картинки быта сургутян, описание самого Сургута, этнографические зарисовки остяков и остяцкого быта. В журнале «Югра» в 2001 году был опубликован фрагмент из второй части этой обширной работы – «Флора и население края», касающиеся Сургута и сургутян; чуть позже он был ещё раз напечатан в журнале «Югра» за 2005 год в расширенном объёме. (Добавился небольшой отрывок с описанием пути С. М. Чугунова на пароходе от Томска до Сургута из первой части статьи.)

В тексте есть упоминание и о селе Нижневартовском (в авторской интерпретации – село Вартовское). Учёный называет его как один из примеров увеличения числа русского населения в приобских поселениях по сравнению с 1890-м, годом, когда состоялась его первая экспедиция в Сургутский уезд: «... Там, где были юрты Вартовские, ныне село Вартовское...». [9; 30]

Безусловный интерес для натуралистов представляет IV раздел статьи «Фауна Сургутского края». С. М. Чугунов был первым профессиональным зоологом, изучавшим эту местность и сведения о фауне края, основанные на собранной им коллекции с указанием даты и места сбора. Им впервые даны действительно научные

сведения о состоянии фауны Сургутского края в начале XX века [10;43].

Здесь же учёный особенно отмечает помощь в проведении исследований со стороны местных жителей, благодаря чему мы имеем дополнительные сведения о конкретных персонажах истории Сургутского уезда: исправнике Григории Александровиче Пирожникове, студенте Петроградского Политехнического института В. А. Зайцеве и сургутском мещанине Александре Яковлевиче Кушникове. [9; 8]

Летом 1915 года с целью зоологических сборов С. М. Чугунов совершил ещё одну исследовательскую поездку в низовья реки Оби от Белогорья до Обдорска. Во время пребывания в Тобольске, примерно в течение недели, учёный внимательно знакомится с энтомологическими коллекциями Тобольского музея. Кроме того, он посетил мастерские тобольских косторезов. Позже, в своей статье по итогам поездки, он поместил наблюдения о процессе изготовления изделий из мамонтовой кости, как зоолог, уделив особое внимание особенностям выбора мастерами материала (мамонтовой кости) для работы. Основная часть публикации содержит описание Берёзова и Обдорска, местности по пути следования парохода, описание зоологического материала, собранного во время экспедиции. [13]

В скором времени С. М. Чугунов снова покинул Томский университет. С 1 октября 1915 года он заведовал больницей на станции Уфалей, недалеко от Екатеринбурга. Как предполагает А. Н. Багашёв, это связано с тем, что, несмотря на свои научные достижения и заслуги, степень доктора медицины, Чугунов по-прежнему занимал должность ассистента при кафедре зоологии, что не соответствовало ни его возрасту, ни его опыту, учёному званию и чину (статский советник). В 1918 году он заведовал больницей на станции Вагай (современная Тюменская область), а в 1919 году занимал должность главного врача управления железной дороги в Омске.

Умер С. М. Чугунов, по данным А. Н. Багашёва, 29 ноября (по ст. стилю) 1920 года от крупозного воспаления лёгких. Болезнь спровоцировало пребывание пожилого учёного в холодном сарае, в котором белогвардейцы при отступлении держали медицинских работников, отказавшихся подчиниться приказу правительства Колчака об эвакуации в Иркутск. [2;171]

Примечания:

Сергей Михайлович Чугунов оставил значительное научное наследие, которое насчитывает более тридцати публикаций в томских и столичных научных изданиях и более десятка статей в местной и центральной периодике. Его работы охватывают широкий круг тем по проблемам анатомии, хирургии, антропологии, зоологии, эпидемиологии, энтомологии археологии и пр. Как подчеркивает Я. А. Яковлев, «высокий научный уровень статей С. М. Чугунова, особенно касающихся антропологии... подтверждается ссылками на них в самых последних изданиях по этой теме. [14; 66, 67].

В 2015 году приказом Министерства культуры Российской Федерации от 24 апреля сохранившийся в Ульяновске дом С. М. Чугунова был зарегистрирован как объект культурного наследия регионального значения под названием: «Дом, в котором жил народник Чугунов Сергей Михайлович и бывал Ульянов Александр Ильич».

Нет сомнения в том, что труды С. М. Чугунова, касающиеся Среднего Приобья, территории нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа, требуют большего внимания со стороны современных исследователей в самых разных областях знаний.

Сергей Михайлович Чугунов, один из создателей анатомического музея медицинского факультета и один из основателей археологической и зоологической школ Томского университета.

1. Авторы публикаций о Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857-1960 гг.: материалы к биографическому словарю / сост. В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 446.

2. Багашёв, А. Н. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. – Спб.: 2006. С. 168–172.

3. Здания и сооружения Симбирска-Ульяновска, представляющие историко-художественную ценность. Дом Чугуновых, Радищева, 35 / В. В. Кропотин [on-line] режим доступа: <http://kvv.mv.ru/simbirsk/page13.html>.

4. Пирожников, Г. А. Записки уездного исправника // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север: историко-краеведческий сборник. – Ханты-Мансийск, Сургут: Северо-Сиб. регион. книжное изд-во. 2002. – С. 11–191.

5. Пирожников, Г. А. Экспедиции и исследования. По страницам архива Г.А. Пирожникова / подг. к печати Ф. Показаньев // Югра. – 2001. – №1. С. 37–39.

6. Рыкун, М. П. Антропологические исследования в Томском государственном университете: традиции и персоналии // Вестник Томского Государственного университета. – 2008. – № 313. С. 94–100.

7. Чугунов, С. М. Материалы для антропологии остяков / С. М. Чугунов // Известия Императ. Томск. Университета. Книга 6. – Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1993. С. 176–236.

8. Чугунов С. М. Отчёт о командировке в Сургутский уезд Тобольской губернии летом 1913 г. // Известия Томского университета. – 1914. – Кн. 60.

– [Паг. 4], с. 1–5.

9. Чугунов, С. М. Природа и люди Сургутского края / С.М. Чугунов // Естествознание и География. – 1915. – № 4. С. 7–21.

10. Чугунов, С. М. Природа и люди Сургутского края / С.М. Чугунов // Естествознание и География. – 1915. – № 5. С. 27–45.

11. Чугунов, С. М. Природа и люди Сургутского

края (по наблюдениям лета 1913 г.) [фрагмент] / С. М. Чугунов // Югра. – 2001. – №1. С. 40, 41.

12. Чугунов, С. М. Природа и люди Сургутского края (отрывки) / С. М. Чугунов // Югра. – 2005. – №1/2. С.77–81;

13. Чугунов, С. М. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года / С. М. Чугунов // Ежегодник Тобольского губернского музея 1917. – № 28. С. 1–18.

14. Яковлев, Я. А. Сергей Михайлович Чугунов // Сибирская старина. – 2004. – №22. –С. 66-67.

15. Деятели революционного движения в России от предшественников декабристов до падения царизма: Биобиблиографический словарь. Т.2. Вып. IV. С – Я. – М., 1932. [on-line] URL: http://archive.org/stream/deiateli_rev_dvizheniia/ – Дата цит. 31.01.2026.

Приложение

Библиография работ С. М. Чугунова о Сургутском крае и севере Приобья

1. Чугунов С. Антропологический очерк остяков Сургутского Края (антропологическая поездка к остякам Сургутского края, летом 1890 г.): письма из Сургута / С. М. Чугунов // Сибирский вестник. – 1890. – 27 июля (№ 85), 3 августа (№ 88), 8 августа (№ 90).

2. Чугунов С. М. Антропологическая поездка к остякам Сургутского края, летом 1890 года. Письма из Сургута помощника прозектора Томского Императорского Университета С. Чугунова. – Томск: типография М. Ф. Картамышевой, 1890. – 15 с.

3. Чугунов, С. М. Материалы для антропологии остяков / С. М. Чугунов // Известия Императ. Томск. Университета. Книга 6. – Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1993. С. 176-236.

4. Чугунов, С. М. Отчёт о командировке в Сургутский уезд, Тобольской губ. летом 1913 г. / С. М. Чугунов // Известия Императ. Томск. Университета. Книга LX. – Томск: Типо-лит. Сибирск. Товарищ. Печат. Дела, 1914. С.1-5.

5. Чугунов, С. М. Гады, собранные в Сургутском уезде Тобольской губернии, летом 1913 года / С. М. Чугунов // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. – 1914. – Т. 19. С. 524–534.

6. Чугунов, С. М. Чешуекрылые, собранные летом 1913 года в Сургутском уезде Тобольской губернии / С. М. Чугунов // Русское энтомологическое обозрение. – 1914. – Т. 14, № 4. С. 445–448.

7. Чугунов, С. М. Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 г. / С. М. Чугунов // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1915. – Вып. 24. С. 1–44.

8. Чугунов, С. М. Природа и люди Сургутского края / С. М. Чугунов // Естествознание и География. – 1915. – № 4. – С. 7–21; № 5. – С. 27– 45. (см. также: Югра. – 2005. – №1/2. С.77–81; Югра. – 2001. – №1. С.40, 41)

9. Чугунов, С. М. Природа и люди Сургутского края / С. М. Чугунов // Естествознание и География. – 1915.

10. Чугунов, С. М. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года / С. М. Чугунов // Ежегодник Тобольского губернского музея 1917. – № 28. С. 1–18.

Игорь Кириллов,
п. Сингапай, Нефтеюганский район

О Времени...

**Из записной
книжки**

Есть люди, которых несёт на своих волнах река Времени. Они постоянно сетуют на быстротечность жизни.

А есть такие люди, которых обтекает река времени. Они как бы не замечают её.

Такие люди живут долго и счастливо.

Все озабочены только одним: ищут, чем бы себя занять, на что употребить имеющееся вре-

мя. Время тратят на бизнес, террор, политику, на любовь, на поиск истины.

Любить кого-либо или что-либо весьма затратно по времени. Любят женщину, Родину, детей, наживу. И на всё это тратят своё время, пытаются побороть скуку.

Просидел сегодня весь день готовый к трудовому подвигу. Подвиг не состоялся, но я очень устал. Теперь буду неделю отдыхать, готовиться к новому подвигу. Авось. И этот не состоится.

(Окончание. Начало на 1 стр.)

в виду компактного места расположения, не все аспекты жизненного уклада народов удалось отразить, сотрудники музея постарались создать атмосферу, которая позволит почувствовать дыхание Севера, прикоснуться к истории и культуре коренных народов.

Наиболее глубокое погружение в культуры и быт коренных народов, проживающих по реке Аган позволяет сделать виртуальный тур, созданный на основе экспозиции музея-стойбища под открытым небом рода Казымкиных («Югра»). Тур создан в 2025 году в рамках Национального проекта «Семья».

не только визуально эффектен, но и несёт образовательный смысл: показать, как сильно трансформируется северная природа и быт с приходом зимы или лета.

Благодаря интерактивным карточкам объектов можно познакомиться с экспонатами, находящимися в музее-стойбище рода Казамкиных более детально, углубиться в любой аспект по интересу...

Торжественное открытие было поддержано не менее знаковым событием – вручением Благодарственных сертификатов самым юным волонтерам культуры, тем кто искренне помогает экоцентру. Все ребята были награждены сертификатами на бесплатное посещение интерактивного зала.

Фото Расимы Ибраевой

Во время виртуальной экскурсии, можно загадать загадки, а также провести викторину при помощи современных, интерактивных технологий.

В каждой панораме тура чувствуется аутентичность – от настоящих чумов и идолов до звуков леса. Кроме того, виртуальный тур оснащен зимней и летней версией, возможность менять сезон доступна одним кликом. Данный приём

Марина Никогосян

**Руководитель Совета молодых писателей
г. Тобольск. Поэтесса, очеркист. Публиковалась
в альманахе «Врата Сибири», в книге
«Фронтовой сборник. Школьникам о героях»**

Обратная сторона войны

Переступаю порог и попадаю в другой мир. Всё в этой маленькой комнате иначе. Старинная мебель: коричневый двухстворчатый шкаф, с длинным выдвижным ящиком внизу под дверцами; железная кровать, утопающая в перине и кружевах; комод, укрытый ажурными салфетками, а на нём в уголке почерневшая икона. Рядом с кроватью топчан под пёстрым покрывалом. На окне огоньки герани всех возможных цветов. И запах в этой комнате особенный.... Пахнет шерстью, геранью, деревом, тканью и добром. Всё это окутывает с первых минут, как войдёшь, становится необъяснимо спокойно, время замедляется и жизнь приобретает другой, ещё неведомый мне, оттенок.

На скрип дверцы бабушка поворачивает голову, и её лицо озаряет улыбка, а мутные голубые глаза светятся радостью: «Маришка пришла!» Моя прабабушка, Баба Тася, Анастасия Никаноровна. Ей восемьдесят, маленькая, хрупкая, на коже узоры морщин, пальцы скручены ревматизмом, белоснежные волосы, под аккуратно подвязанным платком, заколоты гребешком, простое домашнее платье, тёплые носки-тапочки на ногах. Она, по своему обыкновению, сидит на топчане и вяжет. Быстро-быстро двигаются скрученные пальцы, с выпирающими суставами, а из-под них выглядывает дымка тонкого неведомого кружева, петелька к петельке.

Именно баба Тася подарила мне реликвию, которую я храню всю жизнь – крючок, который когда-то смастерил мой прадед из просто-

го деревянного бруска и гвоздя. До сей поры он самый удобный и ловкий, а когда держишь его в руке – тепло. Этот крючок видел мои первые неумелые петли, но под чутким бабушкиным руководством был участником воплощения моих первых дизайнерских идей. Она научила меня вязать, шить и даже прясть. Это было похоже на медитацию или обряд. Я садилась за деревянную прялку, к которой крепилось облако серой овечьей шерсти, и аккуратно шурша веретеном, тянула нитку. А бабуля приговаривала, что ниточка должна быть ровной и тоненькой. Я смотрела на увеличивающееся брюшко веретена, и радость сбивала дыхание.

Баба Тася умела всё на свете. Всё, чем была убрана её комната, было сделано её руками: самотканые длинные льняные полотенца, вязаные кружевные наволочки, резные ажурные занавески на окнах, коврики-островки на полу, связанные из хлопковых полосок.

Самое приятное в рукоделии, конечно, разговоры. Бабушка любила и умела рассказывать, я слушала и даже иногда не верила – такие удивительные были истории. Почти каждый раз в своих историях она говорила о войне и тогда её руки тянулись к уголку платка, чтобы вытирать слёзы. В силу возраста, слушала я не так внимательно, как жадно бы слушала сейчас. Но некоторые яркие образы чётко запомнились, и именно они всплывают, когда я слышу слово «война».

Бабушка рассказывала, как они жили во времена Великой Отечественной. Деревня, трое

детей, прадед Иван на фронте. Его я совсем не помню, хоть он нянчил меня и очень любил. Вернулся дед раненый, но живой, с многочисленными наградами, но о войне говорить не любил. Редко-редко, только по настойчивым просьбам внуков, говорил, что было страшно, очень страшно и жалко молодых. После войны он ещё много лет служил родной деревне в должности участкового.

А Бабушка рассказывала, не торопясь, иногда замолкая. По лицу её было видно, что уносится она далеко-далеко. Иногда приходилось возвращать её вопросом: «Что же дальше?»

Вечерами вязали всей деревней женщины носки без пятков, отправляли на фронт, а днём работали и за себя, и за мужей, выполняя всю тяжёлую хозяйственную работу. Старшая дочь прабабушки, Евгения, моя бабушка, рассказывала, как боялись детьми, когда всех женщин деревни собрали и начали проводить им военную подготовку. Уже после завершения учений вышел указ об отмене мобилизации женщин, у которых есть дети.

А вот случай, который очень запомнился мне из рассказов бабушки. Он произошёл зимой 1944 года. В деревне основную тяжёлую работу выполняли на лошадях, но те от голода ослабли, многие погибли. У нашей семьи лошади уже не было, только корова. А сено, заготовленное для неё с лета, хранилось на опушке леса. Пришлось ехать за ним на корове. Выехала Баба Тася в лес после обеда. Пока добралась по снежной дороге, пока соорудила самодельную перевозку для сена, привязала оглобли к корове, уже и стемнело. Зимними вечерами в Сибири в четыре вечера

уже как ночью. Забралась на стог, начала вилами сено отделять от него, как заметила огоньки вокруг. Огоньки приближались, слышался вой. Волки. Со всех сторон голодные хищники двигались, медленно приближаясь. Каким-то чудом нащупала прабабушка в кармане спички, которые, к слову сказать, в то время были на вес золота. Бегом бросилась она к повозке, зажигая по дороге охапку сена. Так и ехала до деревни, сжигая по клочку сена, отпугивая голодную стаю. Дети потом рассказывали, как приехав, плакала она от того, что сена осталась только небольшая охапка, на которой она сидела, и спичек ушёл весь коробок. А они плакали, понимая, что мама могла не вернуться.

Слёзы выступали на её глазах не тогда, когда она рассказывала, как приходилось валить деревья в мороз в лесу и заготавливать дрова, пахать на коровах гектары полей, засаживать и собирать урожай, а когда она вспоминала голод и страх, что нечем кормить детей, видя, как они слабеют и опухают от голода. Её губы дрожали, когда она рассказывала, как из картофельных очистков мастерил оладьи и просила у соседей горсть муки. Летом было легче, почти вся трава шла в дело: крапива, мокрица, щавель, да и ягоды с грибами.

Всё её тело напоминало о тех годах. Множество травм и переломов ныли, особенно в ненастную погоду. Но её дух был налит верой в Бога, в собственные силы, любовью к жизни и родным так, что тяжести и трудности, старые болячки и страхи не сломили её. Она была оптимисткой, певуньей и шутницей, могла с любым поддержать разговор и найти доброе слово. Разве что привычка с военных лет курить самокрутки, заправленные табаком-самосадом, напоминали и ей, и окружающим о том, что в этой хрупкой, маленькой женщине горы мужества и отваги, выносливости.

Такой для меня навсегда останется война, не громкими победами наших славных дедов, о которых я, конечно, знаю, но это так далеко от меня, об этом я узнавала из книжек и фильмов, а вот этими простыми рассказами моей родной прабабушки, простой крестьянки, женщины, матери. Я видела её глаза, слышала её голос, гладила её руки, и, казалось, будто побывала там, в её прошлом, на обратной стороне войны.

Игорь Кириллов,
п. Сингапай, Нефтеюганский р-н.

В поисках идентичности

– Кто же будет моим соседом по номеру?

Этот вопрос засел в моём мозгу с того самого момента, как портье гостиницы поведал мне о том, что прибывших расселяют исключительно в двухместные номера и всякие варианты по индивидуальному размещению исключены.

– Что поделаешь, «дарённому коню в зубы не смотрят». А поскольку оплату всех расходов в этой командировке брала на себя принимающая сторона, то все приятные и неприятные обстоятельства приходилось воспринимать именно в этом контексте.

– Может быть старого знакомого встречу, например, из Западного региона? А так ведь что получается? Все мы жители одного субъекта федерации. Ведём речь о некоторой своей особенной идентичности, пытаемся привыкнуть именовать себя югорчанами... А на самом деле? Многие жители восточной части автономного округа не то, чтобы никогда не бывали в Советском, Октябрьском, Белоярском районах, но даже и представления об этих местах не имеют.

А ведь там всё по-другому: уральские предгорья с кедрами и соснами в три обхвата, чистые незаболоченные леса, зеркальные озёра, ковры из белого мха с торчащими коричневыми шапками белых грибов.

Я бывал в тех местах. Даже на Приполярном Урале. Но много ли таких, как я? Не знаю. А Югру, во всём её многообразии невозможно представить без этих мест. А раз невозможно представить, значит... А ничего это не значит.

– А ключ от вашего номера уже взяли, – сказал мне портье, и я двинулся на встречу с предполагаемым соседом. Открывается дверь.

Ба, Борис Карташов – журналист, писатель, издатель из Советского. Человек, создавший одну из самых мощных типографий в Югре. Вы-

вел её на приличный уровень. Предприятие прибыль стало приносить. Народ начал хорошую зарплату получать.

А затем Борис стал книжки писать. Две свои новые вручил мне сразу же, как я только переступил порог нашего номера. В 2015 году его приняли в Союз писателей России. Ну, а теперь мы с ним встретились на Форуме писателей Югры.

А может быть оно и хорошо, что отменили индивидуальное заселение, – подумалось мне. А то, когда бы удалось пообщаться. У Бориса и дел, и друзей в окружной столице много. А так, ну куда мы из нашего двухместного кубрика денемся?

Дальше чаёк (увы, только чаёк) да разговоры. О чём? Да о жизни. Теперь ещё и о здоровье. Очень актуальная тема. Обоих волнует. Но постепенно сползаем к литературе.

– Вот ты из Нижневартовска, – говорит мне Борис. А ты такого поэта – Юрия Зимины знаешь?

– Нет, не знаю,

– Стыдно свою историю не знать, – бухает мне в ответ Карташов. – Зимин написал поэму о Самотлоре. Её публиковали в журнале «Юность».

– Я знаю поэму о Самотлоре, которую написал Николай Денисов. (Тюменский поэт много лет издавал газету-журнал «Тюмень литературная»). А про Зимины никогда прежде не слышал. Он, наверное, из другого поколения. Старше нас.

– А я его даже видел, сказал Борис. Он к нам в Советский вместе с писателем Зотом Тоболкиным приезжал. Мы встречались. Как сейчас помню, китель был на нём железнодорожный. Кое-где заплатки стояли. Выглядел он не очень. А стихи у него были настоящие.

И Борис процитировал несколько строк. Что-то вроде про то, как «оборвали песню глухарю».

Надо же, подумалось мне, – столько лет прошло, а он помнит. Видимо действительно Юрий Зимин был хорошим поэтом.

– А где же мне найти эту самую поэму о Самотлоре? – Спросил я у Бориса?

– Не знаю, поищи где-нибудь у себя, в восточных землях. Не могла же эта вещь бесследно исчезнуть...

А ведь действительно, не могла, – подумалось мне. Тем более, что недавно отмечали пятидесятилетие Самоглоту. Надо будет попробовать. Авось.

Дома первым делом кинулся к интернету. Запросил у поисковика, что известно о поэте Юрии Зимине. Зиминых оказалось очень много. И писатели были и не писатели. А вот того, кого надо – не было. Не оцифровали, видимо, его творений. Не заложили на вечное хранение.

Решил пойти самым простым путём – обратился в местную библиотеку. Нет, не в нижевартовскую, автор этих строк давно не живёт в Нижневартовске. Добрая, равнодушная женщина из краеведческого отдела что-то поколдовала у своего компьютера, затем отправилась к стеллажам и вышла ко мне с книжкой в руках.

Это был сборник стихов и документальных очерков, который назывался «Самоглот». Он был выпущен Средне-Уральским книжным издательством в 1982 году. Редактор-составитель Г. Сазонов.

– А вот Вам и ваш Зимин, – произнесла добрая женщина-библиотекарь и открыла книгу на нужной странице.

Мне показалось, что я совершил маленькое археологическое открытие. Извлёк из толщи времени то, что искал. Открываю книжку. Ну, прямо шкатулочка с драгоценными камнями и самоцветами.

Поэма Юрия Зимина называется «Сказание о Самоглоте». Действительно – сказание. Стиль и слог напоминают «Песнь о Гайавате» Лонгфелло в переводе Ивана Бунина.

У костра ночного слушал
Тихий шелест звёзд колючих.
И прохладный шорох ветра,
И прозрачный плеск волны.

Далее следует эпическое повествование о вожде народа, которого звали Большое Доброе Сердце, о Земле-невесте, о седовласом и хмуром Севере, о битве добра со злом, о том, что на месте гибели вождя, появилось озеро, которое на языке ханты называется Самоглотом.

Это заповедь. Так сказать, первая часть. Кто-то может сказать, что мы имеем дело со стилизацией и всё вышесказанное к языку и культуре коренных малочисленных народов отношения

не имеет. Может быть. Не стану спорить. Но бесспорно другое: всё, что написано далее в Сказании о Самоглоте, имеет самое непосредственное отношение к нашей культуре. Культуре тех, кто приехал осваивать эту суровую землю, возводить здесь промышленный гигант – нефтегазодобывающий комплекс.

В Сказании о Самоглоте звучат имена наших нынешних героев: Г. Норкина, С. Повха, Г. Лёвина и другие.

А теперь, скажи Нежданов,
Как сквозь вьюги и бураны
Корпуса тянул ты к небу
И поймал в ладонь звезду.

Повествование о наших земляках, о героях великих строек органически вписывается в эпическую ткань произведения и в этом большая удача автора. Немного я знаю таких произведений, где бы без ложного пафоса, но на очень высокой ноте воспевались бы дела наших современников.

Но поэмой «Сказания о Самоглоте» открытия не заканчиваются. Переворачиваем страницу и попадаем под мощное очарование очерка Boisа Галазимова «Дорога к озеру Самоглот». Это документальный рассказ о первых шагах по болотистой почве строителей автодорог из управления № 909, которым руководил легендарный человек Юрий Шереметьев. Очень точная и сочная стилистика, удивительные подробности и детали, о которых мог знать лишь тот, кто прошагал вместе с дорожниками от первого столбика – пикета под номером 27 до финальной поездки по автострате, что символическим кольцом опоясала легендарный Самоглот.

А ещё это рассказ о соратниках и сподвижниках Шереметьева. Таких, как отец и сын Обьедкины – Иван и Василий Маркелович, таких, как переведённый в трест Ильясов, что дневал и ночевал на трассе, таких, как наш нижевартовский левша – изобретатель и рационализатор Жевакин – создатель механизмов Жева-1 и Жева-2. Тех самых, что весьма и весьма существенно облегчили труд строителей магистралей, повысили его эффективность, позволяли прокладывать автотрассы высокого класса со значительным опережением графиков.

Читаешь и невозможно оторваться. Всё изложено прекрасным русским языком. Никакой ложной героизации, доверительный мужской разговор о славных делах.

А вот ещё интересные подробности. Позволю себе пространную цитату:

«Большое болото прошли. Отчествовали механизаторов. Трасса уверенно двинулась к Самотлору. Но дел у Шереметьева не убавилось. Только что в кабинете начальника побывал про- раб Алексеенко:

– На трассу я, Юрий Григорьевич (Шереметьев), больше не ходок.

– Что такое стряслось?

– А что? Иду по лесу и вдруг – медведица. Какой леший сшевелил.

– Ну и что?

Я иду, и она идёт. Я встал, и она остановилась.

– Но ведь не загрызла.

– Да нет, но кто знает какая у неё мысль на уме».

Много о чём ещё рассказано в очерке. И о том, как снимали дорожников кинематографисты из Германской Демократической республики, как перерезали красную ленточку, как радовались люди, смеялись задорно, от всей души. «И было в том общем смехе всё: и щекочущая вера в то, что город на самом деле будет, и откровенные сомнения, что это когда-нибудь станется».

Сталось. И город вырос. А не так давно новые многоэтажные дома шагнули через улицу Ханты-Мансийскую в сторону Старого Вартовска. Память о Юрии Шереметьеве жива. О нём тюменскими и нижевартовскими публицистами написаны книги и газетные статьи. Сюжеты о нём показывали на Тюменском телевидении. И один из краеугольных камней в этой эстафете памяти – очерк Бориса Галазимова. Многие на него ссылаются, как на первоисточник. А первоисточник, как и всякий целебный источник, обладает удивительными свойствами, которые на нашу память и наши души оказывают волшебное воздействие.

Ну и одна из вершин книги «Самортлор». Эдакая «вишенка на торте». Ода геологической карте «Земля как мать...». Автор – Геннадий Сазонов редактор и составитель сборника.

Я лично знал Геннадия Кузьмича. Двадцать лет своей жизни он отдал геологии, затем стал писателем, автором около десятка книг. В своей оде Сазонов повествует о двух геологах, которые творят геологическую карту Приполярного Урала.

– Тринадцать лет подходил Алексей Ерёмин к тому пониманию Полярного Урала, что сейчас выплывало в новую схему, – так начинается повествование. А что же предстояло преодолеть главному герою. Вот как автор раскрывает суть конфликта:

– Старая схема потеряла свой голос, свою мелодию, теперь её вроде бы исполняли хором,

на разные голоса. И это хоровое исполнение карты, созданное талантом Леонова, четверть века владело геологами Полярного и Северного Урала. Они поклонялись ей, как язычники, и Леонов оставался жрецом, хотя и сам понимал, что многоликость – это не достоинство, а различные противоречивые концепции – это не путь к победе. Но сегодня – он властелин.

Вот так, буквально пара абзацев, и мы погружаемся в одну из главных проблем, в один из центральных конфликтов (по крайней мере, на тот период) геологии Приполярного Урала.

А кто из нас, (я имею в виду массового читателя) знал, что-либо о проблемах геологии того региона? А о самом регионе у того же массового читателя, какие представления? А, между тем, Полярный и Приполярный Урал, его история, его перспективы, его возможности – это не только наше прошлое, но и будущее Югры. Вот такая диалектика. Ну, а кто не знает своего прошлого, обречён на то, чтобы остаться без будущего. Об этом читаешь между строк в Оде геологической карте.

Вот что мне удалось прочитать в небольшой по формату книжке, изданной тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров в 1982 году, с символическим названием «Самотлор».

Интересно, а что стало с этим изданием в дальнейшем. Наверное, книга есть в центральной библиотеке Ханты-Мансийска и Нижневартовска. Я даже знаю одну семью, где она наверняка есть. Возможно, есть она и в других семьях. Сколько их? А, интересно, как часто она бывает востребована в библиотеках читателем? В нашем городе я, наверное, единственный, кто за много лет попросил библиотекаря отыскать её. Ну, а остальной тираж? Разошёлся по необъятной Тюменской области? Лежит где-нибудь на полках, в каких-нибудь запасниках? Или об этой книге все основательно забыли? Да только ли о ней?

А ведь всё это написали для нас. Для грядущих поколений. В подобного рода изданиях было всё: и мысли, и чувства, и герои с их простыми биографиями. Наверное, будет несправедливо, если всё это канет в пучину времени и будет предано забвению.

Ну, а что же в «сухом остатке»? Нашёл старую книгу, а в ней много чего интересного. И таких книг множество. Но они из прежнего советского времени. На них сегодня спроса нет. А жаль. Хотелось, чтобы о них знали. Ведь в них мы найдём ответы на многочисленные сегодняшние вопросы и вызовы.

Сказание о Самоглоре

...У костра ночного слушал
 тихий шелест звёзд колючих,
 и прохладный шорох ветра,
 и прозрачный плеск волны...
 Между Вахом и Аганом,
 на крутом обском излучье,
 ханты ставили жилища,
 будто мир среди войны.
 Из телес косматых кедров
 идолов не вырубали.
 И шаманы не камлали,
 шля заклатья к небесам.
 Только беды и печали
 становище обегали.
 Охранял лесные дали
 вождь народа
 Ям Вон Сам —
 Доброе Большое Сердце.
 Славят это имя звери,
 славят это имя птицы,
 славит мудрая тайга...
 Сватался к Земле-невесте
 седовласый, хмурый Север.
 Слал наряды ледяные,
 шубы пышные – снега.
 – Нет, – Земля ему сказала. –
 Вечной тьмы страшней бесплодьё.
 Женщина без материнства –
 как светильник без огня.
 Птице – небо,
 рыбе – море,
 для зверей – тайга густая.
 Это всё – для человека
 дар от Солнца и меня.
 – Не прощу! – озлился Север. –
 Напущу мороз и вьюги.
 Не плясать под снегом травам,
 не расти во льдах лесам.
 Но от солнечных объятий
 закипела кровь земная.
 И в костре любви родился
 ясноликий Ям Вон Сам!
 Великану с добрым сердцем
 от отца – огонь в наследство.
 Чтоб в тайге не гасли зори,
 Мать-Земля сжигала кровь.
 С кем водило дружку племя?
 Доброта – обская нельма.

Щедрость в людях от оленя.
 Лебедь белая – Любовь.
 А когда в селенье праздник,
 то Небесные Медведи
 ночью, по дорожке лунной,
 скатывали медвежат.
 Ах, какие были пляски!
 Ах, какие были песни!
 Все на круг!
 И лишь хантыта
 под ногами мельтешат.
 В центре – голова медведя.
 Перед нею – чаша с кровью.
 Молодые мажут щёки,
 кто постарше – по усам.
 Руки чтоб – как у медведя,
 ноги чтоб – как у оленя.
 И удача верной лайкой
 всех водила по лесам.
 Сколько звёзд на синем небе,
 столько рыбы брали в невод.
 Как комар, олень плодился,
 чтобы род не обнищал.
 Сгусток горя и печали
 облаком вдали клубился.
 Север отомстить решил,
 как когда-то обещал,
 он послал в тайгу морозы,
 следом вьюги и метели.
 Чтоб живое всё замёрзло
 и погас огонь земли.
 Вождь народа вырвал сердце,
 высоко поднял, как солнце,
 так, что злобные посланцы
 подступиться не смогли.
 Север на спине бурана
 к месту битвы сам явился,
 чтобы поздно или рано
 Ям Вон Сама побороть.
 Семь ночей,

семь дней холодных
поединок этот длился.
В помощь Северу сгодился
злой, коварный Дух Болот.
Землю грыз, как пёс голодный,
Сделал жидкой и бесплодной.
Стон великий прокатился
по тайге до синих гор.
Ям Вон Сам в трясине скрылся...
Это место в знак печали
«Сердце-озеро» назвали.
По-хантыйски – Самотлор!
...У костра ночного слушал
тихий шелест звёзд колючих,
Как заря на чёрном небе
дальних факелов огни.
На таёжных вязких бродах
надрывались вездеходы.
Продолжение легенды
мне поведали они.
Было всё: дожди, морозы...
Половодьем смыло время.
Только в памяти занозой
тот первоначальный год.
Кедрачей столетних выше
поднимали к небу вышки.
Механизмы – только руки,
топливо – солёный пот.
На спине таскали брёвна
в ту лежнёвую дорогу.
Чёрт сварганил эту землю,
бог, видать, в ту пору спал.
Этот мёртвый край,zybучий
пропитали потом горьким.
Здесь такое положение:
или сметь, или – не сметь!
До чего же был везучим
Мегионский мастер Норкин¹.
Что ни год – месторожденье,
что ни скважина – то нефть!
Вряд ли кто из нас представит,
где фамилию оставит.
Кочевать в тайге, конечно,
не на тройке по степям.
Радость нас роднит и горе.
И на звонком Самотлоре
врезано уже навечно
это имя — Повх Степан.²

¹ Г. М. Норкин — буровой мастер Главтюменьгеологии, орденносец, первооткрыватель Самотлора.

² С. А. Повх — буровой мастер Главтюменьнефтегаза, пробуривший первую промышленную скважину на Самотлоре, на месте которой сегодня поставлен обелиск первооткрывателям «нефтяной жемчужины страны». Трагически погиб. В честь его названо одно из месторождений Повховским.

Левин³ со своей бригадой,
им болото не преграда,
от судьбы не ждут подарка,
всё должны преодолеть!
Вахты – как электросварка!
Даже небу было жарко,
звёзды сыпались...
На куртках
оставались золотеть.
Тесно у мороза в лапах,
аж дыханье в горле вязнет.
Как стекло стальные трубы,
если молотком – сплеча!
А на монтаже Вагапов⁴
весь в движеньи – куртку наземь,
усмехнулся: «Вместо шубы
нам работа горяча!»
Все в Тюмени нежданно:
всплески нефтяных фонтанов.
Хоть в тяжёлых долгих спорах
скептик тоже вырвал мзду...
А теперь скажи, Нежданов⁵,
как сквозь вьюги и бураны
корпуса тянул ты к небу
и поймал в ладонь звезду.
Солнцеликий день здесь редкий,
небо – как худое сито.
Из-за льдов косматый Север
понемногу сыплет злость.
Но расскажет лётчик Редькин⁶,
как парням из эскадрильи,
распрямив под ветром крылья,
здесь работать привелось.
Где в калданках утлых ханты
рыбу промыслили раньше,
теплоходные сирены
песней по Оби-реке.
И работает как надо
у Машкова⁷ вся бригада.
Нефтепроводы, как вены
у Сибири на руке.
Если глянешь с вертолёта,
окоём вокруг болота.
Дух трясин увидел:

³ Г. М. Левин — буровой мастер, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда.

⁴ Я. С. Вагапов — бригадир вышкомонтажников, Герой Социалистического Труда.

⁵ И. Н. Нежданов — бригадир строителей, обустривающих Самотлор, Герой Социалистического Труда.

⁶ Ю. А. Редькин — командир авиаэскадрильи, Герой Социалистического Труда.

⁷ В. Машков — руководитель комплексной колонны Самотлортрубопроводостроя, лауреат премии Ленинского комсомола.

Туристские истории

нету
 здесь таких, кто в страхе дрог.
 Это племя не из робких.
 В просолённых, жёстких робах
 ту жемчужину из нефти
 вправили в кольцо дорог.
 С кем вражду имеет племя?
 Трусость –
 ржавчиной на трубах.
 Подлость –
 гнусом в душу лезет.
 Жадность –
 комаром сосёт.
 С кем же дружбу водит племя?
 Стойкость –
 щит в ладонях грубых.
 Честность –
 с нею хоть в разведку.
 Верность –
 выручит, спасёт.
 Сколько Обь ни разливалась
 половодьем величавым,
 в Ледовитом океане
 гаснут струи без следа.
 Славен тот, кому досталась
 от судьбы такая милость –
 оставлять потомкам в радость
 нефтяные города.
 Где легко скользили нарты,
 по-над Обью стрелы улиц.
 Этажи домов взметнулись
 легкокрылы и стройны.
 Потому что в Нижневартовск,
 чтобы кровь земли достали,
 лучших от себя послали
 все республики страны.
 Этот город очень молод.
 Здесь, под серым, хмурым небом,
 тот живёт, кто сказку-небыль
 былью сделать пожелал.
 Жаркий труд – кузнечный молот –
 в нефтяной атаке дружной
 верностью, любовью, дружбой
 все сердца в одно сковал.
 Бьётся сердце в ритме века.
 Время – в пульсе человека.
 И летят по свету строчки:
 «Здесь романтикам простор!
 Здесь на мужество проверка!
 На излом сердец проверка!»
 И, выходит, прямо в точку
 это имя —
 Самотлор!

Нижневартовск — Тюмень

КОГДА КИПИТ МОРЕ...

Моя детская мечта – побывать на Сахалине сбылась двадцать лет назад, когда мы поехали туда исполнить другую мечту – моей младшенькой дочери – кушать в День её рождения торт вместе с Океаном.

У нас всё получилось! Ведь Охотское море с восточной стороны Сахалина напрямую выходит в Тихий океан, и мощная энергия бесконечных водных просторов покорила нас раз и навсегда.

А ещё среди ярчайших впечатлений от того путешествия был выход в море вместе с рыбаками. Недалеко – всего на пять километров от берега, но зато довелось увидеть, как от плотных косяков идущей на нерест горбуши и кеты море буквально кипит.

Бригада рыбаков, которые взяли с собой на проверку огромных сетей любопытную туристку, просто делали свою тяжеленную работу – вручную вытягивая из воды крепкие крупно-ячеистые «авоськи» и «сливая» улов в специально прихваченный пустой кунгас, в котором спокойно помещается до трёх тонн рыбы.

А рыба трепыхалась, с шумом вываливаясь в морскую повозку, переливаясь серебром и платиной под редкими солнечными лучами, пробивающимися сквозь хмарь.

«Красота!» – думалось мне.

«Просто работа», – отвечали мне взгляды рыбаков...

Татьяна Юргенсон,
 фото автора

Лина Макеева,
г. Мегион

Крупным планом

В 2025 году исполнилось 105 лет со дня рождения Аруллы Баталовича Доминова – известного мегионца, ветерана Великой Отечественной войны, первооткрывателя Мегионского и Салотлорского месторождений нефти Среднего Приобья, Почётного разведчика недр Министерства геологии СССР. Я была знакома с ним с 1961 года и хорошо его помню. В небольшой деревне Мегион в год открытия нефти на Баграсе мало кто друг друга не знал. Арулла Баталович был дружен с нашим отцом, Дмитрием Васильевичем Шлябиным, таким же, как и он, заядлым охотником и рыбаком, и ходил к нам в гости. Кроме того, я училась в одном классе с его старшим сыном Валерой. И до конца своих дней Доминовы оставались соседями нашей мамы, Веры Михайловны Шлябиной. Их фамилия, как и многих мегионских поисковиков-первооткрывателей в первые годы освоения сибирской нефти зрела на всю страну. Оставить сегодня, в годовщину открытия мегионской нефти, в тени забытых лет Аруллу Баталовича Доминова с моей стороны было бы неправильно.

Арулла Баталович Доминов

Арулла Баталович Доминов – крестьянский сын – родился в 1920 году в деревне Инчис Омской области в то время Евгашинского района (в 1953 году в результате ряда переименований и реорганизаций и вовсе ликвидированного). Кровавые события братоубийственного времени – революции, затем Гражданской войны, а в 1930-е годы раскулачивания – Доминовых никак не коснулись.

И ни бедность многодетной семьи, ни то, что Арулла был старшим из шестерых детей, а значит, первым помощником родителям по хозяйству и дома, и в колхозе, не помешали ему окончить семь классов. Представители его поколения – в основном дети безграмотного дореволюционного крестьянства – не все в то время имели даже обязательное четырёхклассное образование, установленное советской властью на первом этапе борьбы за ликвидацию безграмотности. Однако, кто хотел учиться, – тот учился. Арулла – его имя по паспорту. В семье же мальчика переименовали в Алёшу и для мегионцев он также был Алексеем.

Незадолго до Великой Отечественной войны Арулла был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию, служил в Ленинграде. В июле 1941 года после специальной краткосрочной подготовки его мобилизовали на фронт. Воевал Арулла Доминов в составе 1-го Ленинградского фронта, созданного 23 августа 1941 года,

в звании старшего сержанта. 1-й Ленинградский фронт (именно так называть его не совсем корректно, так как в истории был только один Ленинградский фронт) действовал до 24 июля 1945 года, когда с окончанием войны был преобразован в военный округ. Но несмотря на то, что в боях Арулла Доминов прошёл четыре кровавых года войны, рассказывать о ней не хотел, как, впрочем, многие фронтовики. Даже воспоминания рвали сердце и душу. В одном из сражений под Ленинградом Арулла получил ранение в ногу, два месяца в прифронтовом госпитале врачи спасали ему конечность. В 1944 году после второго, ещё более серьёзного ранения, на сей раз в руку, он был комиссован и направлен в госпиталь Казани на долечивание.

В поезде по дороге из Казани в Омск Арулла познакомился с молоденькой девушкой, эвакуированной из Одессы вместе с родителями в город Тару Омской области. Попутчица после трёхмесячных курсов в школе ФЗО была направлена из Тары в Омск на военный завод по выпуску деталей к самолётам-бомбардировщикам. Фатима, так звали новую знакомую, была младше Аруллы на шесть лет. Юная девушка запала в душу фронтовика. Обменялись адресами, вели переписку.

После возвращения с фронта домой приказом Дзержинского районного военкомата (по месту учёта) в 1944 году Арулла Баталович был назначен военруком – сначала в Уленкульскую

среднюю школу, потом в школу родной деревни Инцис, обе в Дзержинском (ранее Евгашинском, затем Ежовском) районе Омской области. Оттого по документам Доминов «распрощался с армией» только в сентябре 1946 года. За боевые заслуги Арулла Баталович был награждён орденом Отечественной войны II степени, а также медалями.

В 1944 году, после закрытия в Омске завода, Фатима смогла вернуться к родителям в Тару. Когда же ей исполнилось восемнадцать лет, Арулла с Фатимой поженились. В 1946 году у Доминовых родился первенец – сын Валерий.

А через два года грамотный и толковый Арулла Баталович был назначен агентом РУМЗ (Районный Уполномоченный Министерства заготовок СССР) по Дзержинскому району Омской области. В 1947 – 1948 годах он в поисках более высокого заработка трудился бригадиром Инцисского лесопункта Муромцевского леспромхоза. Работа в тайге была не из лёгких: вечно на морозе, в глубоком снегу, обсушиться и погреться негде. А из орудий производства – двуручная пила с топором да лошадь в качестве тягловой силы. За день валка деревьев выматывала так, что не чувствовал ни рук, ни ног. Но в 1948 – 1949 годах страну накрыл голод. Поиск более оплачиваемой работы гонит тысячи людей по всему Советскому Союзу. Срывается с родных мест и Арулла Баталович, вместе с семьёй переезжает в Караганду.

Избранию Караганды способствовали важные в истории страны события. В 1948 году советским правительством в целях успешного внедрения новой техники было принято решение о передаче Карагандинской шахты № 31 ВУГИ (Всесоюзному научно-исследовательскому угольному институту). В Караганде под руководством Василия Тихоновича Шибаева был создан филиал ВУГИ, где проводились промышленные испытания первых опытных образцов горных машин и оборудования. Эксперимент оказался удачным. Итогом стало увеличение годовой добычи угля на один миллион тонн. Шибаев получил Героя Социалистического Труда, а многие граждане Советского Союза направление в Караганду на экспериментальную шахту. В их числе и Арулла Баталович. Конечно же, в тех послевоенных условиях филиал научного института в шахте был секретным. Поэтому в трудовой книжке Доминова – всего лишь пять слов: «Пе-

реносчик экспериментальной шахты 31 ВУГИ». Но за этой малоговорящей фразой – целый пласт очень значимой отечественной истории.

Однако подземная работа, несмотря на высокие заработки, не очень-то радует Аруллу Баталовича. К тому же финансовая проблема была решена – голод больше не грозил семье. Поэтому, отработав положенный срок, в 1950 году он отвозит Фатиму Идрисовну с маленьким сыном к своим родителям в село Инцис. Чтобы не волноваться за близких, определяет жену на работу в колхозную молокоанку, а сам по найму едет на Камчатку. Отработав срок по договору на рыбо-заводе и на рыбоконсервном комбинате, Арулла Баталович вернулся домой. Предлагали остаться. Но он-то знал, что эта работа также не по нему, к тому же тянуло в семью, к молодой жене и сыну. Продлить договор отказался.

После возвращения в родные края Арулла Баталович работает военруком в средней школе города Тара. Но его манят своими тайнами недра земли и в глубине души живёт давняя неистребимая мечта – работать в геологической партии. И ему повезло: начиная с 1950 года, в Западной Сибири были организованы активные поиски нефти. В 1951 году Доминов с семьёй переехал

в город Татарск Новосибирской области, где базировалась партия глубокого бурения, в которую его взяли помбуром. Эти годы жизни в Татарске для семьи Доминовых были полны радостными и значимыми событиями. Пять лет спустя после рождения первого, в 1951 году появился на свет долгожданный второй ребёнок – сын Николай. А в 1952 году, пройдя годичные курсы бурения, здесь же, в Татарске, при Татарской буровой партии Министерства геологии СССР, Арулла Баталович выучился на бурового мастера. В 1953 году порадуется своим появлением на свет дочь Зоя.

Но в Новосибирской области нефть не пошла. И в 1955 году из Татарска Арулла Баталович был направлен в село Назино Александровского района Томской области бурильщиком Александровской нефтеразведочной экспедиции глубокого бурения, ставшей «крёстной матерью» многим мегионским первооткрывателям. Буровая Назинская Р-1 выдала приток нефти дебитом 40 литров в сутки. Цифры к сравнению: в 1961 году скважина на Баграсе с глубины более двух тысяч метров дала фонтан нефти дебитом 200 тонн в сутки. Выход нефти в Назино был мизерным – буровые работы свернули. А Аруллу Баталовича за два года до этого как опытного бурильщика распределили в Охтеурскую партию глубокого бурения в Ларьякском (с 1962 года Нижневартовском) районе Тюменской области, где нефть искали в бассейне правого, самого крупного северного притока Оби – Ваха. С 1957 года он с семьёй живёт в Охтеурье, небольшой русско-хантыйской деревне, ещё недавно бывшей остяцкими Охтиуриевскими юртами. До 1956 года здесь жили и калмыки, депортированные в Сибирь в годы войны. После разрешения калмыкам вернуться на родину, в Охтеурье остались не только их незаконнорождённые дети в семьях некоторых русских рыбаков и колхозниц, но и несколько калмыцких семей – тех, что по бедности не смогли отбыть на родину и вынужденно осели на остяцкой земле.

В 1957 году прямо на Вахе, в самоходке, которая шла в Охтеурье, у Фатимы Идрисовны родился сын Сергей. Конечно же, в свидетельстве о рождении местом появления на свет ребёнка значится Охтеурье, а не среднее течение Ваха.

В Охтеурье скважины оказались пустыми, поиск перенесли на другую территорию. В 1959 году бурильщик Доминов, зачисленный по вызову на Мегионский участок Нижневартовской партии

глубокого бурения, переехал с семьёй на Баграс. В составе бригады Григория Ивановича Норкина его ожидала напряжённая работа с полной самоотдачей. Труд поисковиков не был напрасным. 21 марта 1961 года в 14 часов здесь забил долгожданный фонтан нефти. В числе других баграсовцев Арулла Баталович Доминов стал первооткрывателем первого нефтяного месторождения в Среднем Приобье – Мегионского.

В тот же день голос диктора «Последних известий» на всю страну сообщил о долгожданном открытии XX века. А на следующий день на скважину прибыло руководство экспедиции: Ф. К. Салманов, Б. В. Савельев, А. Т. Горский. В одном из воспоминаний, опубликованных в своё время Александром Ерёминым в журнале «Юность», Фарман Салманов описал эту встречу с первооткрывателями. В бригаде встречавших его баграсовцев сверкал белыми зубами негр. В первый момент Салманов от изумления оторопел – откуда на Баграсе негры? А им оказался не раз распечатывавший пустые скважины татарин Доминов, в порыве чувств от долгожданной победы разукрасивший себя мегионской нефтью.

25 декабря 1961 года, в связи с увеличением объёмов работ в районе Мегионского нефтяного месторождения Главгеологией РСФСР было приказано организовать Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. 1 февраля 1962 года Мегионский участок Нижневартовской партии глубокого бурения был выведен из состава Сургутской НРЭ и преобразован в МНРЭ, которая вошла в состав Тюменского геологического управления на самостоятельном балансе. Начальником экспедиции был назначен Михаил Владимирович Шалавин, а уже летом 1962 года на него завели уголовное дело за незаконно спиленную часть плодородного чащегового кедровника, окружавшего Мегион. Тогда же его сменил Владимир Алексеевич Абазаров.

На Баграсе родился пятый ребёнок Доминовых – Анатолий. В 1960-е годы пятеро детей в семье уже стали редкостью, Фатима Идрисовна как многодетная мать получила «Медаль материнства». В 1961 году старшего сына Доминовых, пятиклассника Валеру, отправили в Мегионскую школу. В первый учебный год он жил на квартире у Седых, а на следующий год родители определили его в интернат. Но в 1962 году Доминовы, как и другие баграсовцы, имевшие школьников-старшекласников, по указанию Юрия

Эрвье, которого нефтеразведчики звали «папой Юрой», получили квартиры в Мегионе.

После преобразования Мегионского участка в экспедицию Арулла Баталович по-прежнему работал в бригаде Григория Ивановича Норкина, незаурядного человека, сильного духом и телом, фронтовика, специалиста высокого уровня, ставшего легендарным мастером Мегионской экспедиции. Позже довелось Арулле Баталовичу поработать и в бригаде другого знаменитого мастера нефтеразведки – Фаата Закиевича Хафизова.

Арулла Баталович фактически жил на буровых. Такова специфика профессии даже ныне. Что уж говорить о том времени, когда не было ни шоссейных дорог, ни мостов! Главный транспорт – речной, поэтому и старались в период навигации завезти всё: оборудование, стройматериалы, продукты питания, одежду. Случалось, что до ледостава не успевали баржи прибудировать к месту назначения. И тогда они вмерзали в лёд, как это случилось в первый год на Баграссе. Иногда Арулла Баталовича на два-три дня возвращали домой, на радость большой семье, костяк которой составляли сыновья. Ребята с нетерпением ждали отца, чтобы съездить с ним на охоту или рыбалку, которые были для него лучшим отдыхом, а для них настоящим праздником. Там он учил мальчишек стрелять, ставить капканы, сети и фитили на рыбу и прочим премудростям сибирской науки. Дочка, конечно же, требовала особого отношения, поэтому уделял ей более пристальное внимание.

Доминов А. Б. (первый слева). Мегион.

Дочь Зоя, ныне Зоя Арулловна Чибисова, рассказывает: «Папа всегда стремился сполна обеспечить семью, много работал, дома находился мало. Маму на работу не пускал, считал, что она должна воспитывать детей. Поэтому, когда она оформлялась на пенсию, ей не хватило стажа. С буровой отец привозил глухарей, уток и прочую дичь, а нам гостинцы от зайчика, в том числе конфеты. Где он их находил на буровой, для нас осталось по сей день загадкой. Чтобы обеспечить детей молоком, родители держали корову, папа разводил на мясо кроликов. Недалеко – в районе Старого кладбища – находился наш покос. Брал с собой на покос нас, детей. Старшие вместе с родителями косили траву, младшие ворошили и сгребали сено».

На счету Аруллы Баталовича открытие Мегионского и «жемчужины» нефтеразведки, как окрестили его журналисты, Самотлорского месторождений. А также участие в освоении Александровского, Охтеурского, Аганского, Ватинского, Варьёганского, Черногорского, Ваньёганского и других месторождений Среднего Приобья. Не везде поиски заканчивались успехом: так было в Назино, Нарыме, Татарске, Охтеурье... Но в этом и есть судьба поисковика. С Баграссом и Самотлором повезло...

Открытие и освоение им многих месторождений нефти добавляли в семейный архив Доминовых грамоты и благодарности, а ему самому на грудь награды. После открытия первой нефти в Среднем Приобье за добросовестный труд в освоении Западной Сибири Арулла Баталович Доминов был награждён орденом Трудового Красного Знамени, и кроме того, орденом «Знак почёта» и медалью «За трудовую доблесть». В конце 1970-х годов в Москве на Выставке достижений народного хозяйства СССР ему вручили памятную медаль. В 1976 году он стал ударником девятой пятилетки, а в 1980 году ему был вручен диплом «Почётный разведчик недр» Министерства геологии СССР.

Опытный бурильщик, серьёзный и очень ответственный человек, он не только отдавал всего себя любимой работе, но и обучал нефтяному

поиску молодое поколение. В производственной характеристике, выданной А. Б. Доминову 9 августа 1984 года Мегионской нефтегазоразведочной экспедицией по испытанию скважин, о нём напишут:

– Добросовестный, трудолюбивый работник, квалифицированный специалист. Активно участвовал в общественной жизни коллектива, являлся наставником молодёжи.

Так оно и было, свой опыт бурильщика Арулла Баталович передавал молодому поколению, был наставником у помбуров Николая Никанорова, Николая Верёвкина и у многих других. К слову сказать, и Коля Никаноров, и Коля Верёвкин (трагически погибший на буровой), были нашими с Валерой Доминовым одноклассниками.

Слава о первопроходцах Мегиона в те годы гремела на всю страну: о них писали очерки, про них снимали фильмы. Арулле Баталовичу также был посвящён очерк, опубликованный в журнале «Юность».

Много в те первые годы перебивало в Мегионе «покорителей Севера», но не всем удавалось даже «поспорить» с ним, не то, чтобы покорить. Сотни людей уезжали, не выдержав испытаний напряжённой работой с редкими выходными, неустроенностью быта (часто не только подушки, но и волосы примерзали к стенам балков и вагончиков), непроходимостью болот и стаями гнуса, суровым климатом с коротким летом и жестокими морозами, когда птицы замерзали на лету и лопались рамы автомобилей. Оставались сильнейшие, Арулла Баталович среди них. Страстный охотник и рыбак, он всей душой любил Север с его суровым климатом, неисчислимыми озёрами и охотничьими угодьями, со скромной, но такой притягательной своею трогательностью природой по мелким притокам и истокам рек...

...В 1978 году Арулла Баталович оформился на пенсию. И даже после ухода на заслуженный отдых, он не покинул Мегион, как это сделали многие. Остался верен сибирской земле, в недра которой смог «заглянуть» и которую любил навсегда. В 1991 году здесь, на этой земле, его и похоронили...

2015 - 2025 гг.

(Окончание. Начало на 1 стр.)

совершенно уверенно, и начал проявляться его природный артистизм.

Последовавшие за ним произведения из русской академической музыки – русская народная песня «Ой, кабы Волга – матушка да вспять побежала» в обработке П. Куликова и романс А. С. Аренского «Угаснул день» показали, что и этот пласт музыкальной культуры начинающему певцу по силам. А ведь по мнению самих вокалистов русскую музыку исполнять намного тяжелее, потому как она требует абсолютного понимания того, о чём поёшь и глубину цельного произведения, как с музыкальной стороны, так и со стороны слова.

И немалую красоту прозвучавшим произведениям добавила грамотная, аккуратная концертмейстерская работа Виктории Чинегинной.

То, что Евгений очень серьёзно подходит к смысловому содержанию, к слову, показало прочтение им стихотворения Л. Карпинской «Вы знаете, что люди могут не вернуться». И мне кажется, если молодой певец продолжит своё совершенствование в художественном прочтении поэзии, тем больше опыта это занятие принесёт и в его певческую копилку.

Можно сказать, что Евгению очень серьёзно повезло в жизни. Во-первых – природа весьма щедро одарила его красивым, сильным голосом

и великолепной сценической внешностью. Но самое главное, судьба привела его к замечательным наставникам, тем, кто вовремя рассмотрели незаурядные данные парня, поддержали его и приступили к профессиональному возвращению. Да, именно так, ведь для того, чтобы из одарённого юноши вырос настоящий академический певец, сумевший раскрыть все возможности своего голоса, требуется бесконечный кропотливый труд и бережное отношение.

Первым педагогом по классу вокала стала Елена Вячеславовна Берсанова. Именно её искреннее участие не дали в своё время парню бросить обучение в школе искусств и пережить весьма непростое для юношей время мутационных изменений голоса.

Хорошей мотивацией для развития стало участие Евгения в самых разных конкурсах, в результате чего он стал обладателем званий:

- Лауреата I степени Международного фестиваля-конкурса «VIVA» при поддержке Департамента культуры (г. Москва)
- Лауреата I степени Международного конкурса-фестиваля «Новые имена» при поддержке Министерства культуры РФ и Министерства просвещения РФ (г. Москва)
- Лауреата I степени Международного фестиваля-конкурса «Стать звездой» (г. Тюмень)
- Лауреата III степени Международного фестиваля искусств «Классика над морем Сочи-2025».

Также Евгений принимал участие в мастер-классах в рамках творческих школ и фестивалей, среди них: Русская Национальная Творческая Школа Маевского в Суздале (2022 г.); «Юношеская творческая лаборатория Культурного центра Елены Образцовой» в г. Санкт-Петербург (2024 г.); Международный фестиваль-конкурс «Январская сюита. Клин-2025»; Международный фестиваль искусств «Балтийская дюна. Калининград-2025»; Международный фестиваль искусств «Классика над морем. Сочи-2025».

Конечно за всеми этими достижениями стоит профессионализм и человечность педагога, трудолюбие самого Евгения и искренняя заинтересованность в творческом росте своих учеников Мегионской школы искусств имени А. Кузьмина.

Гордостью за своего выпускника и его педагога были наполнены слова поздравления с первым сольным концертом директора школы Нели Витальевны Алексиенок...

Как уже сказала вначале – сейчас Евгений Дорохов – студент 1 курса Омского музыкального училища (колледж) имени Виссариона Яковлевича Шебалина. Он поступил на отделение вокального искусства и учится у Натальи Маратовны Сухотериной, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, Заслуженного деятеля культуры Омской области, Почетного деятеля культуры города Омска, Заведующей отделением

Вокального искусства Омского музыкального училища (колледж) имени Виссариона Яковлевича Шебалина.

После концерта Евгения поделилась своими впечатлениями с педагогом Томского музыкального колледжа имени Э. Денисова Ольгой Павловной Мазепиной и, узнав о том, кто сегодня обучает талантливого мегионца, сказала мне: «Верь, у парня большое будущее...».

Татьяна Юргенсон
Фото автора

Николай Мельников,
горный инженер-нефтяник,
член Союза журналистов России,
г. Сургут

Мой институт и военные сборы

18 мая 1973 года завершилась моя срочная служба в рядах советской армии. Впереди маячило полновесное лето, и я очередной раз устроился пионервожатым в башкирском городе Октябрьском. А попутно восстановился на второй курс Октябрьского общетехнического факультета Уфимского нефтяного института.

На следующий год наша студенческая группа НР-72 приехала в республиканский центр для продолжения обучения. Поселили нас во втором общежитии, буквально через дорогу от которого стояли учебные корпуса. Студгородок был удобным и компактным: за пятнадцать минут можно добежать до любой аудитории. Институт находился почти на самой окраине города – в Орджоникидзевском районе Уфы. На этом месте когда-то был город Черниковск, 24 июля 1956 года ставший неотъемлемой частью столицы Башкирии.

Экспедиция, в которой работал мой отец, в начале пятидесятых годов располагалась в городе Черниковске. Хорошо помню большую благоустроенную квартиру на первом этаже. Во дворе дома находились сараи, где жители держали кто кур, кто свиней. У нас была хрюшка, которую я очень боялся. Когда её выпускали гулять на улицу, я залезал на крышу сарая, а она бегала вокруг как бешеная. Могла догнать курицу и тут же сожрать её.

В моей памяти также остались систематические выезды на природу: на озеро, в лес, где на одной из опушек росли очень красивые цветы.

Уфимский нефтяной институт отсчитывает свою историю с октября 1941 года, когда в Чер-

никовск был эвакуирован Московский нефтяной институт имени академика И. М. Губкина. Вуз возглавлял известный учёный М. М. Чарыгин. Преподаватели и студенты прибывали в город в течение последующих двух месяцев. На 1 декабря 1941-го в институте обучалось 276 человек. В ноябре 1943-го вуз возвратился в Москву, а в Черниковске был организован филиал. 150 оставшихся студентов набора 1941 и 1942 годов учились на промыслово-механическом, технологическом и геологоразведочном факультетах. Возглавил филиал А. В. Фатеев.

4 октября 1948 года на его базе был образо-

ван Уфимский нефтяной институт (УНИ). Пять лет спустя на Дежнёвских лугах началось строительство современного студенческого городка. В 1956-м открылось вечернее отделение в головном вузе и в новом центре нефтедобычи – городе Октябрьском. В 1957-м ввели в строй общежитие № 2, в 1958-м – столовую, а в 1962 году – главный корпус студгородка. Уфимский нефтяной начи-

нался с горно-нефтяного и технологического факультетов.

1974 год. Я учился в Уфе на третьем курсе горно-нефтяного факультета. Качество лекций намного выше, чем в Октябрьском. Запомнились лекции завкафедрой техники и технологии нефтедобычи профессора В. В. Девликамова. Владимир Владимирович очень интересно и просто рассказывал о любой области нефтяной науки. На экзаменах не требовал от нас запоминания формул, главное – чтобы студент понимал суть вопроса. Он был не только одним из наиболее авторитетных профессионалов в своей специальности, но и незаурядным учителем. Когда мне приходилось преподавать, я всегда вспоминал этого необыкновенного человека, учёного и педагога.

Кроме того, я прослушал курс лекций ещё одного интересного человека – профессора кафедры геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений, доктора технических наук Ильи Григорьевича Пермякова. Он много рассказывал о зарубежных командировках, а также поведал нам, молодым и горячим, как можно успешно развивать свои творческие возможности.

Один день в неделю всегда был посвящён военной подготовке. Соответствующая кафедра Уфимского нефтяного института была создана в декабре 1948 года, когда вуз отделился от Московского Губкинского. Первоначально кафедра готовила офицеров запаса службы горючего по одной военно-учётной специальности. Количество обучаемых – около 150 человек, в составе преподавателей – пять офицеров. В 1957-м кафедра приступила к подготовке офицеров запаса трубопроводных частей. Минуло без малого сорок лет, прежде чем в июле 1996 года был соз-

дан новый факультет – военного обучения.

В нашей группе я был единственным, кто отслужил в советской армии, поэтому меня назначили командиром взвода. В 1976 году закончилось обучение по профилю «инженер службы горючего», и нас отправили на практику. Военные сборы проходили недалеко от Казани, на базе горючего Приволжского военного округа.

Село и одноимённая железнодорожная станция Высокая Гора находились в 18 километрах от центра Казани. Студентов разместили на территории войсковой части в палатках. Занятия проходили под открытым небом. Погода стояла хорошая, тёплая, без дождей. База горючего скорее была похожа на заповедник. Вместе с нами, студентами, практику проходили курсанты Ульяновского военного училища в качестве командиров взводов. Иногда меня освобождали от занятий и просили собрать грибы, коих на территории базы росло, как говорится, немеряно. Кроме занятий по военной специальности, мы занимались строевой подготовкой, несли караульную службу, провели

учебный бой с марш-броском и рытьём окопов.

В выходной нас отпускали в Казань, и всегда со мной был фотоаппарат. Я сделал много снимков в городе, но самые интересные фотографии получились о военных сборах. Я снимал каждое событие: дорогу от Уфы до Казани, бытовые условия в военном лагере, строевой смотр, марш-бросок. И, конечно, на фотоплёнку был запечатлён момент приёма присяги нашими студентами.

Фото из архива автора

Ирина и Михаил Ряби,
Ярославская обл.

**Микуль Шульгин: «Всегда за душой есть
заветная песня, её-то и надо спеть».**

Заветная песня Микуля Шульгина

Он как истинный поэт всегда смотрел на мир восторженными глазами.

Еремей Айпин,
общественный деятель Югры,
прозаик и публицист

Он как истинный поэт всегда смотрел на мир восторженными глазами.

Еремей Айпин,
общественный деятель Югры,
прозаик и публицист.

Имя Микуля (Ивана Ивановича) Шульгина – первого профессионального поэта народа ханты хорошо известно его соотечественникам. Звезда Микуля Шульгина на небосклоне югорской литературы взошла в начале 1960-х годов, осветив русский север.

Возможно, что поэтического открытия яркого таланта могло бы и не состояться, если бы в год рождения Микуля, летом 1940 года в Омске не прошла Первая областная конференция писателей, поэтов и журналистов. Тогда впервые собралось столь внушительное общество творческих личностей, которые представляли художественную литературу народов Западной Сибири. Живой очевидец этих событий, Григорий Лазарев тогда написал в «Остяко-Вогульской правде» о моменте зарождения литературы национальных меньшинств: «1940 год явится одним из памятных годов в жизни писателей и поэтов нашей области. Первая областная конференция писателей. Первые желанные встречи друзей по перу – русских, ненцев, ханты, татар. Горячие речи, полные энергии и силы».

Биография Микуля (Ивана Ивановича) Шульгина была самой обычной биографией советского времени. Родился Иван за полтора года до начала Великой Отечественной войны в хан-

тыйской семье в деревне Мувот-Курт, находящейся на границе Ямала и Югры. Об этом позже в своих стихах он скажет просто:

Я родился под пение вьюги
В предвоенной хантыйской семье...

Небольшое поселение в переводе с хантыского обозначало деревню из землянок. Сейчас этой деревни уже нет. Стихотворение Микуля «Тропинка» – поэтический памятник этому месту:

Деревьев и трав полукружье –
В хантыйской деревне рассвет...
Зимою морозной и вьюжной
Я здесь появился на свет.

...Как детство прошло, не заметил.
Но вот к нему тропка... Гляди!

Бежит от березки к рябинке –
До неба, у звезд на виду.
Быть может, по этой тропинке
Я и сегодня иду.

Род отца поэта Ивана Филипповича занимался исконными для ханты промыслами охотой и рыбной ловлей. Мать, Евдокия Анисимовна – рукодельница, певунья, рассказчица, в селе занималась доставкой почты. Ей посвящены такие строки в стихотворении Микуля «Мама»:

Ни устали и ни скуки
Не признаёт она.
Словно стрижи, её руки
Мелькают с темна дотемна.
.....
Если бы не было мамы,

Не было бы жизни.
Вечно жить ты будешь
В облике детей своих.

Когда началась война, отец ушёл на фронт, оставив в семье по традиции сына за «главного» мужчину, хотя «мужичку» был только год с хвостиком. Как ни заботились о нём взрослые, он всегда чувствовал себя голодным. Спасала река: с малых лет ребёнок пристрастился к рыбной ловле и был удачливым добытчиком для семьи! Много лет спустя, в стихах «Подлёдный лов» он вспомнит:

С детства знаю: рыба —
Это тот же хлеб.

Гвардии рядовой Иван Шульгин был снайпером стрелкового полка. Он принимал участие в освобождении Ленинграда от вражеской блокады. 9 мая был самый главный праздник в маленькой жизни Микуля: мама пообещала ему: скоро с фронта вернётся отец, ведь настала победа! Стихотворение «Отец» посвящено моменту возвращения отца в дом, отчего радость победы удваивается в сознании мальчика:

От доблестных стен Ленинграда
Отец возвратился в тайгу.
И был наивысшей наградой
Наш праздник
В семейном кругу.
Он снял полевые погоны,
Сказал мне:
«Ну, хватит дремать!
Какая стоит погода,
Какая, сынок, благодать!
Я снова рыбак и охотник,
А это нам, хантам,
К лицу...».
(Отец).

Первым таёжным наставником, научившем Ваню охотничьим хитростям, обычаям и обрядам, был его дед Филипп Устинович. Об этом всегда будет помнить благодарный внук: «А потом изучал я упрямо / Речь лесов и язык буквarei». Дедушка помогал правильно обращаться с домашними животными – оленями в первую очередь. Но ещё раньше он посвятил внука в премудрости рыбной ловли.

У деда
Меткость вошла в обиход.
Он стрелы берёт про запас.
Утку бил он, как правило, влёт,
Белку и соболя – в глаз.
Туго натягивал тетиву,
Хоть был и с берданкой знаком.
Я, может быть, потому и живу,
Что дед был метким стрелком.
Хочу трудиться до петухов,
Как только дед и умел,
Чтоб были строки моих стихов
Острее и метче стрел.

Он любил слушать его бесхитростные сказки, легенды, песни. Много интересных наблюдений унаследовал он от дедушки ещё совсем ребёнком. Например, он помнил наставления о том, что надо не только терпеть, но и любить малую беду, приключившуюся с тобой, поскольку она самую грозную собой заслоняет. Важно, учил дедушка, оценивать встретившегося не только глазами, но и принимать его умом и сердцем. Если сердце твоё – нарта, то новый знакомый должен стать желанным грузом на ней. Помнил он и высказывание деда о том, что всегда среди потухших угольков костра есть Смотрящий, Неспящий и Бдящий. «Так и ты, – наставлял дед, – должен всё подмечать, сохранять в своей памяти и передавать наблюдения остальным, ибо каждый из нас, движется на нарте Времени, которая порою скрипит, кренится, натывается на дорожные

камни и валуны, но всё равно пробивает свой путь вперёд. Помогай своему народу на этом Пути!»

Окончив среднюю школу, Иван, оказавшись в Ленинграде, стал студентом. Мальчик был поражён увиденным. Здесь был совсем другой мир! В тайге его занимали солнце, луна, звёзды... а здесь и земли-то не было – асфальт да бетон. Непривычный образ жизни, другие боги и покровители рода человеческого.

Из книг научной библиотеки института Микуль узнал, что изображение оленя часто встречается на стенах пещер и скалах, не столько, как тотемный магический знак, а образ, воплощающий собой космос...

В Ленинграде Микуль всласть посидел в библиотеках, знакомясь с поэтической классикой, он захлёбывался радостью от постижения новых миров. Каждый открытый им художник уносил вглубь времени и под небеса вдохновения – и от того самому хотелось поведать о своём народе и родном крае читателям. К тому времени уже он почувствовал себя Поэтом...

Что засмотрелся ты, юный поэт?
Хочешь маячить, а опыта нет?
Не огорчайся. Мужай и свети!
С этой мечтой ты на верном пути.
Смело шагай и рассеивай мрак,
Пусть твоё слово горит как маяк!

Он хотел, но ещё не мог поэтически выразить мысли о народе ханты. Он чувствовал, что его народ, как и остальные, представляет собой неповторимую божественную сущность, благодаря своему особому устройству...

Иван прибыл учиться в Ленинград в пору «оттепели», когда в стране стали массово появляться литературные кружки и объединения. Те поэты, с которыми общался Микуль, научили его особому стилю мышления, позволявшему критически относиться к собственным стихотворным поделкам. За этот благотворный иммунитет, за импульс к творчеству поэт выразил признание в стихотворении «Ленинграду»:

Здравствуй, город, Петра творенье!
Ты верен труду и борьбе.
Моё вдохновенье, моё озаренье,
Сегодня пою о тебе!
Здесь, на Неве, у седых парпетов,

Где яхты несут паруса,
Впервые в жизни я встретил поэтов,
Услышал их голоса.
И в сердце ответно струна зазвенела,
И стало ему горячо.
Моя душа очень робко запела,
Словно забил родничок.
Запела о дальнем родном селенье,
О давней тропке в снегу,
О том, как я в детстве дружил с оленем,
Как дед меня брал в тайгу.
В ту пору был Ленинград в блокаде.
Отец сражался с врагом
Не славы посмертной, а жизни ради,
Чтоб здесь я учился потом.
Город, поклон тебе, благодаренье,
Ты вечен в моей судьбе...
Моё вдохновенье, моё озаренье,
Сегодня пою о тебе!

В марте 1961-го в Доме творчества Комарово состоялась I Всероссийская конференция литераторов народностей Севера и Дальнего Востока, в которой приняли участие посланцы из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Среди них были Григорий Лазарев, Юван Шесталов, Андрей Тарханов; Иван Истомин, Леонид Лапцуй и заявивший о себе, как о поэте, Иван Шульгин. Молодые литераторы общались, читали наизусть стихи на родном языке. Познакомились они с замечательной переводчицей Натальей Иосифовной Грудининой: многие называли её своей литературной матерью.

Иван был обласкан ленинградскими и московскими поэтами, известными в Союзе. Среди них был А. А. Прокофьев. По итогам встречи с писателями народов Севера и Дальнего Востока были отобраны стихи в сборник. В литературу входило новое послевоенное поколение.

Первый, признанный для печати поэтический опыт Шульгина «Радио» был помещён на третьей странице окружной газеты (ХМАО) «Ленинская правда» 18 октября 1959 года. Второй – «Вертолёт» – появилось там же 22 ноября. Оба были переведены с хантыйского. Именно тогда творческая стихия вознесла автора и благословила на поэтическое путешествие в периодических газетных изданиях, журналах и альманахах.

Разгар «оттепели» Микуль застаёт в Ханты-Мансийске, куда перебрался, прервав

обучение в Ленинграде. Андрей Тарханов вспоминал: «Я приехал в Ханты-Мансийск в 1961 году. К этому времени здесь образовалась довольно активная творческая группа: хантыйские поэты Иван Шульгин и Владимир Волдин, поэт и журналист Геннадий Калабин и, конечно, Вячеслав Попов. Позднее к ним по-творчески примкнули, – молодая поэтесса Галина Слинкина, хантыйская поэтесса и собирательница родного фольклора Мария Вагатова-Волдина».

В апреле 1962-го в Салехарде прошло первое совещание молодых поэтов и прозаиков Обско-го Севера, творческим итогом которого стал сборник «Северные россыпи».

Люльку хантыйской младолитературы баюкали два родителя – Природа и Фольклор. Когда к ним на помощь пришла русская литературная классика, ребёнок стал делать первые уверенные шаги. Все трое и выпестовали хантыйскую словесность, а она выдвинула в свои первые ряды его, Микуля Шульгина, первого поэта-профессионала ханты. Он имел право так называть себя, поскольку к тому времени у него была издана в Тюмени первая книжка стихов на родном языке: «Мави Ас» («Медовая Обь»).

Рождению книги способствовало умение Шульгина обращать драгоценные легенды, сказки, народные песни в поэтические художественные образы, понятные его читателям. Знакомство с русской классикой тоже сыграло роль: в его стихах блистали ритмика, мелодичность и рифма (чего до него не было в поэзии ханты). Это был гигантский шаг вперёд хантыйской словесности – от устной поэзии к литературному мастерству.

Поэзия Ивана Шульгина (тогда ещё товарищи по этому имени называли Микуля) напоминает прозрачность рек и озёр, в окружении которых он провёл детство и часть юности. Художественные образы в его поэзии напоминают действующие лица хантыйских легенд и сказок. Он переплетал в своих стихотворениях бег лесной тропинки, движение рек, полёт птиц, говор тайги и зверей, сияние северного солнца. Но как правдивый художник, он не мог не запечатлеть с восторгом и новые города, и буровые вышки, и победу людей над урманами и болотами, ибо он был прежде всего советский поэт! Для него именно в этом проявлялось новое видение мира, наполненное новыми художественно-поэтическими открытиями

Он был восхищён человеческой мыслью, создавшей механизмы, помогающие людям в их созидательном труде. Он видит, что человек в своём научном творчестве, не отрицает природное начало, но, подражая ему, он движется дальше – в глубь и в высь. В стихотворении «Вертолёт» автор не называет чудом доставку почты вертолётom, но восхищен человеческим разумом:

Вместе с отцом и дедом
Смотрим во все глаза:
Висит вертолёт над кедром,
Словно бы стрекоза.

Вот повисел и ходко
Пошёл бочком в облака,
Точно крылатая лодка
От свежего ветерка

Не говорим как о чуде.
Почту привёз, и – привет!
...такое придумали люди,
Чего и в сказаниях нет!

Вместе с отцом и дедом
Смотрим во все глаза:
Висит вертолёт над кедром,
Словно бы стрекоза.

Вернувшись в родные края, поэт стал понимать, как нелегко людям, вскормленным плодами европейской цивилизации, постичь душу северянина и его традиции, своеобычную культуру, которую он почитает. Природа, гармонично существующая в национальной модели мира, воспринимается им, как семья, где едины человек, домашние животные и лесные звери. И он, Микуль, как человек этого мира, дорожит им. В одном из ранних стихотворений «Дождь прошёл...» он описывает прозрачное небо, обозначив его, как «дно».

Дождь прошёл
Светло весною,
Полон вечер тишиною.
Ветра, словно не бывало,
Небо дном прозрачным стало.
Будто жир,
Вода лоснится,
На неё садятся птицы...

Вдаль скользить на лодке мне бы –
Да боюсь: сломаю небо!

По хантыйским представлениям, небо многослойно, поэтому нижнее небо может стать рекою или опуститься на дно реки. Сакральность неба, превратившегося в воду, подтверждено тем, что «на него садятся птицы». Птицы – небесные посланники в мифах многих народов. Лирического героя охватывает восхищение от этого очищенного, омытого дождём мира, гармонично вобравшего в себя всё видимое пространство накануне его весеннего возрождения. Финальные строки, правда, воспринимались многими читателями как ироничные: «Вдаль скользить на лодке мне бы – / Да боюсь: сломаю небо!» – на самом деле – здесь звучит трепетное отношение к мирозданию, его обожествление и ответственность человека перед богами. Лирический герой боится нарушить равновесие между стихиями – небом и водой, отражающей небо. Вспоминается невольно Ф. Тютчев, оставляющей человека один на один с космосом: «Небесный свод, горящей славой звёздной, / Таинственно глядит из глубины, – / И мы плывём, пылающе бездной / Со всех сторон окружены». («Как океан объемлет шар земной...»)

В 1962 году Иван Иванович Шульгин был призван в инженерные войска и скоро в «Тюменской правде» появляется поэтический цикл «Армейские мотивы». Сюда вошли такие стихотворения, как «Ивдель-Обь», «Звёзды», «Горы у Ханты-Мансийска», «У тумбочки дневального». На последнее стихотворение 1964 года стоит обратить особое внимание.

Живём в лесу и в поле, как туристы.
И снится нам казарменный уют.
Где тумбочка дневального,
как пристань
К ней парусники писем пристают.
Они плывут,
Как лебеди – утрами,
Как облака,
Как ночью – добрый сон,
В наш дальний, за лесами, за горами,
За белыми снегами,
Гарнизон.
Плывут, как корабли, свистя снастями,
В рассветной рани и вечерней мгле,

Нагруженные доверху вестями
О жизни,
О здоровье,
О земле.
С расспросами о том, когда отслужим,
Как служим, и опять – о том, о том,
Когда отслужим, с ружьями раздружим
И навсегда к себе домой придём.
А мы? Мы – люди воинского долга.
Суда-ответы снаряжаем мы,
Где сообщаем:
– Нам служить недолго:
Три осени,
Три лета,
Три зимы...
И вновь мы – в поле.
И за полем мгlistым –
Наш городок, и письмоносец-друг,
И тумбочка дневального,
как пристань
Тревог и встреч,
Свиданий и разлук.

Переводчик стихотворения на русский – Леонид Васильевич Решетников, стал старшим другом Микуля.

Армейская жизнь для поэта была школой воспитания мужества, учёбы и солдатской дружбы. Начинал Микуль в военно-строительной части разнорабочим. Природная смекалка помогла овладеть строительной специальностью, получить разряд. Скоро его стали ставить в пример остальным: рядовой Шульгин, помня заветы фронтовика-отца, был «снайпером» в исполнении любого, порученного ему задания, выполняя его в срок и с хорошим качеством. Иван оказался достойным сыном своего отца, не уронив честь фронтовика!

С армии Шульгин вернулся в 1965 году, а уже в 1966 выходит одна из самых солидных публикаций Микуля на 15-ти страницах в коллективном сборнике «Ямальские зори» (Тюмень). Вместе с подборкой стихотворений была впервые опубликована поэма «Макар Осьмаров», которую он вынашивал в сердце долгие годы.

Уже в начале поэмы Микуль ломает стереотипы в изображении своего героя. Он вовсе не забитый человек тундры, а светлый, полный сил и творческой энергии:

Он молод, но схватись попробуй с ним:

Его медвежья не пугает сила!
Обуглен солнцем, ветром иссечён, –
Его боится зверь в ночах тревожных,
Он – мастер, знает в жизни, что почём,
Рыбак, охотник, следопыт, таёжник...

В поэме немало поэтических находок, замечательных сравнений, метафор и примечательной художественной образности. Так перед читателями возникают ёлка в снежном капюшоне «Застыв, как в белой малице невеста...»; или «А утром солнца воспалённый глаз / Мигнёт, что время, что пора охоты...». Психологическое состояние безнадёжности жителей северного края передаёт фраза: «Среди лесов, объятых волчьим воем...». Или вот, как подаётся Шульгиным отрицательный персонаж: «глыба с глазками купца».

Разве можно не восхищаться такими поэтическими сравнениями, как «А солнце землю копыями кололо...»; «Тайга смыкалась, тёмная, как пасть...»; «Враг, словно волк, среди оленьих троп...»; «А счастье – потеплей бобровой шубы»; «Макар шутил, облеплен чешуёй: Она – как на уряднике медали».

Советский художник не был застрахован от социального заказа: в сравнительной характеристике двух эпох – царской и советской вплоть до начала 1960-х годов, того времени, когда, собственно, и создавалось это произведение. В поэме запечатлён образ советского героя-северянина, охотника-ханты, в изображении которого прослеживается традиция соцреализма, но можно ли винить мастера в том, что он соответствовал своему времени? При том Микуль в поэме «Макар Осьмаров» был настолько искренен, что читатели не почувствовали какой-либо искусственности или деланности этого произведения. В прорисовке образа Макара Осьмарова ощутима не просто причастность к советской классике, а к её лучшим образцам. Это не только «художественный» герой, но и «документальный». В нём прослеживаются черты отца автора поэмы Ивана Филипповича Шульгина:

О, только бы расцвёл родимый край,
Чтоб было больше дум и лиц счастливых.
(Макар Осьмаров).

Сейчас мужчинам место на войне –
Учителям, охотникам, рабочим!
Издревле ханты любят тишину,

Издревле ханты тихо выжидали:
Им было всё равно, где побеждали,
Кто из царей выигрывал войну.
Война кончалась, как и не была, –
И снова ханты жили в глухомани,
А нынче – это кровные дела:
Народа раны – это хантов раны.
Ну а Макар – охотник и стрелок,
Ему в тылу остаться недостойно...
Прощай, прощай, отец седой, как мох,
Прощай, сынок, и жди меня спокойно...
.....
Он насмерть встал за малого сына,
За Родину... Что слава и награды?
Он – лучший снайпер энского полка
И доблестный защитник Ленинграда.
Металась в небе снежная орда,
Выл ветер, как шаман, свистела стужа,
Войска сражались в эти холода,
На миг из рук не выпустив оружия.
Макар, прицелясь, нажимал курок,
Уже привыкнув к адовой бомбежке,
А не хватало хлеба – что ж, он мог
Три дня жевать кусок сухой рыбёшки.
И, помнивший слова «закон – тайга»,
Он выполнял приказы и уставы...
Дошёл таёжный снайпер до Полтавы,
Осталось до Варшавы два шага...
Врагу не скрыться от своей судьбы,
В прицеле тьма и ветер – не помеха:
Не зря одной достаточно стрелы,
Влёт – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!
Он отстоял родные города, –
И вот уже плескалась в старой каске
Дунайская, полтавская вода,
Но всё-таки в Оби вода прекрасней!
А в стойбище ждала его жена,
Седой отец и сын подросший ждали...
(«Макар Осьмаров», VI часть).

Позже, спустя годы, посещая родное селение и встречаясь с близкими людьми, Микуль привозил оттуда фотографии с видами памятных мест. Но главной достопримечательностью были люди – его родственники и земляки, охотники, рыбаки, оленеводы. Сестра Вера с братом Васей. И, конечно, родители – Иван Филиппович и Евдокия Анисимовна. О них он всегда отзывался с особой теплотой и был благодарен им за всё,

что они дали ему в жизни. Впрочем, как утверждают многие, кто знал Микуля Шульгина, он всегда говорил с благодарностью о людях, о друзьях, о родной земле, о реке, о деревьях и травах, о родовом селении...

После службы в армии Мигуль продолжает изучать народное творчество ханты и других народов. С конца 1960-х Шульгин – работник окружного Дома народного творчества.

Один из старейших работников культуры округа Владимир Васильевич Кобрик – вспоминал, что именно Микуль Иванович помогал ему на первых порах осваиваться на поприще работника культуры, подсказав ему название для хореографического ансамбля: «Хорам». Орнаменту как носителю национальной красоты, Микуль посвятил прекрасное стихотворение:

Хантыйские орнаменты красивы –
В них все приметы родины моей.
Ты больше не найдёшь по всей России
Таких цветов и сказочных зверей.
Узоры на одежде и посуде
Красны, как солнце, и белы, как снег, –
На них сызмальства глядя, наши люди
С прекрасным не расстанутся навек.
Они явились в жизнь совсем не просто
Из-под иглы, и кисти, и резца:
Ведь мастера по дереву и кости
В них вкладывали души и сердца.

В 1967 году он перевёл и издал в Свердловске отдельной книжечкой на родном языке «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, а 1969 выходит в свет сборник стихов на хантыйском языке «Тови ар» («Песня весны», 1969), на русском языке в этом же году выходит для детей «Жадная мышка» («Нелынг Ай вой»),

Большое событие не только для Микуля, но для всего Севера произошло 22 марта 1971 года – Микуля Шульгина приняли в Союз писателей СССР. Вспоминая то время, один из руководителей Тюменской писательской организации, которой ныне исполняется 60 лет, Николай Денисов вспоминал: «Надо сказать, в Союз писателей тогда принимали очень строго: например, с 1970 года по 1975-й у нас было принято только четверо...

А через три года после этого события выходит главная книга Мигуля – «Благодарность» – первая на русском языке.

В окружной газете «Ленинская правда» был опубликован отклик за подписью сотрудника редакции В. Андросенко: «Благодарность – во! чувство автора ко всем тем, кто пробудил далёкий северный край, кто помог его народу занять равноправное место в братской семье народов Советского Союза, – такое мнение складывается по прочтении книги. И ещё – безграничная любовь к родной земле, вырастившей его, давшей ему творческие силы, привившей ему понятие о том, что поэт силён соками земли, его породившей».

Позже Микуль Иванович начнёт перевод на хантыйский язык сказки П. Ершова «Конёк-Горбунок», а стихи М. Шулгина переведут на белорусский, венгерский, испанский и украинский языки.

У Микуля, как художника, проникновение в суть жизни своего народа поистине удивительное. Как он тонко использует языковые богатства, мотивы и ритмы из устного поэтического творчества своих предков в стихотворении «Язык».

Это вот – рыбы плывут в струях воды
ледяной.

Это – олени бредут по мхам тайги вековой...
О мой родной язык, как ты мне дорог, мил!
Через тебя я постиг этот огромный мир.
Ладен, звучен, пригож – жить без тебя не могу.
Остёр, как охотничий нож, ярче костра
на снегу.

Огромн, словно тайга. Глубок, как могучая
Обь.

Предскажешь, когда пурга, предскажешь, где
гиблая топь.

Для друга, для милой моей, для тех, кто
к добру не глух,
Журчишь ты, словно ручей, нежно лаская
слух.

Но если объявится враг, не кончится дело добром:

Огнём, разрывая мрак, ты прогремишь, как
гром!

И этот могучий зык услышит седой Урал.
О мой родной язык, ты песней моею стал!

Многоцветье строк Микуля отличается не только ярким национальным своеобразием, но и подкупает своей внешней простотой и доходчивостью.

Поражают образы, подсмотренные у природы автором. Среди них – сравнение языка с огромностью тайги, глубиной и могуществом великой сибирской реки Обь, родной язык – это песня, молния и гром! У Микуля под «языком» подразумевается и слово, и народ, не способный врать и притворяться, доверчивый до беззащитности и гостеприимно открытый тем, кто пришёл к нему с добром! Очевидно, эти черты пополняли запас прочности, помогая выживать в таких условиях.

Художественные образы Микуля сопрягают в себе жизнь человека и природных стихий и, безусловно, связаны с хантыйской мифологией, они традиционны и многозначны.

У Микуля, выросшего на берегу реки, к речному раздолью особое отношение:

Ах, река, тобою обласкан,
Я стою с просветлённым лицом...
Словно песня ты, словно сказка
С очень добрым, счастливым концом.
(«За осокой сверкают вёсла...»)

В его стихах встречаются названия таких рек, как Нева, Нил, Вах, но особое место среди них занимает Обь:

Восхищаясь безмерным простором,
На крутом берегу я стою.
Узкий мыс отклоняет в сторону
Голубую речную струю.
Города, посёлки, дороги
У великой и вечной Воды.
А поодаль гудят теплоходы –
Видно, гости издалека.
Величаво несёт свои воды
Работящая Обь-река.
(«Обь»)

Обь очеловечивается, как и всё, что связано с нею: «паруса режут звонкий воздух»; «галдят перелётные птицы»; «рыбацкие лодки ...и сноровко идут, и ходко»; теплоходы – «гости издалека»; Обь-река – «работящая». Последнее поэтическое определение он не раз подтвердит:

О, как влюблена в работу
Родная моя река!
(Август).

У народа ханты река – сакральное место, источник жизни, кормилица. Образ реки в поэзии Шульгина многозначен. Она может представлять неподвластную и таинственную силу, быть метафорой времени – соединять берега: прошлое и настоящее, быть символом границы. Река – это Великая и Вечная Вода – источник непрерывности бытия, которая конкретизируется в образе Оби. Для Микуля Обь – не просто река, а вечность и Родина!

Образ воды соседствует с образами солнца и огня (костра). К огню северные народы относятся почтительно: запрещают пренебрежительно отношение, обращаются с пламенем как живым существом. В стихотворении «Костёр в тайге» образ костра усложнён: он не просто противоположность холоду, но дан как образ новой жизни, рассеивающей прежний «зыбкий мрак». Поэт связывает будущее своего народа с развитием Советского Союза, единой и дружной семьёй народов. Эту мысль подчеркивают строчки, столь характерные для «просветительского» образа костра: «Поднимайся к небу, / Словно красный флаг!» Здесь ко-стёр – символ борьбы света с тьмой, космоса и хаоса. Важно не утратить контроль над огнём. Кроме того, огненная стихия, обузданная человеком, напоминает о домашнем уюте. Архетип «дома» противостоит образу тайги, дремучести, наполненной враждебными силами. Красный флаг – победа «своего» разумного начала над злым и чуждым советской морали.

Жить в ладу с божествами, отвечающими за порядок в пору освоения природных богатств на Севере, было не просто. Микуль пытается найти компромисс. Об этом нам свидетельствует в финале стихотворения слияние сразу нескольких образов – песни, леса, костра с распростёртыми крыльями, имеющих амбивалентное значение – друга – врага.

Затяну-ка песню,
Подпевай, костёр!
Ты не зря над лесом
Крылья распростёр.

1990-е годы стали переломными в творчестве национальных художников. Сменилась власть и сменилось отношение к художникам слова, но Поэт не изменял себе. Его лирический герой – советский человек, северянин, представляющий

хантыйский народ в период 1960-х – начала 1980-х годов. Микуль подчёркивает его стремление жить наиболее полно и ярко на фоне экзотического северного колорита, и не терять уважения к себе. Суровые условия Севера требуют напряжения сил, решительных и самостоятельных действий. И герой в его лирике оставался прежним, поскольку в нём всегда экзотическое переплетается с реалистическими элементами. Персонажи Шульгина презируют прозаическое существование обывателя, предпочитая ему героики и приключения, не обращая внимания на разлад действительности и мечты. При таких обстоятельствах можно ли найти героя в стране, где все захотели «жить не хуже, чем на Западе». Грянул экономический и духовный кризис в стране. Не избежал его и Микуль Шульгин. Трудно человеку, когда его талант стал невостребованным. Время перемен – не стало временем Микуля. Он принадлежал к поколению мальчишек, которые с малых лет познали, что за боль и горечь несёт война. Из её пекла сумел вернуться его отец, но так повезло немногим его односельчанам... Как же он мог отречься от той Родины, за которую проливал кровь родной и близкий ему человек? Микуль гордился отцом всю жизнь! Нет, он не мог поменять убеждения и мировоззрение... Но в наступившую пору ему, как творцу, приходилось нелегко, ибо пришлось писать практически в пустоту, когда всё «советское и социалистическое» становилось «не форматом». Писателям было отказано в поддержке от государства. Они остались наедине со своими творческими способностями и болезненно обострённым восприятием мира. Редела и читательская аудитория.

На склоне лет, в стихах-воспоминаниях, посвящённых другу-поэту «Улетели первые поэты», Андрей Семенович Тарханов признавался:

Эх, родной Микуль Иванович,
Наша доля в небесах.
Опохмелит утро раннее
Нас на разных берегах.
Пели песни мы застольные
В шестьдесят втором году.

Мы стихи читали вольные,
Чуя лихо на веку...

Искажённый образ недавнего прошлого был тогда настолько легко внушён массам, что большинство советских людей его послушно усвоило. Шульгин не захотел принимать участия в этих идеологических играх, при этом сам Микуль не переставал ощущать чувство благодарности к своему Отечеству, он был предан прежним идеям и темам, пытался оставаться заботливым сыном своей страны.

В начале 1990-х годов поэт переехал в посёлок Горки Шурышкарского района. Стал трудиться на звероферме. До самой своей смерти в 22 июня 2007 года, Микуль Шульгин старался сохранить в душе образ творца непреходящих ценностей.

Мы застали ещё то время, когда тёплыми личными воспоминаниями о Микуле делились Юван Шесталов, Новомир Патрикеев, Анастасия Сайнахова., цenia его поэтический язык, который по-прежнему «Острей, чем охотничий нож, ярче костра на снегу». Память о нём и сейчас жива. В Ханты-Мансийском автономном округе ежегодно проходят встречи с вдовой Микуля Шульгина, Евдокией Андреевной Нёмысовой и его дочерью Натальей Ивановной Величко.

Классик хантыйской литературы, Еремей Айпин, уверен, что Бог одарил его талантом литературным вместе с талантом щедрой души. В предисловии к книге стихов Микуля Шульгина «Медовая Обь» он поведал о том, как знаменитый Микуль сделал ему, студенту, царский подарок, который невозможно было купить, отдав свою старенькую портативную печатную машинку. Отдавая её, он заметил «Когда ты купишь себе новую машинку, эту ты подари другому начинающему молодому автору. Пусть она вдохновляет писателей и переходит из поколения в поколение». Такое пожелание со стороны Микуля Ивановича – символический жест – жест основателя хантыйской литературы, радеющего за продолжение его дела – поэтическое прославление родного края и народа ханты!

ФЕВРАЛЬ

Памятные даты Мегиона

30 лет назад (1996) создан Хоспис. Главой администрации было дано распоряжение от 19 октября 1995 г. о создании службы «Хоспис». В первые месяцы работы служба представляла собой выездную бригаду. В начале февраля 1996 г. это заведение начало функционировать в жилом доме по ул. Нефтяников 14, в подъезде № 6. До 2012 года служба была единственным хосписом в нашем регионе. Изначально, в отделении функционировало 6 коек, основная нагрузка возлагалась на выездную бригаду. С 2000 года хоспис входил в структуру МБЛПУ «Городская больница». В настоящее время это «Отделение паллиативной медицинской помощи взрослым» БУ ХМАО-Югры «Мегионская городская больница».

20 лет назад (2006) в Мегионе, в спорткомплексе «Звёздный» состоялось Первенство России среди автономных округов, посвящённое памяти воинов, погибших в локальных конфликтах. 118 юношей из 20 городов ХМАО и ЯНАО соревновались за право выйти в финал Первенства России. Команда мегионских спортсменов была очень хорошо подготовлена, в 17 весовых категориях ребята заняли три первых места. Двое воспитанников тренера Х. Мухамедшина – К. Таймасханов и Е. Васильев – вошли в сборную России.

1 февраля

35 лет назад (1991) создано Автотранспортное предприятие по вахтовым перевозкам (АТП по ВП). 35 автобусов «Кароса» стали первой закупкой.

1 февраля 1991 г. автобусы прибыли и в марте уже были запущены в работу, обеспечивая доставку работников ПО «Мегионнефтегаз».

2 февраля 2001 г. на территории АТП по ВП в честь десятилетия предприятия открыт памятник автобусу «Кароса», который стал первой транспортной единицей, его гаражный номер 0001. 11 сентября 2001 г. на территории АТП по ВП состоялось торжественное открытие Регионального сервисного центра по гарантийному обслуживанию автобусов «Кароса», единственного в Западной Сибири.

В 2004 году произошло слияние АТП по ВП и УТТ-1 в одну организацию ООО «АвтоТрансСервис».

В 2010 году ООО «АвтоТрансСервис» стало до-

черным предприятием ООО «НефтеСпецТранс». 14 марта 2016 г. предприятие ликвидировано путем реорганизации в форме присоединения.

3-4 февраля

25 лет назад (2001) в СК «Олимп» в Мегионе прошёл региональный чемпионат России по прыжкам на акробатической дорожке, двойному мини-трампу и батуту и открытый чемпионат по городу по спортивной акробатике. Мегионские спортсмены показали отличные результаты: в их копилке несколько золотых медалей, а также серебро и бронза.

7 февраля

20 лет назад (2006) в школе № 6 п. Высокий прошла практическая конференция «Создание комфортной среды для жителей посёлка Высокого». Она была организована в рамках «Мегионской инициативы» с целью выделить и систематизировать главные социально-политические проблемы п. Высокого, способствовать формированию положительного имиджа поселка, сохранению его традиций.

11 февраля

55 лет назад (1971) Мегионская Нефтеразведочная экспедиция за досрочное выполнение заданий пятилетки, открытие и разведку крупнейшего Самотлорского месторождения нефти награждена орденом «Знак Почёта».

15 февраля

20 лет назад (2006) был установлен памятник воинам-интернационалистам в районе старого здания администрации, выполненный по инициативе и на средства, собранные силами городской общественной организации «Мегионский союз ветеранов Афганистана». «Воевавшим и воюющим, павшим и живым», так было написано на камне, который должен стать частью будущего мемориального комплекса «Аллея славы». Права произвести закладку первого камня мемориала Памяти воинов-интернационалистов и участников локальных конфликтов удостоились директор авиационно-спортивного клуба «Икар», кавалер орденов «Красная Звезда» и «За службу Родине» 3 степени Олег Врублевский и председатель Общественной организации «Мегионский союз ветеранов «Афганистана», кавалер ордена «Красной Звезды» Владимир Гайковой. Протоиерей Ростислав освятил закладной камень.

Культурные коды

Наталья Генриховна Сваткова

Родилась в 1974 году в городе Талды-Курган, Казахской ССР. С раннего детства проявляла способности к рисованию – дома было изрисовано всё, до чего могла дотянуться детская рука даже стены под кроватями, мебель, столешницы с обратной стороны, а в 8 лет преподнесла родителям сюрприз, втайне от них начав посещать занятия в Детской художественной школе. В 17 лет, под руководством

своего отца, Жидова Германа Алексеевича, начала свою трудовую деятельность в Казахстанском производственном объединении «Казкварцсамоцветы», ученицей шлифовщицы-полировщицы поделочных камней, за несколько лет обучившись и начав работать ювелиром-филигранщиком. В тот же период поступила в Алматинский государственный университет им. Абая, художественно-графический факультет, на специальность «Изобразительное искусство и черчение»

(1993 – 1998 гг.). По окончании университета, переехала в Россию, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, город Мегион.

Уже на много позже было обучение в Тюменской Государственной Академии культуры, искусств и социальных технологий по теме: «Практическое освоение изобразительных и технических средств, приемов и материалов» в 2014 году (повышение квалификации), профессиональная переподготовка в ФГБОУ ВПО «Нижневартковский государственный университет» по программе «Менеджмент организации» в 2015 году и обучение в Нижневартковском Государственном университете, по направлению «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» (магистр) в 2018 году.

С 2004 года работала преподавателем Детской художественной школы города Мегиона.

В 2014 года переходит в МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» (Экоцентр) специалистом декоративно-прикладного искусства, позже научным сотрудником и заведующей Центра народных художественных промыслов и ремёсел (ЦНХПиР).

С 2019 работает художником-конструктором в Бюджетном учреждении ХМАО-Югры «Центр народных художественных промыслов и ремёсел» города Ханты-Мансийска.

С 08.12. 2015 г. член Союза кузнецов России, секция «Художественный металл», г. Москва.

Через всю свою жизнь пронесла любовь к ювелирному делу, обучая учеников не только живописи, рисунку, лепке и керамике, графике, различным направлениям народных промыслов и ремёсел, но и основам ювелирного дела – чеканке и металлопластике, работе с проволокой, гравировке.

Работает в техниках: художественный металл и металлопластика, керамика, витраж, графика, традиционная кукла, гравирование по стеклу, мелкая пластика.

Влияние русских ювелирных практик на эволюцию украшений Западной Сибири в средние века

Украшения из металла являются одним из важнейших археологических источников, самый богатый материал для исследования древних обществ, истории и археологии. Они всегда соответствуют рангу владельца, что является важным показателем социального обустройства различных обществ. Помогают изучению верований и этнической принадлежности, могут рассказать о контактах с соседями, другими государствами, о торговых путях и конечно же о культуре и традициях, образовании и генезисе культурных кодов, их взаимопроникновении, образуя новые варианты и виды.

Рассматривая украшения, обнаруженные в археологических памятниках Западной Сибири, Приобья, Приуралья, можно смело говорить о наличии огромного русского влияния. Сам образ украшений, порою сложнейшие технологии его изготовления, семантические смыслы, говорят о том, что они были изготовлены, возможно, славянскими мастерами-ювелирами или же мастерами, выходцами из финно-угорских народов, мастерами-ювелирами Волжской Булгарии, находящимися под непосредственным влиянием славянских ювелирных школ и практик. Украшения были привезены на данные территории или изготовлены непосредственно местными мастерами с применением технологических приёмов, характерных для русского ювелирного искусства. Часто встречаются украшения с использованием растительных, геометрических и зооморфных мотивов, которые присутствуют в русских украшениях более ранних веков.

С XI века новгородцы знали о Югорских землях, активно велось освоение и завоевание этих земель. Налаживались культурные и торговые связи, шло взаимопроникновение и ассимиляция различных культур. С XIII века Югра считалась волостью Великого Новгорода, выплачивала ему пушной яса. С подчинением Новгорода Москве эта дань стала собираться в казну Московского государства. С приходом Ермака, разгромом хана Кучума и падением Сибирско-

го ханства, началось ещё более интенсивное продвижение русских в долину Иртыша и Оби [1, с. 73]. Русские переселенцы привнесли свою культуру, традиции и обычаи в Западную Сибирь, а мастера-ювелиры, как и мастера других промыслов и ремесел, внесли свой вклад в развитие и становление искусства украшений. Они обучали местных жителей новым техникам и методам работы с металлом и камнями, что привело к созданию новых стилей и дизайнов украшений, например искусство ювелирной камнеобработки и металлообработки, привнесение различных сложных технологических приёмов.

На территориях Западной Сибири можно выделить следующие виды украшений, обнаруженные археологами и историками, в которых явно или косвенно прослеживаются русские практики:

- лунницы (с двумя рогами, трёхрогие и с замкнутыми концами), выполненные в технике скани, зерни, гнутья, пайки и литья;
- височные кольца (простые провололочные браслетообразные, с завязанными концами и прямыми концами; бусинные с одной, тремя, пятью бусинами различной конфигурации (простые бусины из металла, камня, жемчуга и сканно-зернённые бусины), выполненные в техниках скани, зерни, гнутья, пайки и литья;
- шумящие подвески арочного типа с привесками различной длины и конфигурации, выполненные в техниках скани, зерни, гнутья, пайки и литья;
- крестовидные накладки на пояс (литые);
- пронизки трубчатые прямые и со вздутиями, различной конфигурации; с прямыми и сканными вставками между вздутиями, выполненные в технике литья;
- гривны простые провололочные, витые из нескольких проволок, кованные, литые;
- бусины и бубенчики различной конфигурации (простые, литые; сканно-зерненные, паянные);
- подвески лапчатые, литые;
- пряжки на пояс, литые;

- подвески (шумящие, коньковые, калачевидные);
- кольца для пальцев рук (литые, кованные);
- браслеты (проволочные, плоские литые, с гравировкой, сканно-зернёные).

В процессе своего генезиса, на протяжении длительного периода времени, данные виды украшений видоизменялись, принимая другие формы, «обрастая» своими орнаментами, образами, семантическими значениями; менялись и технологии их изготовления. К сожалению, в XV – XVII веках, происходит упадок в ювелирном искусстве региона. Украшения из металла упрощаются, некоторые виды полностью исчезают. В XVII – XVIII веках на их место приходят новые культурные коды, несущие в себе мировоззрения коренного населения – хантов, манси и лесных ненцев. Появились украшения из бисера, вышивки, монет, бубенчиков, многочисленных колечек, простых оловянных и бронзовых отливок в виде ромбовидных, круглых и зооморфных форм.

Рис. 1. Виды древнерусских трёхбусинных височных колец.

Рис. 2. Виды височных колец, обнаруженных в археологических памятниках на территории Югры

Возвращаясь к ранее описанным украшениям, можно рассмотреть их генезис на примере некоторых видов. Пожалуй, наиболее характерным примером русского влияния можно назвать височные кольца, лунницы, калачевидные и шумящие подвески. Важно отметить, что распространение этих украшений было довольно широким, и они встречались не только на Руси, славянском и финно-угорском Севере, в Восточной Европе, но и в других регионах, включая Зауралье и Западную Сибирь.

Височные кольца. На территории Югры обнаружены многочисленные находки височных колец различной конфигурации: простые проволочные височные кольца, бусинные височные кольца с различным количеством нанизанных пустотелых бусин (от 1 до 12 шт.) и с различным оформлением бусин, что говорит об их широком распространении на данных территориях [4, с. 106-108]. Височные кольца являлись значимым объектом в межкультурных коммуникациях разных народов, их изготавливали, меняли,

продавали, дарили, а значит и шло их постоянное развитие и преобразование. От простого к сложному, от простых проволочных колец с завязанными концами к сложным, с крупными сканно-зерновыми бусинами. В результате многочисленных исследований, учёные пришли к мнению, что на возникновение и широкое распространение славянского типа височных колец, сформировавшегося на рубеже X – XI вв., повлияли более ранние типы: византийско-иранский, карпато-балканский и польско-тюринский. В свою очередь именно славянский тип височных колец оказал сильнейшее влияние на формирование болгарского типа в XII – XIV вв. Но мнения ученых по данному вопросу разделились. А. П. Смирнов пишет: «Есть все основания полагать, что славянские трёхбусинные кольца послужили основой, из которой развились болгарские кольца с тремя бусинами, сплошь покрытые зернью; кольца с тремя бусинами и с привесками, прикрепленными к средней бусине...» [15, с. 100-102]. Такого же мнения придерживаются историки и археологи, изучавшие археологические памятники Западной Сибири, В. П. Левашова и В. И. Семёнова. [10; 14, с. 82].

По мнению С. А. Рябцевой, по форме и орнаментации, болгарские височные кольца ближе к карпато-балканским образцам. Тем не менее болгарские мастера активно применяли удачные решения, использованные древними мастерами-славянами, например, тип застёжки на височных кольцах и сканно-зернённое оформление [10, с. 226]. А. М. Белавин предполагает: «Возможно, что появление височных колец с полыми бусинами в Волжской Булгарии следует возводить к арабской традиции ювелирного дела, воспринятые у арабов ранними болгарскими эти кольца достаточно быстро были освоены местными ювелирами, стали традиционными, а через Булгарию проникли и на Русь...». [2, с. 73].

На территориях Югры обнаружены, по большей части, болгарские типы колец, в которых можно увидеть славянские корни в той или иной степени. Это выражается в форме бусин и их орнаментации. Учёные сходятся во мнении, что бусины, круглые по форме, с богатым ажурным орнаментом из скани и зерни, с бусинами в виде узелков, просто с обильной зернью, многочисленными отверстиями в основе бусин и наличие одноразмерных бусин в одном изделии – это славянский тип (рис. 1). Бусины вытянутой, же-

лудеобразной формы, сложно круглой формы (наличие вставки в центре круглой бусины), с ровными симметричными поясками сканной проволоки, орнаментом зерни в виде строгих прямых линий, пирамидок и бипирамидок зерни – это болгарский тип (рис. 2). При этом необходимо отметить, что культура Волжской Булгарии изначально являлась результатом синтеза различных культур. Нередко среди болгарских мастеров были выходцы из финно-угорских, прикамских племён, внёсшие присущие их материальной и духовной культуре формы и образы [5, с. 125-126]. Кроме того, болгары прекрасно знали предпочтения народов, с которыми торговали и максимально пытались адаптировать или изготовить на заказ предметы, близкие по формам и сюжетам покупателям [7, с. 8-11].

Лунницы. Украшение использовалось как подвеска и носилось на шее, голове, крепилось на косы. Основа украшалась различными филигранными и геометрическими узорами, включая изображения символики «плодородия» – многочисленных полос и линий, зубцов, символизирующих луну и дождь, плодородие и материнство (рис. 3). На рубеже XIII – XIV веков на лунницах появляется орнамент креста, так называемые крестовключённые лунницы, где крест символизирует новую православную веру. Подобный орнамент расположен и на лунницах, обнаруженных в Западной Сибири (рис. 4). Отличие проявляется в изменении формы украшения – на данных территориях лунница приобретает форму не полностью замкнутой или замкнутой окружности с отверстием в нижней части, так называемая лунница с замкнутыми рогами (концами). В верхней части лунницы появляется вытянутая петля для подвеса, которая характерно видоизменяет форму всего украшения. Изменяется и изображение лунного цикла в виде умбонов – они выстраиваются в некую «схему» на небесном своде и располагаются по дуге от рога к рогу. А. П. Смирнов предположил, что филигранные замкнутые лунницы – это русский импорт и лунницы, выполненные в более грубой, литой форме, являются местным подражанием [3, с. 32].

У финно-угров луна почиталась как ночное светило, планета, определяющая ритмику времени в жизни людей. Удмурты и марийцы, как и славяне, пользовались лунным времяисчислением при ведении сельского хозяйства, животноводства,

в охотничьем промысле, в личной жизни. Считали, что от луны зависят способность к деторождению, здоровье детей, приплод скота, урожай хлебов и овощных культур.

Рис. 3. Русские (славянские) лунницы Средних веков

Рис. 4. Лунницы с замкнутыми концами. ХМАО-Югра. XIII – XIV вв.

Рис. 5. Графическая реконструкция накового украшения с лунницами из погребения 19, могильника Киняминский II (Сургутский район). В. И. Семёнова.

На территориях Западной Сибири лунницы встречаются в погребениях женщин. Например, в погребении 19 могильника Киняминский II, помимо многочисленных пронизок, шумящих подвесок, бусин и привесок, обнаружены 8 лунниц, характерной формы для местных территорий, т.е. округлой с замкнутыми концами (Рис. 5) [11, с. 6-29]. Лунницы расположены в три яруса: две – на косах, две под поясом и четыре – на коленях, таким образом показывая, что женщина находилась под мощнейшей «защитой», где закрыты все уязвимые места тела: волосы – косы, грудь, пояс, нижняя часть тела – женское лоно и бёдра, что является традиционным маркированием наиболее уязвимых частей тела, повторяя представления о мировом древе и уровнях иерархии Вселенной, воплощая в себе «космический порядок». Лунница рассматривалась как его непосредственная составная часть.

В Государственном каталоге музейных коллекций ХМАО-Югры обнаружено 69 лунниц с замкнутыми концами, большинство из них с крестовключённым орнаментом. Все они находятся в музейных коллекциях г. Сургута, г. Советский, г. Покачи, г. Радужный и г. Омска. На других территориях России, подобные лунницы не обнаружены, что даёт нам возможность предположить об их производстве в местных ремесленных центрах [12, с. 111-119].

Интересное украшение – калачевидная подвеска, имеющая форму лунницы, перевернутой

вверх рогами, на концах «рогов» которой припаяны высокие крупные подвесы из толстого дрота (проволоки). Данные изделия были распространены на территориях Ветлужско-Вятского междуречья (культура средневековых марийцев), Северного (вымская культура), Удмуртского (чепецкая культура) и Пермского Предуралья (ломоватовская и родановская археологическая культура), Зауралья и Западной Сибири [9, с. 481-493]. Влияние мастеров Волжской Булгарии, в свою очередь, преобразовало украшение в калачевидную подвеску с привесками и обильным орнаментом из зерни (рис. 6). Орнаментация в виде многочисленных пирамидок зерни, что в славянской семантике называлась волчьими зубами (клыками) и означало горы – символ центра Мира, Оси мироздания, связи между земным и небесным миром. Уже этот вид украшений являлся прототипом традиционных серёг казанских татарок и русских казаков и казачек (рис. 7), имеющие распространение и свою линию развития по сей день [11, с. 111-119].

Ещё один вид украшений, получивший огромную популярность – это многочисленные виды украшений с шумящим «эффектом». Различные виды шумящих подвесок, кольца с привесками, бусины и пронизи с привесками, бубенцы и колокольчики, венцы и очелья с привесками. Трудно с достоверностью сказать о русском влиянии в технологиях изготовления, но художественные образы этих украшений показывают, что влияние имело место быть. Славянские рясны пользовались огромной популярностью на славянских территориях среди знати. А схожие по внешнему виду шумящие подвески – на территориях проживания финно-угров. Шумящие украшения занимают особое место благодаря своей красоте, сложной технике изготовления и схожим семантическим смыслам. Велика была вера в сочетание магических сил металла и звука. Шумящие подвески изготавливались из серебра, меди, бронзы, золота, были тяжеловесны и подвижны, поверхность полировалась до зеркального блеска. Таким образом подчёркивались характерные свойства металла – блеск, шум и звук. Соприкасаясь друг с другом при ходьбе, множественные привески ударялись друг об друга, создавая тот самый особый металлический шелест и звон. Немаловажную роль играла и магическая составляющая самого металла, ведь он несёт в себе символику божественного

Рис. 6. Калачевидные подвески-лунницы. Территория ХМАО-Югры, Приуралья и Ямал.

огня. Его необходимо было добыть, расплавить и изготовить украшение, что невероятно поднимало ценность. Большую роль в семантических смыслах каждого народа играл и цвет металла: золото – жёлтый, солнечный, блестящий,

Рис. 7. Серьги казанских татарок и русских казаков и казачек.

божественный; серебро – белый, чистый, блестящий, защитный; олово – белый, защитный, магический, культовый; медь – красный / розовый, блестящий, плодородный, женский, защитный; железо – чёрный, блестящий, сильный, мужской [13, с. 299-306].

Рис. 8. Славянские шумящие украшения.

Кроме всего вышеперечисленного, следует отметить и схожесть расположения шумящих украшений в костюмных комплексах у разных народов. Как правило, они располагались таким образом, чтобы «закрыть», «защитить» наиболее уязвимые места тела: голову (виски, шею, лоб, затылок), грудь, живот, подол и спину (на косах) [3, с. 150-156].

Как отмечают исследователи, Уральские горы не являлись препятствием для контактов предуральского и зауральского населения,

Рис. 9. Финно-угорские шумящие украшения.

здесь жили родственные племена с общими культурными традициями, которые обусловили и широкое распространение отдельных категорий украшений [6, с. 177]. Интересен факт: богато декорированные изделия с зерно-филигранным декором на территории Пермского Предуралья в основном бытовали в XII в., а в Зауралье и Западной Сибири – вплоть до XIV в. Возможно, это связано с тем, что в период XII–XIII вв. на территории Пермского Предуралья происходит резкое сокращение населения, часть которого

переходит и за Урал. В потоке переселенцев могли быть отдельные мастера – ювелиры, принёсшие на эту территорию традиции своего ювелирного ремесла [9, с. 488].

В результате чего происходил глубокий синтез булгарской, славянской и финно-угорской культур и традиций, формирование оригинальных, в чём-то различных, а в чём-то схожих по происхождению и составу археологических культур в Западной Сибири. Эти процессы оказывали влияние и на трансформацию в сфере материальной культуры, одной из категорий которой являются украшения из металла. Именно поэтому мы можем увидеть влияние русских ювелирных практик на украшения, обнаруженных на территории Западной Сибири.

ИСТОЧНИКИ

1. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000. С. 73;
2. Булгаков М. Б. История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 2. – Л., 1968. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1810252962?lc=ru> (дата обращения 28.05.2024);
3. Вострокнутов А. В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV веков нашей эры: культурно-хронологическая идентификация: монография – СПб.: Издательство «Маматов», 2020. С. 32, 150-156;
4. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. С. 106-108;
5. Казаков Е. П. Художественный металл угров Урало-Поволжья в древностях волжских болгар IX–XIV вв. // Северный археологический конгресс. Тезисы. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002. С. 125-126;
6. Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 177. URL: <https://www.klex.ru/1vb5> (дата обращения 30.05.2024);
7. Комова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры: Каталог. Ханты-Мансийск – Екатеринбург, 2012. С. 8-11;
8. Левашова В.П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. М, 1969. С.125.
9. Подосёнова Ю.А. Калачевидные височные украшения с территории Среднего Предуралья в эпоху Средневековья // Ежегодник финно-угорских исследований, 2021. С. 481-493. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalachevidnye-visochnye-ukrasheniya-s-territorii-srednego-preduralya-v-epohu-srednevekovyya/viewer> (дата обращения 28.05.2024);
10. Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. СПб, 2005. С. 226.
11. Сваткова Н. Г. Экспериментальная художественная реконструкция средневекового женского украшения – лунницы из погребения 19 могильника Киняминский П. Визуальные искусства в современном художественном и информационном пространстве: сб. науч. ст./ под общ. ред. А.В. Шукова. – Кемерово: КемГИК, 2024. – Вып. VII. С. 111-119;
12. Сваткова Н. Г. Научно-исследовательская работа «Женские украшения из погребений Киняминских могильников по В. И. Семенову. XIII – XIV вв. Погребение 19». Архивы БУ ХМАО-Югры «Центр народных художественных промыслов и ремёсел» г. Ханты-Мансийск. С. 6-29;
13. Сваткова Н. Г. Символика цвета в украшениях из металла Западной Сибири в Средние века. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Цвет в пространственных искусствах и дизайне»: сб. науч. ст./ Науч. ред. С. В. Богородский. – СПб: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2022. С. 299-306;
14. Семёнова В. И. Монография «Средневековые могильники Юганского Приобья». – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2001. С. 82;
15. Смирнов А. П. Русский элемент в культуре волжских болгар // Историко-археологический сборник. – М., 1948. С. 93-110. URL: https://books.google.ru/books?id=7XoHAAQAQBAJ&pg=PA105&hl=ru&source=gb_s_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата обращения 24.05.2024).

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ЗАГАДКИ И ПРИМЕТЫ

Кто кричит амань кто атлань: (кто сдавайся, кто на конь).

Амань и пардонь уважай (солдатское).

На амань, на пардонь у русского и слова нет.

Наготы, босоты изувешаны шесты; холоду, голоду амбары полны.

Не замесить густо, как в амбаре пусто.

Каково в амбаре, таково и в кармане.

Прогнали Варвару из чужого амбара.

Аминь, аминь разсыпья (заговор против нечистой силы).

Аминь человека спасает.

Аминь письмом не велик да дело вершит.

Сколько ни петь, а амином вершить.

Из словаря Даля

Амином квашни не замесишь: молитву твори да муку клади.

Не скажешь аминь, так и выпить не дадим (без молитвы).

Под аминь пришёл (под конец дела).

Задать кому аминь (порешить, уничтожить).

Рассытался, будто клад от аминя (вещь в глазах пропала).

Аминь, да не ходи один (строгий запрет, наказ).

Этот ананас не про вас (вместо этот квас).

В людях Ананья (угодливый, ласковый человек), **а дома каналья.**

Доброму делу и ангелы небесные радуются.

Где просто, там ангелов со сто, а где хитро, там ни одного.

Ольга Рыжикова,
г. Нижневартовск

Национальная ценность

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В одной из мудрых народных сказок рассказывается о трудолюбивой падчерице и злобной грубой неряхе-лентяйке дочери, которых в результате обычной для сказок «отработки» фея награждает чудесными свойствами – по их делам.

В результате, когда начинает говорить падчерица, из её уст вылетают благоухающие цветы, драгоценные камни – они как бы воплощают её прекрасные мысли, добрые слова и поступки.

Когда же открывает рот дочь, то из него выскакивают змеи, тараканы, ящерицы, мыши и лягушки! Так воплощаются её гнусные мысли и грязные слова.

И как говорится в доброй русской сказке: «Сказка – ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок».

В сказках ничего не придумывалось, в сказках рассказывалось о жизни (вымысел) с намёком, что правильно и что неправильно, а добрые молодцы слушали урок и делали выводы, как, что делать, и к чему приводят те ли другие действия и поступки.

Экология слова

Разговор пойдёт о том, что засоряет и огрубляет нашу речь, без преувеличения можно констатировать: с потерями и разрушением культуры речи, Слова происходит размывание и утрата национального суверенитета.

Культура речи выражает самую сущность культуры человека. – Это зеркало его сознания. Об этом говорят психологи. Этому посвящены глубоко обоснованные труды отечественного духовенства. Так, протоиерей Артемий Владимиров в своей книге «Семицветна радуга человеческого слова» утверждает: *«СЛОВО, исходящее из уст, – это... «лакмусовая бумажка», по которой определяются как здоровье, так и нравственные недуги личности, её болезни..., позволяющие заглянуть в сокровенные глубины души, и сделать всё тайное явным»*. Мы уделяем много внимания чистоте одежды, тела, жилища. И это правильно, но вот о чистоте Слова, Речи, являющихся источником нравственного здоровья, забываем или не думаем вообще.

Вопросы культуры русской речи и развития языка уже давно рассматриваются в плане лингвистической экологии (от автора: лингвистика – наука о языке, языкознание, языковедение). Термин ЭКОЛОГИЯ предложил в 1866 году крупнейший биолог XIX века немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель. С тех пор экология прошла большой путь своего развития... Важным элементом экологии выступает поня-

тие НООСФЕРА, буквально «сфера разума» (от др. греч. νοῦς «разум» + σφαῖρα «шар»). Ноосфера – это сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная деятельность человека становится определяющим фактором развития. Понятие ноосферы как окружающий земной шар «мыслящей» оболочки, формирование которой связано с развитием человеческого сознания, ввели в начале XX века учёный и философ Пьер Тейяр де Шарден и Эдуард Ле Руа, опираясь на труды В. И. Вернадского.

В «Философских мыслях натуралиста» Вернадского выдвинуто положение о новой геологической силе – научной мысли социального человечества... Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу. Ноосфера по Вернадскому, – это «среда проявления разума» и «энергия человеческой культуры». Ноосфера – мир идей, Мысли, таким образом и Слова, языка во всех его проявлениях. Зародившись на планете, ноосфера имеет тенденции к постоянному расширению, превращаясь в особый структурный элемент космоса...

Основоположники Учения космической реальности – Учения Живой Этики – Елена Ивановна и Николай Константинович Рерих придавали большое значение психической энергии – энергии мыслительной деятельности людей. Жить в гармонии с природой, – значит

выполнять законы Космоса. Главной заповедью здесь является «не навреди», т.е. не причини вреда ни в экологическом, нравственном, а также в планетарном масштабе. Задача ноосферы – превращение знаний, накопленных человечеством, всей духовной энергии, в силу преобразующую природную среду. В этом языку отводится очень важная роль...

В наше время мы являемся свидетелями многих природных катастроф. Поэтому в связи с резкими неблагоприятными последствиями воздействия человека на биосферу («экологический кризис») возрастает значение экологии, при этом происходит «экологизация» многих наук. Как никогда актуальной становится тенденция экологической переориентации науки этики. Формируется экология культуры, или духовная экология.

Экологии культуры посвящены научные разработки академика Д. С. Лихачева – выдающегося учёного-гуманиста XX века. Экологии культуры посвящён специальный раздел в его книге «Прошлое – будущему». К вопросам экологии культуры относится, в частности, патриотизм – любовь к своему Отечеству как наша нравственная ответственность перед потомками. Культурная экология должна быть частью социальной экологии.

Конечно, между двумя разделами экологии (биологической и культурной) не может быть непроходимой пропасти, но имеется и большое различие. Утраты в природе до известных пределов восстановимы (когда не нарушено равновесие, и природа как бы «самоочищается»). Иное дело – потери культурные или нравственные. Они восстанавливаются с большим трудом, или вовсе невозможны...

Если культура – это совокупность достижений общества в области науки, просвещения, искусства и других сферах духовной жизни, то

закрепляются эти достижения, как правило в языке и в Слове. Небрежное отношение к языку, отход от национальной культуры, которая в нём выражена, не проходят бесследно для человека. Одна из главных задач экологии Слова состоит в том, чтобы пробуждать в юных гражданах чувство собственного досто-

инства и самоуважения. Помнить, что культура повседневного быта и экология – понятия неразделимые...

Экологический аспект речевой культуры предполагает действенную любовь к языку, обострённое нравственное чувство заботы о его судьбах. Цель и задачи лингвистической экологии – это и сам язык, его защита и необходимое «оздоровление», и человек, говорящий, пишущий и думающий на нём. Это забота о воспитании мыслящего, духовно богатого человека-творца, а шире – о моральном очищении, нравственном возвышении общественного сознания и всей речевой «среды обитания».

Из письма в газету молодой учительницы одной из московских школ: «... Я пришла в эту школу полгода назад, преподаю биологию, взяла классное руководство, и всё вроде бы хорошо: нормальные ребята, нормальная работа. Но я хожу, не поднимая глаз. В классах, коридорах, на лестницах стоит не переставаемый мат. Ругаются по поводу и без повода, не стесняясь присутствия преподавателей. Девочки не отстают от ребят. Грязные ругательства звучат совершенно немотивированно, это уже просто какие-то слова сорняки, вроде «ну вот, значит»...

Это явление стало повсеместным. Психологи, комментируя письмо, отмечают привязчивую экспрессивность этих ругательств. Эмоции молодых ищут выход – и находят его в мерзком, грязном слове, беря ненароком пример со взрослого окружения, которое не задумываясь, легко роняет эту грязную лексику. Совершенно безразлично льётся матерная речь в общественных местах, в трудовых коллективах, в семьях. Люди

матерятся в вузах и школах, в гостях и в поездах, и в «коридорах власти».

С помощью грязных слов человек как бы срыгает своё зло, раздражённость, иными словами, снимает психологические перегрузки, «выпускает пар», своего рода – это предохранительный клапан для переполняющих эмоций.

Но дело не только в психологической стороне вопроса. Ведь матерные слова живут в обычных, нейтрально-бытовых фразах. Для говорящего – это дурная привычка, некая присказка «для связки слов». А между тем вульгарная, пересыпанная матерщиной речь отравляет среду, она одинаково губительно действует и на окружающих, и на самих говорящих. *«Сквернословие поразило человечество уходящей расы, как завшивленность поражает грязные кварталы»* (цитата из статьи «Таинственная сила Слова. НФО «Мир через культуру»).

Учение Живой Этики много внимания уделяет этике Слова. Великие Учителя говорят, что любая грязь вовсе не от бедности, а от невежества, и чистота в жизни – это показатель чистоты сердца. *«Грубость речи, грубость мышления земных людей невероятна»*. Вот несколько фрагментов из Агни Йоги по поводу сквернословия. *«Антипод молитвы – сквернословие. Запрещено в городах иметь фабрики, полные ядовитых газов, но кощунства и сквернословие по следствиям своим вреднее. Люди не хотят освободиться от самого губительного вещества, порождающего устрашающие разрушения... Упаситесь от сквернословия!»* (АУМ. § 38).

«Нет слов земных, чтобы достаточно предупредить людей не губить себя, не губить всю планету, не осквернять пространство» (Надземное. § 94).

«Каждое сквернословие и ссора есть уже хвала тьме. Страшный нож не за поясом, но на конце языка. Когда-то придётся понять, что сказанное и помысленное – неизгладимы. Каждый, помысливший во благо, может радоваться этому, но и наоборот» (Мир Огненный, I, § 136).

Как появилась брань в языке и в чём причины её живучести? Специалисты по истории языка, этнографы и социологи проводили исследования по этому вопросу. Употребление непристойной брани может восприниматься как нарушение табу (т.е. нравственного запрета). В древнерусской литературе и в народной традиции запрет

на матерную брань связывался с представлением о том, что матерщина оскорбляет Мать – сыру землю, Богородицу (мать Иисуса Христа) и родную мать человека. По народным нравственным представлениям славян, бранящийся матом оскорбляет не столько мать собеседника, сколько свою собственную мать...

Русская матерщина использовалась в древности в качестве оберега (т.е. заклинания от злых духов), спасающего человека от болезней и бед. В языческие времена на Руси с помощью непристойных слов и выражений изгоняли из дома разную нечисть, спасали скот от бесплодия, а поля и пашни – от засухи. Слова эти назывались «чёрными», в этом названии сближались понятия «черноты» и чёрта (в старом значении «проклятый») ... Попусту такими «чёрными» словами не разбрасывались, боялись накликать беду и на себя, и на близких – ведь слово-то имело свойство «воплощаться!». Поэтому избегали слово «чёрт», говорили: «шут с тобой», «ну тебя к шутам» и т.п.

Ритуальная брань сопровождала свадебный русский обряд (для охраны молодых от злых сил и для обеспечения деторождения). Дело дошло до того, что в 1648 году появился царский указ, предписывающий, чтобы «на браках песней бесовских не пели, и никаких срамных слов не говорили».

Но ещё долго на Руси звучала ритуальная брань на праздниках Масленицы, Троицы или Купальницы (день Ивана Купалы) – как отголосок древних языческих нравов и поверий.

Как видим, функциональное (и практическое) предназначение бранных, «ругательных» слов в старину было совсем иным, чем теперь. Непристойность матерщины осознаётся многими. Однако не все понимают, что это социальное зло и духовная болезнь общества. Это явление становится нормой. Именно поэтому ему должна быть объявлена беспощадная война.

Кроме бранной лексики есть ещё одна опасная болезнь – жаргонизация речи. Социальными и профессиональными разновидностями языка (жаргонами и арго) называют речь профессиональных групп или социальных прослоек, поставленных в особые, обособленные условия жизни и общения... Условные (профессиональные арго) возникают также в среде деклассированных элементов и преступников

– они известны во многих языках мира. Задача таких арг состоит, чтобы скрыть, замаскировать преступный характер замыслов и действий от «непосвящённых», и чтобы с помощью своего речевого «пароля» узнавать своих. Например, воровское арг.

Есть жаргонизированная речь. Она примыкает к жаргонно-просторечивому стилю, к грубо-фамильярному слою обиходной лексики. Именно поэтому она засоряет и опошляет нашу речь и не может быть оправдана в общем употреблении.

Различия внутри жаргона связаны обычно с возрастом, а также с социальным положением. Есть свой жаргон и у новых коммерсантов, «крутых» дельцов и их окружения... Следует сказать и о носителях жаргона – разных группах молодежи. Конечно, не всякий подросток, который знает и употребляет жаргон, кто любит эксцентрично одеваться и причёсываться, обязательно находится на пути к преступности. Связь с преступлениями или хулиганством здесь опосредованная – через вызов обществу, противопоставление себя общественным нормам поведения, законам нравственности. И границы могут быть очень зыбкими...

В книге «Живой как жизнь» К. И. Чуковский говорил о том, что существование молодёжного жаргона довольно правомерно, плохо лишь то, что это дурной жаргон. Писатель полагал, что молодёжный жаргон – это «болезнь роста», им надо переболеть, как корью; он недолговечен и быстро выходит в тираж, постоянно обновляясь, и главное, он почти не влияет на общелитературный язык... Плохо, однако, если эта болезнь затягивается, застаревает, переходит во «взрослую» жизнь. Язык в таком случае жестоко мстит за себя. Жалок или смешон в своей нарочитой вульгарности тот, кто вне школьной или студенческой среды сыплет пустыми внутри и лихими внешне словечками...

Жаргонные образы от постоянного употребления быстро тускнеют, стираются, превращаясь в свою противоположность – безликий и назойливый штамп... Эмоционально-экспрессивная сторона жаргонов и арг, несмотря на видимую развитость, качественно бледна, неглубока и чрезвычайно однообразна. Жаргон убивает мысль, отучает думать его рьяных поклонников. Жаргон – очень прилипчивая манера речи, и эта манера с годами жестоко мстит за себя. Взрос-

лый, молодой человек не может обходиться только привычным жаргоном – он просто недопустим в профессиональной, порядочной сфере творческого труда. Учить молодых понимать все опасности жаргонизации – это значит помогать им духовно мужать, оберегать от угрозы застарелого языкового инфантилизма...

Оберегая природу, мы повышаем уровень нашей материальной жизни и улучшаем здоровье общества. Почти то же самое можно сказать и о языке. Надо беречь и развивать язык, совершенствовать и возвышать его как орудие мысли – нашего мышления, сознания и средства общения. Тогда поднимется и уровень культуры, богатство добрых отношений между людьми, укрепятся нравственные устои общества.

В борьбе с «чёрными словами» и жаргонизацией очень важным оказывается экологический подход. Так же как в природе существуют предельные уровни радиации, загазованности атмосферы, загрязнение водной среды, выше которых могут начаться необратимые процессы разрушения, так и в языке есть пределы его искажения, огрубения и стилистического снижения, дальше которых говорить о нём, как о «важнейшем средстве общения» попросту не приходится. Зло и злое, грубое и пошлое слово порождают новое зло, накапливаются в общей «языковой атмосфере», становясь губительными для их носителей. Засорение и разложение языковой среды подобно загазованности воздуха, нарастанию токсичности, отравленности, когда они становятся опасными для жизни человека.

Наша среда существования – прежде всего языковая – должна быть здоровой, чистой от вредных и ядовитых примесей, годной для самовозрождения и обновления. Время, которое мы теперь переживаем, простым не назовёшь. В другую эпоху (и по другому поводу) Николай Константинович Рерих писал, что «во время душевных смятений человек уже не может осознать всю красоту им произносимого», ибо в столах и воплях нарушается песня, разбивается её гармония». Однако эта дисгармоничность не может продолжаться бесконечно. Пройдут смятения и боль, и тогда, по словам Н. Рериха, «человек опять почувствует... какое очарование живёт в Красоте речи». И потому справедливо и своевременно звучат заключительные строки его дневниковой записи 1939 года: «Прекрасен

русский язык, и на нём скажутся лучшие мысли о будущем».

Нравственное чувство, отмечал академик Бу-слаев, возбуждается в человеке СЛОВОМ и при-водится в действие также СЛОВОМ. Вдумаемся в эти глубокие мысли, ведь они обращены непо-средственно к нам, нацелены в наше время. Они требуют от нас активных действий, постоянных усилий... Само общество может развиваться и совершенствоваться, пока самосовершенству-ется личность. И значит, всё зависит от каждого

от нас. Мы не можем терять веру в будущее. Чув-ство защищённости, уверенности надо искать в истории своего народа, в его нравственной вы-соте и силе духа, в величии родного языка. Всё это вместе и есть чувство Родины, подлинный, содержательный, а не показной патриотизм.

Со светлыми надеждами на поддержку и до-брые руки и отзывчивые сердца, с пожеланиями Добра и Света! И да пусть наше Слово переходит в Дело!

Елена Архипова-Поддубная,
Московская обл.

ПРОЗА

Про электричку

Вчера был труд-ный день, впрочем, как и позавчера, и двумя днями рань-ше. Из разряда «очарование – ра-зочарование», шаг вперед и два назад. Ещё раз убеждаешься, что взрослые – это большие дети. Каждый держится за свой стульчик в саду и расталкивает кулаками всех вокруг, даже тех, кто к нему не собирался подходить.

Но к вечеру случилось маленькое чудо. На станцию я притопала по первому зимнему мо-розу и всю дорогу подбадривала себя тем, что ходить полезно, а по снежку ещё и интересно, – знакомые, но забытые ощущения.

В детстве по дороге из школы мы с одно-классницей Таней останавливались под каж-дым фонарём и, задрав голову, любовались, как хороводятся снежинки, а потом искали алмазы в сугробах. Уставали, валились в самый мягкий и хлопали крыльями, они у нас тогда были...

И всё-таки детство возвращается.

Ждать электричку пришлось минут двадцать.

– Молодец, что надела утром тёплое пальто с капюшоном – похвалила я себя. В нём можно выстоять на открытом всем ветрам перроне. Что такое двадцать минут в нашей школьной жизни? Это меньше половины урока, но там за это вре-мя столько всего случится! И наговоришься, и наслушаешься, и расстроишься, и порадуешься.

А тут – стой себе, и смотри на людей и на поезда. Кстати, не все на этой станции останавливают-ся для тебя. До Икши я не поеду, хоть и замёрз-ла. Из последнего вагона Икшинского соста-ва, прямо передо мной, выскочили мужички в чёрно-оранжевых куртках с железной тележкой и какими-то инструментами. Не успел поезд тро-нуться, как они спрыгнули с перрона на рельсы и начинали стучать своими молоточками. Стук по металлу в морозном воздухе – как молот по наковальне. Беспорядочно и бойко каждый ис-полняет свою партию, не пытаясь соблюсти хоть какой-то размер и ритм, но потом удары син-хронизируются и возникает ощущение гармо-нии. Я начинаю сопереживать мастерам: как они успеют унести ноги с путей, когда примчится моя электричка? А это уже через шесть минут. Или она задержится? Тоже не очень хорошая но-вость. Ещё лобовой фонарь «паровоза» не пока-зался из-за поворота, а бригада уже исчезла из вида. Момент, когда они вскарабкались обратно на перрон, или ушли к переезду, или просто рас-творились в воздухе, я проглядела... на монитор.

– Во дают! Бригада «Ух»!

Электричка пришла вовремя. Салон встретил теплом и светом.

А в окне ждала восхитительная картина: лес – припорошённый снегом – словно тёмный за-бор расписали тонкой кистью. Каждая веточка, изгибаясь и преломляясь, находит дорогу в небо. Вот так человек, спотыкается, падает и снова тя-нется к Богу – подумалось мне.

И всё было бы философично и романтично, если бы в кадр не вошли контролёры. Только сейчас я поняла, что не отметила проездной в кассе. Детский страх зайца сменился рассудительностью взрослого. Риски невелики, заплачу штраф. Лишь бы не очень журили.

Молодых среди контролёров не было, в зимнее время на линии – старики-разбойники. Собрались с последними силами, что называется, внукам помочь. Две женщины за шестьдесят и мужчина, неопределённого пенсионного возраста, двигались по вагону – как снеговики на лыжах. То выстраивались в проходе в колонну, то рассыпались в разные стороны, словно уходили коньком влево и вправо.

– Придётся купить билет с двойной наценкой, – подумала я, и тут надо мной крупным планом возникла женщина. Большая, в смысле – крепкая, с крупными чертами лица. Такие женщины работали раньше в поле или на заводе.

– Сейчас проверим, что тут у Вас записано, – сказала она полусуто, и приложила мой проездной к своей машинке.

Я вежливо сдалась и начала объяснять, что не отметилась в кассе, и готова купить билет у контролёров за три цены!

Женщина взглянула на меня:

– А Вы куда едете? – спросила она, заглянув при этом мне глубоко в душу так, как, наверное, могла бы заглянуть в глаза Родина-мать, сошедшая со своего кургана.

– Мне две станции...

– Ну всё... Выходите. Мы вас высаживаем, – сказала она, беспомощно разводя руками.

– Да ну нет... – не поверила я своим ушам...

хотелось добавить – у меня и так на работе был трудный день...

Но тут женщина улыбнулась во весь рот:

– Счастливого пути, езжайте с Богом... И заботливо похлопала меня по руке.

Из-за плеча ей вторила сухощавая подружка:

– Только карту не прикладывайте на выходе, у Вас же не открыта поездка.

Уходя, они ещё давали мне какие-то советы, спорили.

Оставалось им только вытащить из кармана конфету и вручить счастливому зайцу.

Я кивала головой и чувствовала, как по моему сердцу разливается тепло, будто приласкал кто-то родной...

Вот такие женщины жили в детстве на нашей улице. Они приходили с завода в рабочих халатах, топили печи, носили воду, а их сыновья носили в дневниках двойки и жалобы от учителей. Они гоняли их ремнём и кипятили в баках белые простыни, сносили обиды от мужей и начальников. Их звали Зинами, Валями, Любами, Лидами, Тонями...

Эти женщины ничего не делали для себя, они были частью своего рода, работницами своего завода и соседками на своей улице.

Сколько в них было настоящего! Они и сейчас способны на принятие собственного решения, не по инструкции, не из корысти. Они носят в себе что-то такое, что позволяет им сохранять человеческое достоинство. Своё и наше...

Когда в следующий раз моя 17-летняя внучка Даша спросит, как мы жили в СССР, я расскажу ей про этих женщин.

и ПОЭЗИЯ

В месте нашем нелюдимом
По субботам пахнет дымом,
Запах снега сдобрил банный дух.
За узорчатым забором
Ёлки встали частоколом,
Нанизали белоснежный пух.
Птицы корм в кормушках лушат,
В снежной чаще ветки гуще, –
Заросли диковинных цветов.
А на озере ребята
Разгоняют снег лопатой,
И готовят к празднику каток.

Белый цвет осыпался снегом,
Превращая сараи в замки,
И в конце преставленья света
Небо стало серей жестянки.
А потом и совсем погасло,
Всё повытянули метели.
Землю нынче, как в щедрой сказке,
С головы и до ног одели.
Снег с полями сравнял дороги,
Кров латал, у трубы дымился.
А у к утру белым псом в пороге
Прямо под ноги завалился.

Расима Ибраева,
научный сотрудник МАУ «Экоцентр»,
г. Мегион

Фото автора

Хранящая наследие «Вунт лунк нэ»

– "нехь-сырп-ях", занимали территорию устья реки Ягурь-Ях.

Отец Сардаков Николай Сидорович – опытный рыбак и охотник, и мама – умелая рукодельница, мастерица Покачева Анастасия Александровна. Они воспитывали детей по традициям аганских ханты. С раннего детства приучали вести традиционный образ жизни: собирать дикоросы, ухаживать за оленями, вести домашнее хозяйство, шить, готовить, обрабатывать шкуры и т.д.

Многочисленный род Сардаковых проживал раньше на том самом месте, где сейчас стоит посёлок городского типа Новоаганск. Все представители рода были крепкими хозяевами и имели много оленей. По словам старожил, они содержали в своих стадах около двух тысяч голов. Дед

Любовь Николаевна Айпина, в девичестве Сардакова, родилась 7 января 1961 года, в самые морозные зимние дни, на родовом стойбище, в многодетной семье потомственных оленеводов. Сардаковы, род лося

по отцовской линии – Сардаков Сидор Иванович был самым первым председателем рыболовецкой артели в посёлке Варьёган с 1930-го по 1945-ые годы.

Любовь Николаевна росла отважной и проворной девчонкой. С раннего детства не пугали её ни река, ни девственный таёжный лес, ни олени, ни техника. Научилась одинаково управлять как с оленьей упряжкой, так и моторной лодкой и снегоходом. Но при этом она развивалась и творчески. В вечерние часы любила слушать разговоры старших о том, что было раньше, о людях, которые много умели и делали своими руками. Так же были всегда интересны сказки, рассказы, загадки, легенды, народные песни. Из того что слышала, многое запоминала и исполняла сама, играя с куклами или при их изготовлении.

«Казалась, когда пою песни и рассказываю сказки, когда шью кукол, все слышат, запоминают так же, как я. Словно получают «живые» кукол, словно в них вселяется дух всех песен и легенд. Пела и когда укладывала их спать», – вспоминает Л. Н. Айпина.

Пела она всегда. В детстве повторяла песни, которые слышала от родных, от гостей. Потом,

пела собирая ягоды и корни в лесу. Песни складывались сами. Напевала и при изготовлении любых традиционных изделий: одежду, обувь, сумки, игольник и т.д.

Когда пришла пора идти в школу, сильно переживала, что у неё не было никакой русской одежды. О своих переживаниях рассказала своей маме, которая обратилась к крёстной. Но и она предложила только резиновые сапоги в заплатах. Взрослые подшучивали над маленькой шустрой Любой и смеялись, но она все их разговоры воспринимала очень серьёзно. И была очень довольна и счастлива. Теперь у неё была своя обувь, в которой будет ходить в школу. А школьную форму сшила ей мама.

В 1971 году начала обучение в восьмилетней Варьёганской школе-интернате. Отучившись, вышла замуж за Айпина Семёна Александровича. И забота о семье, ведение хозяйства занимали практически всё время.

Любовь Николаевна отмечает, что если у женщины-ханты есть своя семья, то она, сама должна полностью обшивать её и не только.

«С самого детства я часто слышала выражение «йинтупкатлты ар наем» – «иглу держащие многие най» («най» божество женского рода). И я знала, что умелые хозяйки пользовались большим уважением, особенно высоко ценилось женское умение шить, поскольку одежда в условиях Севера имела большое значение. Одежда много могла сказать о своём хозяине. Цвет, орнамент, швы – всё это является безмолвным оценщиком той женщины, которая шила одежду или обувь. Поэтому терпеливо училась у мамы всему», – рассказывает она.

«В нашем народе, с древности сложилось бережное отношение к игле, – продолжает она. – Считается, что через иглу передаётся “священ-

ная женская связь”. Каждая женщина имеет свой игольник для хранения игл – намыт. И мама учила, что игла самый необходимый инструмент для пошива одежды и прочих предметов и она является символом женского начала. Игольница сопровождает женщину всю жизнь – с самого детства и до глубокой старости. Мне, ещё маленькой девочке, игольницу подарила мама. Выходя замуж, забрала с собой тутчан и намыт.

Когда берёшься за работу по изготовлению хорошей, качественной традиционной одежды с орнаментами, вкладываешь не только силы и умения, но и душу. Не мало времени понадобится. Например, на пошив зимнего мехового саха, который я постоянно ношу, потратила целых три года. Понадобилось время для подбора оленьих шкур одинакового цвета. Далее понадобилось время на их выделывание, кройку. И на шитьё самой шубы-саха ещё больше времени.

Самая кропотливая работа – это всё-таки вырезание орнаментов и их сборка. И всему этому меня научила в своё время моя мама. Она была очень искусной мастерицей».

Любовь Николаевна является опытным мастером не только по работе с мехом и кожей, она имеет опыт по пошиву изделий из сукна и ткани, по бисероплетению, по вязанию, по обработке и изготовлению традиционных вместилищ из бересты и коры пихты.

Изготавливает продукцию как для использования в своём хозяйстве, так и сувенирную продукцию для продажи на национальных праздниках, как «День обласа» и «День оленевода и охотника».

– Знаете, именно в канун этих праздников я часто вспоминаю маму и говорю своим снохам: «Вы знаете, что, в настоящее время благодаря только моей маме, мы на празднике «День оленевода и охотника» выставляем на продажу раз-

личные хантыйские поделки из меха. Если бы она меня не научила с самого раннего детства этому шитью, то я бы сегодня и вас не смогла бы ничему научить!»! Сегодня наша семья на любых

праздниках постоянно продаёт сувениры, изготовленные своими руками. Когда цена на поделки небольшая, то гости, приезжающие к нам, с удовольствием их раскупают. Национальные праздники для нас, в первую очередь, возможность показать свои умения, как в гонках, так и в мастерстве. И ещё возможность заработать. Считаю, что это наши самые лучшие праздники! – говорит она.

Непоседливый характер, мастерство и талант ведут Любовь Николаевну по очень интересному жизненному пути. С юных лет она принимает участие во многих традиционных и обрядовых мероприятиях. Например, в 1989 году участвовала в организации и проведении обряда «Медвежьей игрища», который проводили в Сургутском районе для съёмок фильма «Сыновья Торума».

Как переживающий за сохранение традиционной этнической культуры своего народа человек, она работала в сельском Доме культуры с Варьеган.

С 1995 по 2000 годы Любовь Николаевна работала директором Этнографического парка-музея с. Варьеган Нижневартовского района. В эти же годы стала сотрудничать с сотрудниками различных музеев ХМАО-Югры, в числе которых был и МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр».

В первый год работы на должности директора представляла деятельность этнографического парка-музея на I Международном музейном биеннале в Красноярске. В 1996 году инициировала и приняла участие в составе группы по под-

готовке аудиокассет и дисков «Песни аганских ханты и лесных ненцев».

В 1997 году приняла участие в составе группы в экспедиции по сбору фольклорного и этнографического материала восточных ханты реки Тромьёган. В итоге приняла решение продолжить обучение и в 1997 г. поступила заочно в Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге, успешно закончила в 2002 г., получив диплом по специальности «культурология».

Любовь к народному фольклору, в частности к песне подтолкнуло Любовь Николаевну на создание семейного фольклорного коллектива Айпиных, в репертуаре которого аутентичные песни и танцы. Данный коллектив неоднократно представлял культуру аганских ханты на различных фестивалях. Специальным дипломом отмечено участие семейного коллектива Айпиных на VII Международном фольклорном фестивале финно-угорских народов в 1999 году в Ижевске.

В 1999 году ансамбль принимал участие в III фольклорном фестивале Югорского искусства в Ханты-Мансийске, 2000 году в Фестивале «Округ

на рубеже веков», посвящённом 70-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в Ханты-Мансийске, в 2005 году во II Фольклорном фестивале финно-угорских народов в Ханты-Мансийске, в 2008 году в V Международном фестивале ремесел финно-угорских народов «Югра – 2008» в Ханты-Мансийске.

В 2003 году работала научным сотрудником Научного языкового центра Югорского государственного университета. В настоящее время по возможности консультирует по вопросам лингвистики, фольклора, обрядов, материальной и духовной культуры аганских ханты.

С момента выхода на пенсию стали жить с Семёном Александровичем на родовом угодье

Энел Ури. Занялись частным оленеводством и развели небольшое стадо, в котором около сорока оленей. Работы в лесу всегда хватает, скучать никогда не приходится.

Иногда вместе с мужем выезжает на рыбалку. Рыбной ловле приучена она с детства, это занятие всегда нравилось Любови Николаевне. Её отец в советские времена считался рыбаком-передовиком в Ханты-Мансийском автономном округе.

Летом работы ещё больше, нужно успеть набрать ягод, грибов, лекарственных растений и корней. Кроме того, в тёплое время года необходимо успевать заготовить природный материал для изготовления посуды, утвари и сувенирной продукции. Выделывать шкуры и подготовить ровдугу. Строительство и ремонт имеющихся строений также нужно произвести в тёплое время года.

Не смотря на такой насыщенный образ жизни Любовь Николаевна с супругом Семёном Александровичем регулярно участвует в различных выставках, фестивалях, ярмарках, конференциях разного уровня.

В 2015 году Любовь Николаевна приняла участие в выставке-ярмарке «Мастера и ремёсла» организованным МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» в рамках Года сохранения и развития традиционных промыслов и ремёсел, исторического и культурного наследия народов, населяющих Югру в г. Мегионе.

Носительница языка, знаток материальной и духовной культуры Аганских ханты, Любовь Николаевна Айпина представляет традиции и

мастер-классы по традиционному искусству в Региональном фестивале «Хатлые», который проводится ежегодно в г. Мегионе с целью сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов Севера.

Являясь народным мастером декоративно-прикладного искусства

аганских ханты неоднократно представляла свои работы из ткани, сукна, бисера, меха на конкурсы национальной традиционной одежды в рамках районного праздника «Охотников и оленеводов» в Нижневартовском районе, где была отмечена жюри и признана одной из лучших.

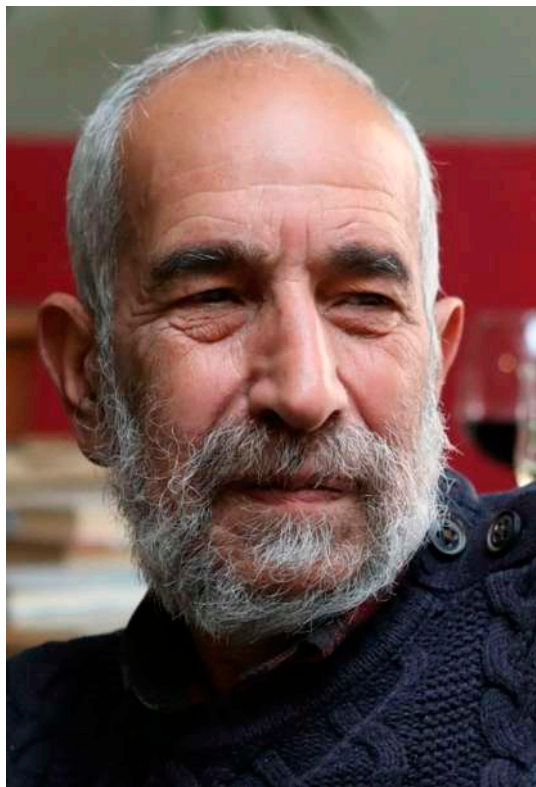
В настоящее время Любовь Николаевна вместе со своей семьёй продолжают жить по обычаям своего народа на территории традиционного природопользования в верховьях р. Аган и ведут такой образ жизни какой был завещан им их предками.

7 января 2026 года Хранящая наследие «Вунт лунц нэ» отмечала юбилейную дату со дня рождения. Коллектив МАУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» поздравляет Вас, Любовь Николаевна, с юбилеем! 65 лет — это не просто дата, это новая глава, написанная вдохновением, страстью и любовью к жизни. Пусть этот прекрасный возраст станет источником вдохновения для новых творческих свершений, а душа по-прежнему жаждет красоты, гармонии и ярких моментов в жизни; пусть каждый новый день дарит ощущение полёта и безграничного счастья. Желаем Вам крепкого здоровья, море позитива, гармонии в душе, неиссякаемого азарта в творчестве, солнечного настроения и нежности близких, чтобы каждый день приносил радость и новые идеи, и чтобы Ваши руки творили чудеса, как и прежде! Пусть Вас окружают любовь и восхищение!

культуру своего народа на научно-практических конференциях «Югра – диалог поколений», участвует в концертной программе и проводит

Эдуард Ахвердян

Родился в 1952 году в Тегеране. Живёт в Армении с 1970 года. Окончил Ереванский государственный художественный колледж № 8 имени М. Сарьяна. Автор шести сборников стихов, одной повести и 21 переведённой книги.

В 2009 году был удостоен международной переводческой премии «Кантег» («Лампада»)

Союза писателей Армении в номинации «Лучший переводчик года». В 2012 году был награждён золотыми медалями Союза писателей Армении и Министерства культуры Республики Армения за литературную и переводческую деятельность.

В 2022 году был удостоен литературной премии имени Саади от Культурного центра посольства Ирана в категории «Лучший переводчик года».

Перевод Павла Черкашина

В Гефсиманском саду...

ОСЕННЯЯ СЕРЕНАДА

В сером улиц запустенье,
Совершенно одинок
Я, как дерево, стою:
Я, как дерево, дрожу, и схожу с ума, и плачу,
Скрещены в тумане жёлтом руки слабые мои,
Обессилены они, как дитя с судьбой сиротской.
Необнятые мои, ласк не знавшие мечты
Мягкоструйно с глаз моих с грустью, синие,
свисают,
Нагибаются, дрожат и качаются от страха.
И поры осенней ветер,
Этой осени наставшей,
Будто буйный конь ретивый,
Рвёт и быстро прочь уносит
Златовласые мечтанья в цвет небесной синевы.
О, моя ты осень, осень,
Ты красива, как любовь,
Как любовь, грустна, жестока!
Все мои мечты померкли, улетели по одной,
Потерялись и погасли
В этой осени тумане, желтоцветной смуглой
дымке.

О, моя ты осень,
Вот стою я голый,
Я распят, как дерево одно в округе всей,
И дрожат цветов на тротуарах брызги!
О, моя ты осень, о, любовь моя,
Когда по этой улице печальной ты пройдёшь,
Закроешь ты свои глаза золотожарные,
Чтоб обнажённость мне в глазах твоих
не видеть
Жестокую, как дерево в осенней наготы!
О, моя ты осень, осень,
Ты красива, как любовь,
Как любовь, грустна, жестока!

* * *

Любовь — поцелуй,
Поцелуй — предательство.
Таково рождение христианства.
И тот самый,
Который
В угоду Отцу
И ради
Вечности славной Небесного
Воспринял, не колеблясь,

Проклятье человечества всего,
Закончил назначение своё,
Когда кусок верёвки
В саду олив вокруг шеи обмотал
И вечным наслаждением любви
Вознаградил Того,
Кто ко кресту был пригвождён.
Поцелуй — любовь,
Любовь — предательство.

МОЙ САД

Весеннее дыхание плывёт в моём саду,
Давайте выпьем, юные сердца, в моём саду,
Меня не будет, но сюда всегда грядёт весна.
И зазвучат опять хлопки и смех в моём саду.

ЗАНАВЕС ОПУСТИЛСЯ

Я бросил всех,
Я предал всех
Во времени и свете,
Стоял один
И я увидел
Моё титаническое,
Моё ужасающее
НИЧТОЖЕСТВО.
Молчите! Молчите!
Ничто не спасёт.
Клеймо стыда прожгло мне душу,
Но заслонила мне глаза
Моя греховная рука.
И полулицый, задушив
В своём засохшем горле вздох,
Я всё бегу, бегу, бегу
По этим скользким и сырым
Канализациям времён,
Где рой опустошённых душ
Как пухлобокий шар воздушный,
От одного всего укуса
Взорвётся клочьями внезапно,
И дружба с тощею мошной,
Совсем как крыса ненасытно,
Дорвавшись до скелета-жизни,
Грызая сиянье костяное,
Уходит быстро восвояси
От тех, карманы чьи дырявы,
И умолкает, зажавычась.
Молчите! Молчите!
Ничто не спасёт.

В глубине одиночества
Ртутью плюются
Даже бесстрастные лики зеркал
На с виду как будто приличную нашу
Маску-лицо,
Что, по сути, не кожа,
Не плоть и не кровь,
А толстая и полированная
Цвета мышинового наша нахальность.
Даже морщинка её не спасает
И постаревших волос белизна,
Лишь наши глаза,
Что глупы и капризны,
Глаза выдают
Вместимость никчёмную нашей души.
Но мы всё слепы
И глазами, и мыслью,
И дважды глухи мы,
И нашего Бога,
Что есть лишь ЛЮБОВЬ,
Пениса выше
Не поднимаясь,
Ищем, увы, вдалеке и вне нас.
Молчите! Молчите!
Ничто не спасёт.
Наследники мы тщеславья и эго
От неизвестных владык, и жестоко
Гнездовье разрушили мы птицы веры,
Которая грустно ушла в одночасье
С полей наших душ, замурованных льдами.
О разрушители, разве же смогут
Ваши слова, ваши звуки и цвет,
И ваших душ помутившийся разум
Трепет тончайший вселенной извлечь,
Когда вы слепы
От мерцания света,
И вкус ваш, увы,
Не способен ловить
Тот постоянно копящийся в вас
Мусора тёплый и гнилостный запах,
Тот, что в конюшнях у Авгия был?
Только в свете,
Только в любви,
Только в вере...
.....
Молчите! Молчите!
Ничто не спасёт.

Занавес опустился...
Аплодисменты...

ОЖИДАНИЕ...

Всю ночь
Мы сидели в молчанье
У кровати больного моря...
Не было лика луны,
И не было ярких звёзд.
Было всего лишь дыхание,
Дыханье тяжёлое было
Сияющих фосфором волн...
А после, рассветной порой
Глаза его были мокры...
Ответ бы хотелось узнать,
Кого оно ждало всю ночь...

* * *

Джувьетте

О, как же шторма укротить мне сполна!
Нежна ты, нежна ты как колос пшеницы,
Ты чудо-цветок, тайны света волна,
О, как же шторма укротить мне сполна!

Ты жизненным соком щедра и полна,
Ты в синих качелях золотые зарницы,
О, как же шторма укротить мне сполна!
Нежна ты, нежна ты как колос пшеницы.

БЛУДНЫЙ СЫН

Теперь, когда
Изуродованный
Города цветочный лик
Покрыт тревогой белою,
И в каждой складке мозга
Жестокая охваченность
Несущих гибель пил...

Теперь, когда
Вершины Храма
С туманом белым слиты,
И кресты, висающие в пустоте,
Ничего не благословляя,
Прибиты к воздуху...

Теперь, когда
В садах эдемских
Безжалостно падают
Деревья-дети наших грёз,
И серые трубы с мучительным вздохом
Быстро выдувают,

Превращая в дым и сажу,
Звёздные камни наших хрупких душ...

Теперь, когда
Бескупольный предел
Истории достойной
Царапают настёрно
Кровавые лапы серых волков,
И нравственности древо
Гниёт неспешно в небе,
Не ожидая жертвы...

Теперь, когда
Тревога белая
Снегопадет с неба души
На тёмных улицах пахнущих смертью дней,
И невидимые ужаса руки
Чертят угольный крест на домах,
И жилища зарешечены,
И деревья зарешечены,
И медленно-медленно
С холодным паучьим молчащим терпеньем
От алчущей нашей одержимости железом
Наши души огораживаются,
И оружие,
Отступившись от миссии, ставшей банкротом,
Пиками дерзости
Прокалывает
Бескровное ребро умирающего правосудия...

Теперь, когда
В смертельной темени домов
Подвергаются пытке
Смотрящие пристально
Из разбитого зеркала
Искалеченные, безумные
Серые маски...

Теперь, когда
Вздых,
Крик,
Вой,
Превращаясь в айсберг,
Застрали в горле
В натянутых голосовых связках,
Ох, не спрашивай, не спрашивай,
Как я,
Прижатый к месту моему подобно Сфинксу,
Становился
БЛУДНЫМ СЫНОМ...

* * *

Здесь море слишком далеко,
 Но запах моря чувствую, как прежде.
 Хотя давно моя разбита лодка,
 И сети все изорваны мои,
 Не ведаю, зачем я вспомнил море.
 Ох, ладно,
 Я не странствующий путник.
 Я не моряк и я не рыболов,
 Ни лодки, ни сетей нет у меня.
 Чёрт возьми!
 Что ты не передумаешь,
 Когда никого рядом нет,
 А особенно той,
 Кто быть рядом с тобою должна,
 И вечерней зарёй,
 В час домой возвращения с моря
 Прямо на берегу
 У избушки в открытых дверях
 Абрикосовой водки бы чарку давала.
 И латала бы сети.
 И разбитую лодку бы я починил.
 И в ночи я лежал бы устало у кромки прибора
 И на яркое звёздное небо смотрел,
 Фей бы слушал, манящий их зов из ракушек,
 А утром
 Я бы лодку свою торопливо на воду спустил
 И раскрыл паруса.
 И борясь бы с морскими волнами
 И с акулами
 Я устремился за ней,
 Непременно за ней,
 Кто быть рядом со мной бы должна...
 Но море слишком далеко.
 И с морем я никак не связан.
 Ох, ну и ладно.
 У меня ведь
 Ни лодки нету, ни сетей.
 Я только помню,
 Кто-то раньше
 Уже давным-давно уплыл
 За все моря и океаны,
 А остальное из бывшего,
 Из очень старого кино,
 И даже этот запах моря,
 Что нос, как прежде, бережит.

* * *

Да, конечно же, черти меня обманули.
 Я не знал,
 Не хотел,
 По ошибке,
 Совсем невзначай
 К тому же не громко,
 А лишь прошептал:
 «Я тебя люблю».
 Земля с небесами
 Слились воедино,
 Где тьма бытовала,
 Там солнце взошло,
 Где солнце сияло,
 Сгустилась там тьма,
 И чёрная туча пришла саранчи,
 Пришла и спустилась на сердце моё,
 На сердце моё — златовласое поле.
 Проклятье!
 Проклятье! И в этом году
 Голодными будем опять.

ВЕСНА

Я бесконечно думать не в силах о тебе,
 Но так же бесконечно, всегда я жду тебя.

Приходишь ты,
 И снова встречаю я тебя,
 Ты занимаешься своею кипой дел,
 Я занимаюсь кипой дел своею.

Уходишь ты,
 Привычно тебя я провожаю,
 И после расставанья
 В пустом огромном зале
 Оваций громкий плеск.

Пред требовательной публикой
 Смирненно преклоняюсь
 И глубоко вздыхаю.

И это представление
 Закончилось блестяще.

Яков Яковлев,
гг. Томск, Ханты-Мансийск

Укрытое временем

Если мир будет потоплен, утке нипочём (русская пословица)

Утиные перья невозможно намочить водой. На утиных лапах нет ни нервов, ни кровеносных сосудов, поэтому они могут спокойно ходить по снегу и льду, не чувствуя холода. Утиное кряканье не имеет эха, причём крякают только самки утки, селезни крякать не могут. За день дикая утка может пролететь до 500 км, при этом высота её полёта может достигать почти 9 км, а скорость – почти 170 км в час. Во время охоты за добычей утки могут нырять под воду на глубину 5–6 м.

Как и любой мальчишка, мечтавший о будущих путешествиях, в детстве я зачитывался книгами В. К. Арсеньева и Г. А. Федосеева. Дерсу Узала и Улукиткан, наряду с д'Артаньяном, Шерлоком Холмсом, Робинзоном Крузо и другими литературными кумирами детства, вызывали зависть, восхищение, желание хоть немного быть на них похожим. Позже в своих первых экспедициях по Северу немало сил и времени пришлось мне потратить на поиски среди местных охотников кого-то, кто мог бы хоть как-то соответствовать этим литературным героям и их реальным жизненным прототипам. У кого можно было бы узнать свойства деревьев и трав, повадки птиц и животных, научиться читать следы, узнавать голоса, предсказывать погоду... Я не нашёл своего Дерсу Узала – или они исчезли из нашей жизни, или мне просто не повезло.

Но что обратило на себя внимание в этой попытке «таёжного ликбеза»? Очень выборочные знания о природе у современных охотников, рыбаков и просто жителей таёжной глубинки. Сузилась прагматика. Прогноз погоды мы узнаём в Интернете и по телевизору, в лесу ночуем в лёгкой и прочной палатке, в турпоходах готовим пищу на газовой горелке и пьём очищенную воду из пластика... Нет нужды наблюдать за явлениями природы, запоминать свойства деревьев для скорого устройства крыши над головой и костра под котелок, знать качество воды по её запаху и цвету...

На бытовом уровне потребительский интерес к природе всё более падает – соответственно,

у человека уменьшается и потребность в таких знаниях. Даже сельские жители, более близкие к «колыбели человечества», делят сегодня флору и фауну на две части – «нужную» и «ненужную». В первую входят промысловые виды животных и дикоросов – и сведения о них как раз и составляют опыт современного таёжника. Вторая включает в себя непромысловые виды, поэтому о них ничего не знают и знать не хотят. Нередки случались у меня такие диалоги с таёжными старожилами:

– Птичка какая-то поёт. Это кто?

– Не знаю. Зачем мне это? Мы таких не стреляем и не едим.

Разумеется, современная культура уже далеко отодвинула человека от природы, и дистанция эта всё более и более возрастает. Наши предшественники, особенно коренные сибирские народы, получали от леса и реки несравнимо больше, а с углублением в древность – практически всё. Пищу, одежду, материалы для жилища, бытовых вещей, орудий труда и оружия, лекарство от хворей – это и ещё многое другое человек брал из окружающей его природы. Потому он должен был великолепно её знать, ведь зачастую от этих знаний зависела человеческая жизнь.

Но не только меркантильной прагматикой определялись эти знания. Наши предшественники – люди так называемой традиционной культуры – сформировали и самобытную духовную сферу, обожествив природу и найдя в ней чёткое место для человека. Поэтому глубинные знания и определённое отношение существо-

вали не только в адрес тех, кого «можно есть» или использовать иным образом, но и в практическом отношении к абсолютно бесполезным «братьям нашим меньшим». Лягушкам и жабам, например.

Но не о них сейчас речь. Хотя и эти представители лесного мира, служившие (а кое-где служащие и поныне) объектами глубокого религиозного поклонения, заслуживают отдельного рассказа. Пока же есть смысл поговорить об утке, которая из важной фигуры мифов и обрядов древних сибиряков превратилась сегодня всего лишь в ингредиент для экзотического супчика.

В религиозных воззрениях всех народов мира птицы занимают определённое и важное место. Причём в соответствии со своими природными характеристиками каждая из них наделяется определёнными сакральными свойствами. Орёл, как говорится, он и в Африке орёл: он царствует в воздушном пространстве, и он же главенствует среди пернатых персонажей языческих пантеонов. Есть своя «специализация» и у водоплавающих, в том числе и утки.

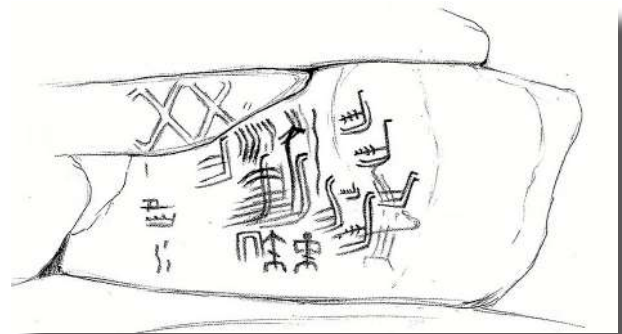
Дело в том, что в мировоззренческих традициях народов Сибири (как и многих других регионов планеты, но не о них сейчас речь) Космос представляется вертикально стратифицированным, ярусным. Верхний уровень – это обитель богов, добрых духов, предков; Средний – реальный мир людей и животных; Нижний – обиталище злых духов, фантастических злобных существ, покойников. Каждому из этих этажей мироздания соответствовал свой набор образов, знаков. Например, понятие космического Верха соотносилось с птицами, Низа – с земноводными, рыбами.

Но из окружавшего древнего мыслителя обилия живых существ не все так однозначно «раскладывались по полочкам». Как быть, например,

с водоплавающими птицами, которым под силу проникать во все сферы Космоса – парить в небесах, ходить по тверди и нырять под воду? Ведь они в состоянии общаться как с благонесущими, так и со злобными духами, быть посредниками между ними и человеком.

Эти-то качества пернатых водоплавающих и определили им особое место в религиозных представлениях многих народов. Причём очень давно. Образ водоплавающей птицы известен уже в искусстве верхнего палеолита (древнекаменного века – 35–10 тыс. лет назад). В Урало-Сибирском регионе он зафиксирован с эпохи неолита (конец каменного века, с IV тыс. до н. э.). Показательно, что древние художники из всего многообразия пернатого царства предпочитали использовать в качестве натуры водоплавающих, и чаще – именно уток. До сих пор профильные фигурки этих птиц сохранились на уральских писаницах – Бурановской II и Старичной, Шайтан-Камне, Соколыньских утёсах и др.

Рисунки водоплавающих на Змиевом Камне (р. Тагил). Кон. III – II тыс. до н. э.

Индоевропейцы – предки большинства нынешних народов нашего континента. Для образа Серой Шейки они сохранили и развили сакральную роль посредника между мирами. Свидетельством этого может служить мифическая птица древних иранцев Каршипта в облике утки, которая объединяла собою все три сферы мироздания и служила вестником воли небесных богов на земле. До сих пор в образе водоплавающей птицы иранцы представляют богиню земли и воды Ардивисуру Анахиту, а индийцы – богиню Сарасвати.

В Древней Греции – колыбели современной европейской цивилизации – водоплавающие птицы тоже имели божественный статус. Сама Афина Паллада – богиня мудрости, справедливой войны, искусств и ремёсел, одна из верховных олимпийских богинь – могла

представляться в облике гагары и баклана. Об этом свидетельствует святилище в полисе Мегара.

Подобное отношение к водоплавающим (прежде всего, к уткам) существовало и у соседей древних греков – скифов. Скромный облик этой птицы присутствует на дорогой посуде, золотых украшениях, что дало археологам сделать вывод: «Образ водоплавающей птицы служит символом власти над земным миром».

Серебряный сосуд с изображением уток из скифского кургана Куль-Оба.

Впрочем, примеры подобному из мировой истории можно длить и длить. Остановимся на тех, что ближе к нам территориально и исторически. Например, на финно-угорских народах. Они отвели водоплавающей птице (опять же чаще других – утке) и вовсе божественную роль демиурга – творца мира.

Финны утверждали, что всё ныне сущее появилось из семи яиц (шести золотых и одного железного), снесённых уткой-праматерью.

Коми согласны с такой трактовкой происхождения мира с той лишь разницей, что, по их мнению, утка снесла только четыре яйца.

Мордва оказались ещё скромнее: согласно их мифам, великой птице Ине Нармонь для её созидательной работы достаточно было и одного яйца: желток трансформировался в земную твердь, а скорлупа – в подземную и небесную сферы.

Марийцы в количественном отношении тоже оказались непритязательными и утверждали, что первоутка прилетела на поверхность первоокеана и снесла только два яйца. Из них в облике селезней вылупились два брата – Юмо и Йын, которые стали попеременно нырять и извлекать

на поверхность донный ил. Так и была создана первоземля.

Обские угры – ханты и манси – отформатировали сюжет о пернатой праматери по-своему. Начало этой мифической истории такое же унылое – первоокеан без суши. Живущие на небесах около верховного божества Торума утка и красношейная поганка решают исправить положение. Но в своей созидательной деятельности они не занимаются промежуточным актом вроде несения яиц для производства ныряльщиков за донным грунтом, а смело погружаются в воду сами. Извлечённый ими с океанского дна кусочек тверди постепенно разросся и стал опорой для жизни всего сущего – деревьев, животных, людей.

Собственно говоря, именно утка создала Средний мир – ту самую реальность, в которой мы ныне обретаемся.

Роль культурного героя и даже демиурга предопределила образ утки для высокочтимых божеств у многих народов мира. Про персов и древних греков было сказано чуть раньше. Но и сибирские народы облакали своих небесных покровителей в пернатое обличье, ничуть не видя в этом ущемление их заоблачного статуса, а совсем даже наоборот.

У хантов и манси, к примеру, так могли выглядеть сыновья верховного божества в ходе своих героических деяний. Герой мансийского мифа Тарыг-пещ-нимал-сов, когда приступил к творению мира, «пошёл к коню. Оседлал коня. Сел в седло в образе золотой утки, в образе золотого гуся. Пустился в путь». У четвёртого сына Нуми-Торума по имени Аут-отыр и статус был ниже, и задача более личная – всего лишь догнать сбежавшую жену. Наверное, поэтому в мифологии ему придали облик не золотой, а всего лишь железной утки: «...Муж её, Аут-отыр, в образе железной гагары за ней гонится».

Кеты рассказывали, что их великий шаман Дох, падая с неба на землю, превратился в гагару. Это, правда, имело печальные последствия: люди не узнали своего кумира и забросали его камнями. Крики шамана, что он человек, а не птица, оказались бесполезными.

Героические богатыри имели более низкий статус, чем небесные боги, но и они могли в случае необходимости «встать на крыло». Вот фрагмент сюжета битвы русского и мансийского богатырей, где каждый принял образ утки:

Бляха с изображением мифического героя, рядом с ним – утка. Нижнее Приобье.

«Гонял, гонял его, вот догнал.

А Русский богатырь в образе железной птицы гагары вдаль полетел,

А он уже в образе гагарки его догоняет».

Иногда божественные сыновья для достижения своих целей не прибегали к перевоплощениям, а прямо привлекали для своей защиты пернатых воителей. Сын Нуми-Торума в ходе исполнения своей высокой миссии создания мира столкнулся с противодействием злонамеренных сил, и спасли его именно гагары, ещё раз проявив свою активность в миротворчестве – теперь уже, правда, в иной роли: «...То оказался несомый ветром чёрт. Подошёл к нему, здесь рвёт, там хватает... Светлый мальчик потерял терпение, вынул из кармана двух гагар и говорит: «Две мои дочери с игольчатыми клювами, – говорит он, – сделайте что-нибудь с ним!». Гагары начали раздирать чёрта, да и убили его».

Если утка оберегала даже небожителей и героических богатырей, для простых смертных она и вовсе являлась могущественным покровителем. Это проявлялось, прежде всего, её важнейшей ролью в сакральной защите сферы деторождения – того, что сейчас принято называть «охраной материнства и детства». Селькупы, например, ещё недавно утверждали, что около железного дома Жизненной Старухи – подательницы жизней – обитают утки, которых называли «небесные птицы». Именно их хозяйка посылала охранять жизнь женщин при родах.

У хантов и манси образ гусыни-утки могла принимать сама верховная богиня Калтащ-Эк-

ва, главной функцией которой являлось именно покровительство женщине-матери и её чаду.

«На спину животного, спину имеющего, она опускается,

В хорошем облике золотистой гусыни опускается...», –

повествуется в одном из мифов. Нерасчлённость образа «гусыни-утки» не должна смущать, поскольку в мансийском фольклоре эти слова синонимичны и выражают общее понятие водной птицы.

Мироздание. Жизненная Старуха. Худ. А. Д. Тимофеев (Томск).

Близость уток к небесным вершителям человеческих судеб не могла не породить идеи о прогностических талантах этих птиц. Проще говоря, их стали считать вещуньями, прорицательницами. В XIX в. у русских старожилов Сургутского края был зафиксирован такой вид предсвадебного гадания: «Делают из воска двух уток и пускают в воду на тарелке, взболтнув (помешав) предварительно воду. Если утки плавают вместе – предстоит согласная мирная жизнь в замужестве, если порознь – придётся жить с мужем в ссоре».

А коли пернатые пифии и кассандры могли заглядывать в будущее, то они стали объектом внимательного наблюдения со стороны людей: вдруг удастся подсмотреть, «что день грядущий мне готовит»? Русские старожилы на Оби верили:

- «если во сне увидишь, что поймал утку, – к свадьбе»,
- «если весной утка пролетает высоко – овсы будут высокие, если низко – низкие»,
- «если у весенних уток «коробки» красные – будет урожай ягод».

Материальным воплощением идеи покровительства человеку со стороны высших сил в образе водоплавающих птиц стали их миниатюрные копии – металлические подвески к женским косам. Во II тыс. они были очень популярны не только у предков нынешних хантов, манси и селькупов в Приобье, но и у всех финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. Раскопки могильников в этих регионах редко обходятся без обнаружения изящных профильных фигурок водных пернатых, в словаре профессиональных жаргонизмов археологов есть даже специальный термин для такой категории артефактов – «уточка». В композициях некоторых поделок идея покровительства утки выражена предельно откровенно – малая фигурка человека прикрыта сверху монументальным изображением птицы. Ну, точь-в-точь, как в живой природе мама-утка закрывает собой своих детёнышей от опасностей.

Металлические подвески-обереги к женским косам из Приобья. II тыс.

Уже в наши дни такие подвески, случайно находимые при разрушении старых могил, мужчины стали пришивать к своим поясам с той же самой целью, с какой прежде их вплетали в свои косы женщины, – получить покровительство и поддержку высших сил. Коми и удмурты приносили уток в жертву, после чего косточки от них носили на себе в качестве амулетов-оберегов. Коми, кроме того, для отпугивания злых духов прибивали крылья гагары к стенам своих жилищ.

Иногда эта птица признавалась духом-защитником не только отдельного человека, а целой группы людей – рода или посёлка. В таком качестве её воспринимали, например, ханты р. Тромъегана и Кодского княжества (особенно жители Большого Атлымского и Малого Атлымского городков). Последние изображали условную фигурку утки в качестве своего родового знака – «знамени», «тамги». Его официально использовали в качестве подписи при оформлении документов, наносили в виде татуировки на тело...

У хантов существовало даже специальное слово для птичьей фигурки, в которую вселился дух-покровитель, – кор. Эта фигурка –местилище для духа – могла быть изготовленной самими искателями покровительства, а могла быть и приобретённой ими вовне. На протяжении, как минимум, двух последних тысячелетий обские угры и их прямые предки спокойно включали в свою культуру, причём даже в сакральную её часть, импортные предметы – сарматские зеркала, персидские блюда, золотоордынские чаши, русские игрушки... Поначалу на их поверхности процарапывали изображения своих духов-покровителей – и «чужая» вещь становилась «своей». Но позже не стали проводить даже и такой процедуры. Примером инкультурации – включения инокультурного предмета в своё культурное пространство – может служить маслёнка в виде утки, изготовленная на фарфоровом заводе М.С. Кузнецова и помещённая на р. Северной Сосьве в набор священных предметов.

Маслёнка или солонка в виде утки. Изготовлена на фарфоровом заводе М. С. Кузнецова в конце XIX – начале XX вв. и включённая на р. Сосьве в набор священных предметов.

Не удивительно, что высокий сакральный статус и защитная функция образа утки (преимущественно гагары) привели к его табуированию. В условиях традиционной культуры запреты статуируются мифологией. Так, в одном из мифов, записанном А. Регули и проверенном затем Б. Мункачи, сюжетно обосновывается запрет на убийство и употребление в пищу гагары. Когда рождённые Первой Женщиной семь сыновей отправились на охоту, двое младших братьев опередили старшего и выстрелили в гагар, пролив кровь священных птиц. В результате этого суетливого и необдуманного поступка в жизнь людей пришли болезни.

Побывавший в 1915 г. на р. Казыме И.Н. Шухов писал: «Почитание кряковой утки, селезня... основано на том предании, что некогда Бог в виде такой утки летал в верховьях р. Казыма. Ловя уток перевесами, остяки выпускают селезня, если он попадает, и в пищу ни в коем случае не употребляют. Чернозобая гагара... также почитается: её не бьют, а если она случайно попадёт в рыболовную сеть, то место, в которое попала гагара, вырезают. Причин почитания гагары выяснить я никак не мог. В пищу она остяком не употребляется».

Гагарам нельзя было приносить не только специальный, но даже случайный вред. Освободить и отпустить случайно запутавшуюся в сеть гагару было правилом не только на р. Казыме, но и в других местах обско-угорского мира. При этом наказание всё равно могло настичь хозяина сети, поэтому он внимательно следил за поведением освобождённой птицы: если она сразу взмывала в небо, он вздыхал с облегчением, если отплывала – надеялся «авось пронесёт», а вот ежели ныряла, то ждал для себя неминуемой беды.

Представителям некоторых хантыйских родов нельзя было не только стрелять в гагар, а даже смотреть в их сторону.

Там, где гагару всё же добывали, распаривать тушку могли только мужчины.

Наверное, идейной связью образа утки с миром богов и с функцией благоподаяния можно объяснить запрет у селькупов класть в гроб с умершим подушку из перьев этой птицы.

Однако также как утка больше времени проводит на воде, чем в небесах, так и представления о её связи с Нижним миром гораздо обширнее и многообразнее, чем о контактах с Верхним.

В силу своих природных способностей и в соответствии с местом в мифологизированном Космосе это пернатое превратилось в знатока дорог между мирами живых и мёртвых, лоцмана и попутчика усопшего, этакого «сибирского Харона». Поэтому присутствие этого амбивалентного (двойственного) образа в мифоритуальной практике сибирских народов стало проявляться не только в части, связанной с зарождением и охраной жизни, но и в сегменте, обслуживающим человеческую смерть.

В Приобье это случилось, судя по археологическим материалам, достаточно давно. Скелеты водоплавающих птиц, которые сопровождали умерших, обнаружены в могилах, как минимум, с бронзового века (со II тыс. до н. э.).

При определённых обстоятельствах, а может быть и с течением времени, в качестве проводника могла использоваться не целая тушка птицы, а лишь её часть либо даже специально сделанное изображение. Ханты до сих пор иногда включают деревянные копии уток в конструкцию надмогильного сооружения – прикрепляют к коньку «домика мёртвых» либо к небольшому шесту, который втыкают в землю.

Деревянная фигурка птички над могилой ханты на оз. Пуниовлор. Сургутский район ХМАО – Югры. 2006 г. Фото: Я. А. Яковлев.

Они же, как и селькупы, под одежду деревянных человекообразных скульптурок, олицетворявших умерших родственников и хранившихся в культовом амбарчике,

обязательно вкладывали миниатюрное изображение птички в полёте (сойки) с той же самой задачей проводника в обитель мёртвых. Нарымские селькупы после крещения и внедрения христианской погребальной обрядности рисовали птичку на нижней (ближней к миру мёртвых) доске гроба.

У северных хантов сохранился очень показательный обряд, иллюстрирующий функционал утки в роли проводника души умершего в иной мир. В период поздней осени, зимы и ранней весны, когда нет уток, для сохранения отданной богу душе изготавливалось временное вместилище – деревянная человекообразная фигурка. Её берегли до весны. Только после появления

перелётных птиц этот деревянный человечек («контейнер» с назначенной к отправлению человеческой душой) помещался в специально построенный шалашик, перед входом в который укладывали первую добытую утку головой на север (в сторону Мира мёртвых), а затем всё это сжигали. Суть описанного обряда представляется совершенно очевидной: до появления пернатого поводыря душа не могла отправиться в столь неизведанную дорогу.

Близкий по форме и содержанию элемент погребального обряда зафиксирован и у восточных хантов на р. Югане и Салыме: они строили надмогильное сооружение лишь после появления перелётных птиц.

Мифическая способность утки легко проникать в Нижний мир определила и ещё одну её ритуальную функцию – быть жертвой для вредоносных духов, доносить до них просьбы и чаяния людей. В этом качестве птица широко известна у многих народов – например, у урало-поволжских. Ханты в обязательном порядке приносили уток в жертву «низовскому чёрту» Ыл-юнку перед началом рыбной ловли. Сначала все участники обряда варили птиц и ели их. Затем крылья прибавляли к сосне, а тщательно собранные кости складывали в старый котёл без дужки, спускали его в заводь и кружились вокруг него на лодках с криками «Ыл-юнк, давай больше рыбы!».

Аналогом хантыйскому Ыл-юнку в селькупском пантеоне был Кай или Кайе. Он представлялся в облике утки с железными перьями и человеческим голосом.

С верой, что утки возродятся, бросали после трапезы их кости в водоём и манси – это тоже можно рассматривать как обряд жертвоприношения.

Как реликт весьма древних представлений о жертвенной роли утки, у нынешних хантов и селькупов сохранилось обязательное правило готовить из неё поминальное блюдо. Причём даже заимствованные из православия поминальные сроки (9-й и 40-й дни) не изменили традицию поедать в память об усопшем именно утку. В качестве поминальной трапезы ханты готовят блюдо под названием саламат – густой мучной суп, куда помещают утку именно целиком.

Это же качество птицы – общение с запретными мирами – сделало её одним из главных помощников шамана. Не удивительно поэтому,

что её металлические изображения или даже реальные шкурки весьма часто можно видеть на шаманских облачениях и среди прикладов на священных местах. Старики-ханты, например, рассказывали: во время камлания именно утка указывает шаману дорогу в Нижний мир, летя впереди и одним крылом прочерчивая линию по земле.

Металлические подвески в виде уток к шаманскому костюму.

Эвенки. Колпашевский краеведческий музей.

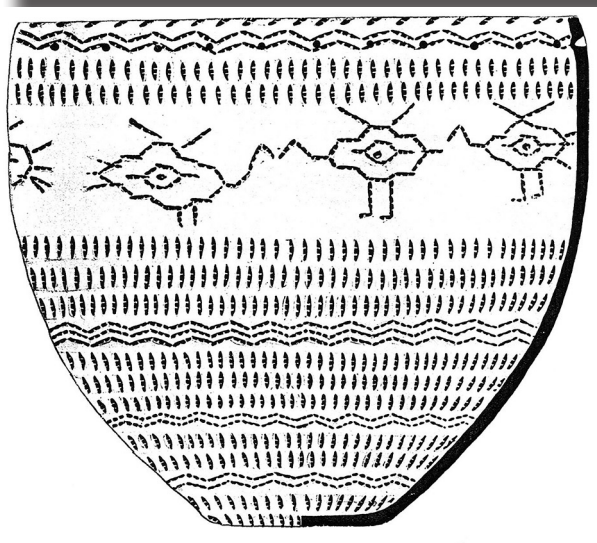
Тесная мифическая связь безобидной, в общем-то, птицы с Миром мёртвых сейчас, конечно, уже забылась. Однако определённые ассоциации с чертовщиной и дьявольщиной образ утки в современном общественном сознании сохраняет. Кто-то сегодня в шутку бранит проказливого ребёнка: «Ах ты, Анчутка!». Кто-то ставит детский спектакль под таким названием (любопытные могут познакомиться с ним в Интернете). Кто-то даже снял детский мультфильм с так наименованным героем... И мало кто догадывается, что Анчутка – это имя одного из персонажей языческого восточнославянского пантеона. Так звали одного из враждебных человеку бесов, способного одновременно и плавать, и летать. А рождён был Анчутка от любовного соития Антихриста (чёрта) и... утки. Причём учёные считают, что последний образ славяне позаимствовали из финно-угорского мира.

И – кстати – надеюсь, Вы не забыли, что смерть даже Кощея Бессмертного тоже хранилась в утке?

Со временем образ утки стал восприниматься оболочкой для любых враждебных сил – не только ирреальных, но и вполне земных. Даже в эпоху недавних (с позиций истории) военных

катаклизмов, вызванных процессом присоединения Сибири к России, эта безобидная птица стала ассоциироваться с силами агрессии. Вот как начинается одна из селькупских легенд о тех событиях: «На острове жили два остяцких богатыря. Захотела их посмотреть русская царица и отправила корабль. Когда спали молодцы богатырским сном, трое русских обратились в уток и стали плавать неподалеку. Проснувшись, один из богатырей выстрелил из лука в утку, но, когда наклонился за добычей, схватили его русские и заковали в цепи...».

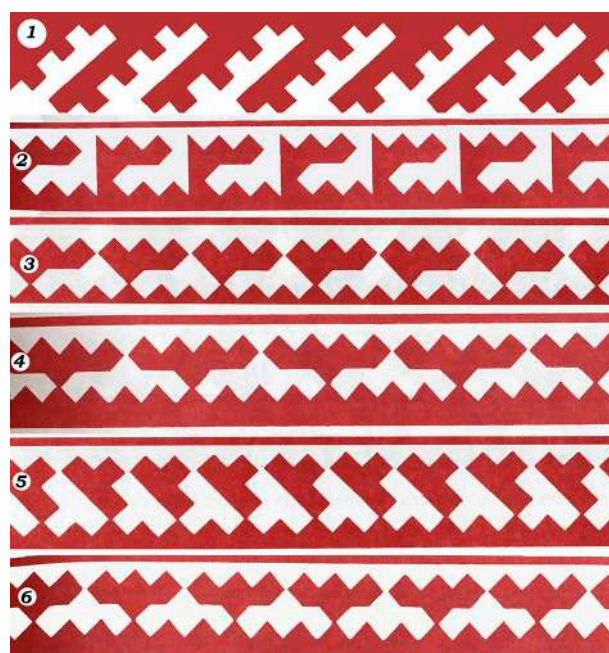
Столь высокий сакральный статус обеспечил образу утки популярность не только в мифопоэтическом творчестве, но и в изобразительном – рисунках на камнях, в художественном бронзолитье, орнаментике, аппликации.

Орнаментальный мотив водоплавающих птиц в декоре глиняного сосуда. Бронзовый век (XVII–XIII вв. до н. э.). Поселение Малый Атлым (ХМАО – Югра, Октябрьский р-н). Фото: О. И. Белогай.

Берестяная мансийская табакерка, декорированная изображениями уток. Тур-ват-пауль (р. Северная Сосьва). Худ.: В.Н. Чернецов. 1933–1934 гг. По: Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 182.

Орнаментальные мотивы манси: 1 – крылья утки; 2 – голова утки; 3 – выводок утят; 4 – сидящие утята; 5 – бегущие утята; 6 – плывущие утята. По: Альбом хантыйских орнаментов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979; Шешкин П. Е., Шабалина И. Д. Мансийские орнаменты. – СПб.: Просвещение, 2001.

Закончить этот рассказ об образе утки в мировоззрении коренного сибирского населения хочется небольшим сюжетом, далёким от мифологии и этнографии. Экологическим. У разных родов обских угров табуированы были разные виды дикой утки (пожалуй, только запрет на убийство гагары был распространён повсеместно). Поэтому, за исключением запретного плода,

все остальные вкушались с аппетитом и в весьма крупных размерах. Утка и утиные яйца добывались в таких количествах, что в наши дни кажется просто неправдоподобным. Причём чем дальше от наших дней отстоит зафиксированный факт, тем больше задокументированная цифра.

В 1771–1772 гг. В.Ф. Зуев птичий мир Обско-го Севера представил такими словами: «...Стада бывают великие... и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц». Его современник добавил: «...Эти тучи пернатых своими криками поднимали такой страшный шум, что мы не могли слышать слов друг друга». Не удивительно, что при таком богатстве орнитофауны, по свидетельству современников, в те десятилетия хороший промысловик мог заготовить до 2000 одних только уток, не считая прочей пернатой живности. Особенно обильной добыча была в момент линьки, когда беспомощную птицу мог догнать и убить палкой даже маленький ребёнок.

При таких объёмах промысла утка не ценилась ни как продукт, ни как объект купли-продажи. Когда на рынок выбрасывались десятки тысяч утиных тушек, цена падала до 2 копеек за штуку. Это было намного дешевле стоимости одного патрона, поэтому с ружьём на птиц никто не охотился. Т. Кёнигсфельд – попутчик академика Н.И. Делиля в знаменитой поездке 1740 г. до Берёзова – записал: «По пути мы видели в камышах огромное количество диких уток, над нами пролетали стаи диких гусей, вокруг шлюпки плавали большие дикие лебеди. У нас не было ружей, поскольку мы и предположить не могли, что здесь так много дичи... Кроме того, если не считать удовольствия от охоты, стрелять здесь дичь нет никакого смысла: каждый выстрел в 10 раз дороже утки или дикого гуся, так как остяки за щепоть табаку или пару табачных листьев принесут полдюжины, если не дюжину птиц». Он же в своём дневнике оставил рисунок хантыйской девушки, которая приносила членам экспедиции утиные яйца.

Через столетие с хвостиком, в конце XIX в. цифра весенней добычи на одного промысловика сократилась вдвое, но и 1000 добытых уток не укладывается сегодня в голову. В один перевес (сеть между деревьями) тогда попадало от 100 до 300 птиц.

Весной мясо водоплавающей птицы продолжало оставаться доминирующей белковой пищей. И.М. Воропай писал, что хантыйская семья

Авторская подпись на рисунке: «Двадцатилетняя остякская девушка, у неё в руке бурок, полный птичьих яиц на продажу». Г. Берёзов. Худ.: Т. Кёнигсфельд. Май 1740 г. По: Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. – С. 236.

Охота на уток с помощью перевеса и лука (фрагмент картины без названия). Худ. Н. Шахов. Первая половина XIX в.

на один обед могла сварить до двадцати уток сразу. Ему вторил житель г. Берёзова, опубликовавший в тобольской газете «Сибирский листок» за 27 июня 1891 г. такой вот пассаж: «... Могут есть уток, сколько душа терпит... ну, и едят!.. (я сам видел, как двое — один взрослый остяк, другой подросток лет 15 — за один присест съели пять варёных уток, т. е. около восьми фунтов, не считая хлеба и муки, обильно посыпанной в суп)». П.П. Инфантьев, посетивший годом позже поселения манси, отметил, что те собирали утиные яйца по водоёмам тысячами, и поедали их «как картошки». Рынок продолжал оставаться перенасыщенным утиным мясом. В 1891 г. берёзовский обыватель писал: «...Когда привозится остяками дичь из юрт, ... надо быть осмотрительным при покупке этой дешёвой птицы: почти всегда половина её сгнившая, даже с червями».

В первой половине XX в. утка пока ещё продолжала оставаться визуальной частью сибирского пейзажа. Однако тысячами добытых уток или хотя бы утиных яиц в эти годы похвастаться уже никто не мог. Основатель и первый директор Кондо-Сосвинского боброво-соболиного заповедника В.В. Васильев в своём отчёте за 1927 г.

указывал: за весну одна семья добывает в среднем от 100 до 300 голов уток. Чувствуете динамику? Не 2000, не 1000, а уже максимум 300.

Эту же цифру относительно ваховских хантов задокументировал десятком лет ранее Г.М. Дмитриев-Садовников. И произвёл такие расчёты: «Если считать, что... всех подобных промышленников наберётся до 400 душ, выйдет, что 120 тысяч штук истребляет лишь ваховское население». После чего не удержался от справедливого восклицания: «А сколько истребляют её на Оби! И после этого спрашивают: куда девается птица?».

Эх, знал бы он, как резко упадёт численность пернатых ещё через век – когда в десятки раз вырастет население, когда лук и берданку заменит многозарядное ружьё с оптическим прицелом! Сегодня наш всезнающий ИИ на вопрос о поголовье пернатых выдаёт печальную информацию: «За последние 40 лет численность водоплавающих уменьшилась в 6-8 раз».

Вот официальные данные поголовья пернатых в наши дни по ХМАО – Югре. И это в регионе, который считается охотниками самым благополучным для промысла. В других местах ситуация ещё хуже.

Численность охотничьих видов птиц на территории ХМАО – Югры в 2000–2009 гг.

Вид	Годы									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Рябчик	17904	35644	29985	32342	59385	68753	56765	13099	15510	798
Глухарь	8274	9559	23972	18734	39364	34917	28232	15468	24441	6401
Тетерев	13737	21088	38737	47603	42408	63930	41784	51178	29339	13651
Белая куропатка	23990	30434	35181	54847	68363	42495	37507	37545	34910	23479
Лебедь	1603	1563	1236	2300	2761	3179	3330	5016	1309	697
Утки всех видов	137549	157630	114304	191026	214334	149531	194260	104079	113816	37483
Гуси всех видов	Насчитывает около 400 гнездящихся особей									

Источник: Численность охотничьих видов животных и птиц на ООПТ регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/socium/ekologiya/biorazn.htm>

Всего за десятилетие (!!!) уток стало в 4 раза меньше, а рябчиков – в 22 раза меньше.

Результат тотального уничтожения съедобных пернатых можно проследить и без официальной статистики. Он налицо – стоит только выйти к озеру или зайти в бор. Нет не только того оглушающего птичьего гама и шума, о котором писалось всего лишь 2,5 века назад, нет вообще птичьих звуков. Ну, если не считать карканья вороны и стрёкота сойки. И увидеть сейчас обычную утку, которая у наших дедов выпархивала прямо из-под ног, не так-то легко. Скорее на глаза попадётся охотник с наисовременнейшим оружием в руках и неандертальским сознанием в голове. Мир изменился глобально. Мы летаем в космос, лечим неизлечимые прежде болезни, можем во время разговора видеть собеседника с противоположной стороны планеты. Наши жилища, одежда, средства передвижения и всё остальное имеют несравнимо более высо-

кий уровень качества и комфорта. Наша цивилизация достигла такого уровня, что мы можем прокормить себя без ущерба для дикой фауны. А вот этика осталась на уровне нашего предка из каменного века – «Убей и сожри!».

В мудром мансийском сакральном мифологическом сказании о сотворении мира есть сюжет о том, как Мир-Сусне-Хум (сын верховного божества Торума) женился на дочери южных богов, получил в качестве приданого перелётных птиц и доставил их в мир людей: «Говорят Южные старуха и старик: «Наша дочь, наш зять! Настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, этих гусей-уток мы приготовили в приданое нашей дочери. Пока останется на свете один мужчина, одна женщина, пусть их едят, пусть никогда они не кончатся».

Наверное, и по этой причине тоже ханты и манси не представляли себе счастливой жизни без вечного пернатого попутчика – утки. Один

из лучших знатоков мансийской души и мансийских мыслей Е. И. Ромбандеева в своей книге «Душа и звёзды» писала: «Сказывают, что если человек на этом свете был плохим, то он попадает в нижнее царство, небо там высотой с хвост собаки, там покойный будет жить только ползком, сесть нельзя – низкое небо. Если же человек был добродетельным, то он попадает в светлое царство, будет жить где-то на берегу тёплого моря, где вечно живая, незамерзающая вода, зелёная трава, живут там вечно живые утки, словом, рай».

Думается, что именно эти представления служат ключом к пониманию приведённых здесь пейзажей хантыйского художника К. А. Панкова.

Синее озеро. Худ. К. А. Панков. Конец 1930-х гг.

Ловля птиц. Худ. К. А. Панков. 1936–1939 гг.

ва. Писал он их не с натуры, а по памяти в Ленинграде. И – обратите внимание – на обоих посчитал нужным запечатлеть уток. Видимо, без них художник не представлял себе картину родного края полной и гармоничной. Присутствие уток в пейзаже подводят к простой мысли: именно родную землю художник считал раем.

Увы... Не сбылось пожелание богов – не сумели люди мудро распорядиться их даром. Жрали жадно и много. И дожирают последнее. Стоит ли ожидать рая, если мы до сих пор живём с сознанием неандертальца, рассматривая всю фауну и флору исключительно как свои пищевые ресурсы, не оставляя ни одному живому существу на планете права на жизнь и собственноручно превращая нашу землю в ад?

По страницам «Ленинского знамени»

А. Смирнов,
Ларьякская сейсмопартия

Обо мне не грусти, не печалься,
Будь спокойна, милая мать.
Я уехал на Север дальний
Неизведанный край открывать.

Не страшны мне морозы жгучие
И палатки суровый уют.
Ты представь: тайга дремучая
И берёзки песни поют.

Они песни поют геологам,
Раскрывающим тайны тайги,
О великих сибирских просторах,
О несметных богатствах земли.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

На свидание в первый раз
Девчонка в платье белом
Идёт как будто в первый класс,
Такая же несмелая.

Тёплый встречный ветерок
Треплет косы русые,
У фонтана паренёк
Ждёт с цветами лучшими.

Кто ни встретит, тот поймёт
Девичье желание:
Она в первый раз идёт
С парнем на свидание.

7 марта 1965, № 20-21, стр. 3

(Окончание. Начало на стр. 55)

МАРТ

В ночь на 23 апреля 2006 г. мемориальный камень воинам-интернационалистам был подвержен нападению вандалов. После чего обломки плиты, на которой был нанесён барельеф автомата и надпись, были демонтированы. Активисты движения воинов-интернационалистов установили на этом же месте другой памятник. Надпись на нём была изменена: «Воевавшим и вернувшимся, павшим и живым».

В 2011 году в связи с началом строительства жилого дома изменено место расположения мемориала воинам-интернационалистам. Памятный камень был перенесён в Школьный переулок. В связи с этим 26 октября 2011 года в Школьном переулке прошёл торжественный митинг с участием главы города М. Игитова, депутата Думы ХМАО – Югры А. Андреева, представителя от Общероссийского народного фронта, многократного чемпиона мира и Европы по боксу Е. Макаренко, председателя общественной организации «Мегионский союз ветеранов Афганистана» В. Гайкового, ветеранов Великой Отечественной войны, старшеклассников и общественности города. Настоятель Храма Покрова Божией Матери иерей Виталий провёл церемонию освящения памятника, а затем собравшиеся почтили память своих погибших земляков, возложив цветы к мемориалу.

27 февраля – 1 марта

25 лет назад (2001) в г. Зеленограде проходил I Всероссийский турнир по боксу среди старших юношей, в котором приняли участие мегионские боксеры, члены юношеской сборной России А. Хидыров, который занял 1-е место и А. Дадашев, занявший 2-е место.

28 февраля – 1 марта

30 лет назад (1996) первый неофициальный двухдневный визит президента республики Беларусь А. Лукашенко в город Мегион.

15 лет назад (2011) в рамках визита в ХМАО-Югру, Мегион посетил абсолютный чемпион мира по профессиональному боксу Константин Цзю. Гость посетил СШ № 7, спорткомплексы «Олимп» и «Жемчужину», где провёл мастер-классы, общался со школьниками, раздавал автографы, рассказывал о себе.

55 лет назад (1971) на ремонтно-механическом заводе Главтюменнефтегаза изготовлены первые блоки автоматизированных установок для поточного замера нефти для Мегиона и Самотлора.

14-19 марта

20 лет назад (2006) в Ледовом дворце г. Нижневартовска прошли финальные игры чемпионата ХМАО-Югры на призы клуба «Золотая шайба» среди юношей. Хоккейная команда Мегиона, не проиграв ни одной игры, стали абсолютными победителями. Готовил спортсменов к соревнованиям бессменный тренер С. Голубцов.

15 марта

100 лет (1926) со дня рождения Веры Михайловны Шлябиной (1926-2012), старожилы города, приехавшей вместе с семьёй в Мегион в 1961 г.

Вера Михайловна родилась 15 марта 1926 г. в д. Блонь Минской области. До войны закончила агрономический факультет сельхозтехникума в г. Марьино Горка. В 1944 г. за помощь партизанам и военнопленным её схватили для отправки в Германию. Освободили союзники. После войны получила образование, стала ветеринаром. В 1954 г. Вера Михайловна с семьёй по направлению приезжает в Ларьякский (ныне Нижневартовский) район развивать сельское хозяйство среди ваховских ханты. До 1954 г. в Ларьякском районе не было образованных специалистов в этой области. В её ведении крупнорогатый скот и колхозные огороды, зверофермы и олени стада, пасшиеся в пойме реки Аган. Несколько раз избиралась депутатом Ларьякского районного совета. В Мегионе с 1961 г. Работала в СУ-12 от «Главтюменнефтегазстроя» в отделе главного механика. Затем в связи с болезнью сына контролёром в колхозном клубе, позже в НГДУ «Мегионнефтегаз».

21 марта

65-летие (1961) открытия Мегионского месторождения нефти.

В далёком 1958 г. на Баграс прибыли геологи и начали разведочное бурение на заболоченных местах. Нефть была обнаружена, однако требо-

вались доказательства, которые можно было получить только по итогам пробной эксплуатации скважины. Найденная нефть залегала на большей глубине, чем шаимская, и это требовало серьёзных расходов, к тому же неверие «авторитетов» в большую нефть Среднего Приобья.

К весне 1960 г. по распоряжению Салманова перевезли буровую установку на подготовленную сейсморазведчиками Мегионскую площадь, смонтировали её на скважине Р-1 на Баграсской протоке. Скважину медленно и долго бурила бригада мастера Г. И. Норкина. Испытания, проводившиеся 20-21 марта 1961 года, дали приток нефти дебитом примерно 240 тонн в сутки. Начальнику Сургутской НРЭ Ф. К. Салманову тут же была отправлена радиограмма: «Скважина начала фонтанировать чистой нефтью, визуально 300 тонн. Высочинский, Тепляков». Из радиограммы начальника Сургутской экспедиции Ф. К. Салманова и главного геолога Б. В. Савельева начальнику Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье: «Скважину Мегионскую-1 19 марта простреляли в интервале 2175-2178 м. 20 марта понизили уровень на глубину 480 м. 21-го в 13 часов дня после дополнительного таргания начался слабый перелив разгазированной технической воды, в 14 часов появилась нефть. Дебит нефти по записи в коллекторском журнале 21 марта составил 288 кубометров в сут., т.е. 1 бочка ёмкостью 200 литров заполнялась одну минуту». Так на востоке области было открыто Мегионское месторождение нефти. Важность этого открытия заключалась в том, что впервые в Сибири было доказано наличие промышленных скоплений нефти в меловых отложениях, широко распространённых в Западно-Сибирской низменности.

Первый фонтан нефти, полученный 21 марта 1961 г., определил историю развития всего Среднего Приобья. Открытие Мегионского месторождения и последовавшее за этим активное освоение региона оказали существенное влияние на темпы формирования нефтепромышленного комплекса всего округа. Первую скважину Баграсса можно назвать точкой отсчёта в летописи Мегиона, Нижневартовска, Лангепаса. Мегионцы по праву гордятся тем, что первооткрывателями первого в Среднем Приобье месторождения стали их земляки.

*Разбудившие землю : документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа / [сост. В. Н. Николаев ; ред. Ю. Г. Эрвье; стихи В. Н. Козлов]. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. – 262 с. : ил.

*Эрвье, Ю. Г. Сибирские горизонты / Ю. Г. Эрвье. – Свердловск, 1968. – С. 70-71.

*Радиограмма начальника Сургутской экспедиции Ф. К. Салманова и главного геолога Б. В. Савельева начальнику Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье – об открытии Мегионского месторождения нефти. 24 марта 1961 г. // Нефть и газ Тюмени в документах : 1901-1965. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1971. – С. 221.

*Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя / Ф. К. Салманов. – Москва, 1988. – С. 136-141.

*Мелешко А. У нас в тайге не так уж плохо / А. Мелешко // Мегионнефтегаз-Вести. – 1996. – №9. – С. 2. : фот.

*Карагодин А. П. Геология от собственных открытий ничего не имеет / А. П. Карагодин ; записала Е. Карпова // Мегионнефтегаз-Вести. – 1996. – №44. – С. 2.

*Шлябин Д. Запах нефти / Д. Шлябин // Мегионские новости. – 2001. – 31 авг. – С. 3-4. : фот.

*Салманов Ф. К. Жизнь как открытие / Ф. К. Салманов. – Москва, 2003. – С. 222-234.

*Западная Сибирь: история поиска. 1940-1975 годы : публицистический научно-поп. сб. / сост. Л. В. Цареградская. – Москва, 2007. – С. 126, 169.

*Все началось с фонтана на Баграссе // Полвека на благо Родины / ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз». – Ханты-Мансийск, 2011. – С. 9-12. : фот.

*Полвека на благо Родины / ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз». – Ханты-Мансийск, 2011. – 213 с. : фот.

*Купальцева Н. Первопроходцы. Иван Сиряк: «Молодые были, рисковые!» / Н. Купальцева // Мегионские новости. – 2011. – 1 апр. – С. 4. : фот.

*Пешук В. «Вахта длиною в жизнь»: Мегионской нефти – 50 лет. В городе проходят юбилейные торжества / В. Пешук // Мегионские новости. – 2011. – 25 марта. – С. 1, 9. : фот.

*Храпова Е. Первая нефть Баграсса / Е. Храпова // Югра. – 2011. – №4. – С. 38-42. : фот.

*Егорова М. Победные вехи пяти десятилетий / М. Егорова ; фот. В. Пресняк // Мегионнефтегаз-Вести. – 2012. – №2. – С. 2.

*История нефтяных открытий : фотоальбом / ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз. – Нижневартовск, 2014. – 153 с. : фот. – (50 лет ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз»).

*Егорова М. Гордость Земли сибирской. С открытия Мегионского месторождения началась новая история Югры / М. Егорова ; фот. В. Пресняк // Мегионнефтегаз-Вести. – 2014. – №9. – С. 2. : фот.

*Мегионские первооткрыватели [Тюменский геолог. – 1968. – 6 апр.] // Мегионнефтегаз-Вести. – 2014. – №9. – С. 5.

*Егорова М. Легенда нефтеразведки: к 100-летию со дня рождения Григория Ивановича Норкина / М. Егорова ; фот. В. Пресняк // Мегионнефтегаз-Вести. – 2014. – №11 – С.1-2. : 6 фот.

Вадим Речкин,
п. Сингапай, Нефтеюганский район

Таёжные строки

– Извините. Вынужден признаться.
С бородою явно был не прав.

На мысу таёжном, тесно сжатом
Берегом реки, текущей вскачь,
Кедр на сосны смотрит виновато,
Ну а мох теперь считает братом.
Молодой таёжный Бородач.

БОРОДАЧ

На мысу таёжном, крепко сжатом
Берегом реки, текущей вскачь,
Жил огромный, толстый, бородастый,
Тёмный лес по имени Кедрач.

Крепко в берег он корнями вжался
И взметнулся в небо, как свеча.
Ничего он в мире не боялся
Даже короёда – усаца.

Все считали лет ему не мало,
Но не знали точные года.
Зелен кедр. А по стволу свисала
Длинная седая борода.

Сколько б каждый ствол не возмущался,
Не шумел тревожно весь кедрач:
– Это не моё. Он мне достался.
Это мох с названием «Бородач».

Кедр хотел быть молодым повесой
И красив, как алая заря.
А его считали дедушкою леса –
Патриархом, правду говоря.

Но однажды юная сосёнка,
Не считавшая пока свои года,
Вдруг сказала нежно и смущенно:
– Как идёт Вам эта борода.

И кедрач вдруг перестал качаться,
Розовел зарёю, осознав:

ЖИВАЯ ДЕРЕВНЯ

Стволы на снегу лежат как тюлени
Или моржи.
Их скоро распилят, расколут в поленья,
А после задача – сложить.

Тяжёлые эти поленья, будто литые,
Ложатся весомо,
Лежат как персона
Спокойно и сонно.

Они словно ломтики жара
И света,
И высохнут лёжа за лето,
И выгорят жарко.
Готовит хозяин дрова по-хорошему жадно.

Осанистый дом.
А за ним и хозяин ухватистый, сильный.
Расколет «смолу», а потом
Добавит осины.

Стараются в два топора.
И ловко, и с толком.
Хорошее время, ещё не жара,
Но капает смолка.

Работник, вспотев, ловит ртом
Струю из колонки.
Живая деревня и новенький дом
В сибирской сторонке.

СИНИЦА

Сегодня ко мне прилетала синица.
Услышал, что кто-то настойчиво
в стену стучится.

Стою на морозе большой и сутулый.
А гостя моя на глазах упорхнула.

Но как её спросишь?
Возникла загвоздка.
Синица – изрядная вертихвостка.
Терпения ей, увы, не хватает,
Подолгу она не сидит, улетает.

Но я озабочен серьёзным вопросом:
Зачем ты стучалась ко мне своим носом?
Синица молчит. Улетела синица.
А может где спряталась или боится?

Я голос погромче, побольше металла:
– Синица, зачем ты ко мне прилетала?
Я с детства лишь слышал про азбуку Морзе,
Но вовсе не понял твой стук на морозе.
Не сразу меня, а потом осенило –
Синица на завтрак ко мне заходила.

Синицы и дятлы, кедровки и сойки,
Ко мне прилетайте, судачьте и пойте,
Для вас я повесил буфет на сосне,
Теперь пообщаться летите ко мне.

Понять ваши песни и слушать хочу,
А может быть птичий язык изучу.
И в вашем чириканье, теньканье, стуке
Познаю я смысл в переливчатом звуке.

Вот так я в таёжной избушке живу,
Построил кормушку, пернатых зову.
Теперь мой язык для других непривычен
Он массою звуков и слов засиничен.

К СЕРЁГЕ

Отчего мои ноги с утра всё не знаю покоя?
Иль торопят в дорогу? Хотят половчей сапоги?
Будто смену погоды почували, ноют.
Значит сменит мороз хороводы пурги.

Я спешу. Собираюсь в дорогу.
Покидаю обжитое тело избы.

Этим вечером следует быть в зимовейке Серёги.
Раз уж был уговор,
То явись, как по зову трубы.

Ухожу, но сквозь колкую дымку мороза
Вижу – кумушки все прибежали и встали
рядком.
Крестит чёрной рукою меня вековуха берёза
И дородная ель мерно машет зелёным платком.

Открывайся урман. Расправляй свои крепкие
плечи.
Поскрипи стариком под жестоким напором
пурги.

Белой тропкой лыжня уводи в тёплый вечер,
Где увижу друзей
И сниму свои нырки – сапоги.

Потечёт разговор чуть журча, негромко,
не валко.

Был ли зверь? Прикормился иль вовсе ушёл?
Что собаки «не те», как и ноги, а «тех» очень
жалко.

– Вот охота была. Помнишь, зверя добыл
хорошо?

Я войду в разговор разудалою острою лодкой:
– Хватит нам соболей и набито зверье.
Мол – давно мы в тайге. Не пора ли к молодкам?
Но меня засмеют, отмахнутся – опять за своё.

А друзей разговор хороводит по новому кругу.
Где маршрут наш причудлив, где удача была.
От того и тепло на душе, что беседуя с другом
Мы поверим в себя, глядишь и наладим дела.

Продолжаем сезон, даст-то Бог далеко
не последний.

В нашей вере в свой фарт есть серьёзный резон.
Мы уходим к себе, разбирая в дороге наследья.
Силы есть, хорошо, что не кончен сезон.

Покурю, помолчу.
Лунный свет на снегу паутинкой
Зацепился за тонкие стебли травы.
Выпью свежей воды.
Похрущу хрупкой льдинкой.
Поохочусь ещё. Похожу. Поживу.

ПРОСЬБА

Три дня совсем не виден Божий свет
 И день и ночь всё валит мокрый снег.
 Погода дрянь. Так солнца не хватает
 И чистоты. Но в этот день и век
 Что выпадет, то тут же и растает.
 И дождь, и снег приму по одному,
 Но вместе? Тут противоречий масса.
 С лица природы уползает маска,
 Открыв предзимья грязь и кутерьму.
 Теперь понятно – я нетерпелив. Увы!
 Но я не ною.
 Мне просто летом хочется травы,
 Зимой – мороза, вербочки – весной.
 Но третий день из дома ни на шаг,
 Живу застывший где-то между.
 Природа шутит всё перемешав –
 Предзимье с осенью, но отбирает шанс,
 А с ним и веру и надежду.
 Смотрю во двор. Ах как же он уныл,
 Весь мокрый, освещён луною.
 Последний снежный ком уплыл,
 А под раскидистой сосною
 Знакомый силуэт зимы с сумою
 Был.
 Как созерцатель зиму и суму
 Приму
 Для образа и глубины рассказа.
 Стихия! Я же человек,
 Но мне нельзя всё сразу –
 Тюрьму и плаху, снадобье, заразу,
 Любовь и ненависть, и дождь, и снег.
 Хочу по полочкам!
 Чтоб завтра же с утра
 Искрился снег, неслышно пролетая
 Бесследно скрылась в небе птичья стая.
 Такая просьба.
 Исключительно простая –
 Чтоб наступила зимняя пора.

ЗАПОЙ

Всё лето душно было и тепло.
 Я вырваться в тайгу пытался.
 Вот лето кончилось, а я остался,
 С тоской смотря сквозь мутное окно.

Но навестили верные друзья.
 Они сказали:

– Что ты в самом деле?
 Не кисни дома. Так нельзя.
 И увезли из сумрачной недели.

Меня как хлеб макнули в листопад.
 А после в снегопады,
 Как печенье.
 Я вял был. Я раскис от ощущений.
 Мне сладко, как в сгущёнке и варенье,
 А надо мною кедровые ветки.

Давно казалось, что связующая нить
 Порвалась. Нет её...
 От запахов хмелея
 Я пью свободу.
 Начал снова пить
 Густой коктейль тайги.
 Нисколько не жалею.

Не слухи это – вновь попал в запой.
 В таёжной глубине, пьянящей щедро
 Трясусь от жажды, пью потоки ветра
 И твердо верю – рано на покой.

А зиму пью, как белое вино.
 От чистоты морозной захмелею.
 Живу, дышу, с похмелья не болею
 И не глазею в мутное окно.

Вернулось всё. Очерчена черта.
 Я снова переполнен жизни влагой
 Бурлящей и весёлой, будто брагой.
 Сбылась моя заветная мечта.

Знакомые незнакомцы в науке...

Глеб Кукуричкин,
кандидат биологических наук
доцент кафедры экологии и биофизики
Сургутского государственного университета
Научный руководитель Ботанического сада.

Ивы и тополя в условиях Севера, разнообразие и интродукция

Ивы и тополя относятся к порядку ивовых, состоящего из одного семейства – ивовые (*Salicaceae*). В данное семейство входит 3 рода: тополь (*Populus*), ива (*Salix*) и чозения (*Chosenia*).

Крупнейшим в семействе является род ива, по данным разных источников в его состав входит от 300 до 450 видов. Род ива считается очень древним. А. И. Анциферов в своей работе отмечал, что представители рода ива и представители рода тополь, встречались уже в среднем меловом периоде, приблизительно 100 млн. лет назад. А виды ив, близкие к современным, произрастали уже в конце плейстоцена четвертичного периода на территории Европы, Сибири и Кавказа. Род *Salix* разделён на три подрода: ива (*Salix*), ветрикс (*Vetrix*) и хаметей (*Chamaetia*) и 29 секций.

Род *Populus* включает в себя около 100 видов, включая гибридогенные и возникшие в культуре расы и клоны по всем умеренным и субтропическим районам Голарктики, на юге до тропических саванн Кении, Юж. Гималаев, Мьянмы и Юго-Зап. Китая, в Америке – до Сев. Мексики. Центр современного разнообразия тополей – Китай (до 50 природных видов и не менее 20 гибридогенных рас). В России 12 дикорастущих видов; в их числе – тополь белый, или серебристый (*P. alba*), тополь чёрный, или осокорь (*P. nigra*). Некоторые виды доживают до 150 лет.

Род *Salix* широко распространён по всему земному шару. Чаще всего его представители встречаются в Азии, Северной Америке, а также Европе. Российской Федерации принадлежат самые обширные по площади ивняки в Северном полушарии. На её территории встречается около половины от мирового состава растений рода *Salix*.

Валягина-Малютина Е. Т. для 32 видов средней полосы России привела морфологическую и экологическую характеристику, а также ключи для определения видов. Выделенные ею жизненные формы относятся к трём категориям: деревья, кустарники и кустарнички.

Многолетнее изучение жизненных форм рода *Salix* Т. Г. Девиз-Соколовой позволило ей выделить 8 основных жизненных форм: 1 – высокий аэроксильный кустарник; 2 – низкий аэроксильный кустарник; 3 – аэроксильный стланиковый кустарник; 4 – стланиковый стержнекорневой кустарничек с надземными ветвями, переходящими в древесные эпигеогенные корневища (ксилоризомы) с более или менее многочисленными придаточными корнями; 5 – стланиковый стержнекорневой кустарничек с многочисленными надземными ветвями и подушковидной кроной; 6 – стланиковый стержнекорневой кустарничек с короткими скоро отмирающими надземными ветвями и с двумя-тремя толстыми древесными эпигеогенными корневищами; 7 – стланиковый стержнекорневой кустарничек с одревесневающими гипогеогенными корневищами (ксилоризомами); 8 – стержневой травянистый многолетник с одревесневающими гипогеогенными корневищами.

Далее, Недосеко О. И. на основе своих исследований и материалов работ Девиз-Соколовой Т. Г. (1982), Полозовой Т. Г. (1990) и Гетманец И. А. (2011) выявил 22 жизненные формы рода *Salix* L.

В границах таёжной зоны Западной Сибири род *Salix* чаще всего представлен такими жизненными формами, как дерево и кустарник. Наиболее часто встречаются следующие виды

ив: *Salix alba* L., *S. bebbiana* Sarg., *S. caprea* L., *S. cinerea* L., *S. dasyclados* Wimm., *S. lapponum* L., *S. myrtilloides* L., *S. pentandra* L., *S. phylicifolia* L., *S. triandra* L., *S. viminalis* L., *S. rosmarinifolia* L.

Продолжительность жизни ив, по сравнению с хвойными породами, сравнительно невелика. К примеру, ива трёхтычинковая живёт около 30-50 лет, ива шерстистопобеговая доживает до

50-60 лет. А ива белая считается наиболее долгоживущей, её возраст может достигать 300 лет.

Отличие ив от других растений заключается в том, что их почка покрыта только одной чешуйкой в виде чехлика либо колпачка. Расположение почек в большинстве случаев спиральное, почки обычно прижаты к побегу.

Ивы имеют простые, черешковые, удлинённой формы листья. У отдельных видов ив они достигают крупных размеров, до 300 мм в длину. Большая часть видов обладает листьями с зубчатым краем, цельнокрайные встречаются крайне редко. У многих видов листья кажутся сидячими в силу коротких (до 2 мм) черешков.

Ива относится к двудомным растениям. В пазухах прицветных чешуй располагаются сежки с мужскими или женскими цветками, чешуи опушены вытянутыми светлыми волосками. Отсутствие у ив околоцветника восполняется наличием нектароносных желёзок, часто объединённых в железистый диск. Ивы считаются самыми ранними медоносами, опыление у них энтомофильное. Мужские цветки имеют в основном 2 тычинки, у некоторых видов наблюдается по 3-12 тычинок. В женском цветке пестик из 2 плодолистиков с двураздельным столбиком, завязь верхняя.

Семена ив мелкие, покрыты тонкими светлыми волосками. Они находятся в двухстворчатой многосемянной коробочке, которая, созрев,

растрескивается практически до самого основания, превращаясь в две отдельные створки.

Цветение у ив наступает в разное время, в зависимости от сорта: большая часть начинается в первой половине апреля. А оставшаяся часть видов цветёт в конце весны, после массового облиствения, например, ивы трёх- и пяти тычинковая. Семена созревают спустя 3-4 недели после зацветания, они имеют ограниченную продолжительность жизни, их тонкая волосистая оболочка помогает распространению по ветру, опадая на увлажнённую почву они прорастают через несколько дней; только у пяти тычинковой ив и ряда арктических видов созревшие семена не прорастают до весны следующего года.

Существует ряд экологических классификаций семейства ивовых (*Salicaceae*). Л. Ф. Правдиным были отдельно выделены виды, принадлежащие к роду *Salix*, которые развиваются в пойме (*S. alba* L., *S. acutifolia* Willd., *S. viminalis* L. и др.), а также виды, развивающиеся в надпойменных условиях (*S. aurita* L. и *S. caprea* L.).

Далее Скворцов А. К. разработал более подробную классификацию, в которой были выделены аллювиальные и неаллювиальные экологические группы ив.

Аллювиальные виды располагаются по берегам рек и ручьёв на аллювии или делювии. Для их комфортного роста и развития необходим насыщенный кислородом и хорошо увлажнённый субстрат. В большинстве случаев они имеют жизненную форму дерева или высокого кустарника. В зависимости от вида, их требования к характеру аллювия разнятся. Так, например, ива белая (*S. alba*) и ива джунгарская (*S. songarica*) селятся на мелком песчаном или илисто-песчаном наносе, а ива корзиночная (*S. viminalis*) и ива Шверина (*S. schwerinii*) предпочитают песок или небольшую гальку.

Неаллювиальные виды представлены большим разнообразием жизненных форм, считаются менее требовательными к условиям произрастания и могут расти и развиваться на торфяном, глинистом и песчаном субстрате. В отличие от аллювиальных видов, они не столь требовательны к аэрации и считаются приспособленными к умеренному увлажнению, а также заболачиванию почв. К неаллювиальным относятся: скальные, тундровые, лесные, а также альпийские виды ив.

Ещё одним отличием аллювиальных от неаллювиальных видов, считается широкая зональность и высотная амплитуда распределения видов. В частности, виды лесной зоны могут селиться в долинах рек, степной и полупустынной области к примеру: *S. elbursensis*, *S. triandra* и *S. viminalis*. А высотная амплитуда может достигать до 3000 м для ивы голубой (*S. capusii*), ивы Вельгельмса (*S. wilhelmsiana*) и ивы густосережчатой (*S. pycnostachya*), распространённых в Средней Азии. Наиболее стройной зональной и поясной отнесённостью обладают неаллювиальные разновидности ив.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИВ И ТОПОЛЕЙ

Ива имеет множество народных названий: ветла, верба, лоза, бредина, ракита и др. Интересные лингвистические исследования провела Марчевска М. в своей работе «Деревья в языке и культуре», она собрала сведения затрагивающие названия ив в славянских языках и диалектах, выводом стало то, что их обширная изменчивость отвечает её видовому многообразию. Характерной чертой народной классификации ив считается смешение и не различие видов ив, а также употребление одного наименования для различных видов. Согласно исследованиям этого автора, в основе целой группы названий вербы в славянских языках находится такая отличительная черта растения, как гибкость, эластичность, способность сплетаться и т.п.

В древнейших поверьях славян указывалось, что ива может влиять на полив лугов и полей, тем самым содействуя увеличению плодородия. Ива считается символом возрождения и приближающейся Пасхи (Вербное воскресенье), благодаря своей жизнестойкости (сколько иву не режь, она продолжит расти), а также её ветви используют в период празднования праздника Ивана Купалы.

На сегодняшний день ива обширно применяется для формирования полевых защитных полос, живых изгородей, закрепления песков, склонов, берегов, а также в биологической рекультивации. Кустарниковые ивы способствуют закреплению подвижных почв благодаря хорошо сформированной корневой системе, они раскидывают корни широко в стороны при сравнительно малом углублении в землю. А древовид-

ные ивы, напротив, имеют стержневой корень, более углублённый в почву. Так, например, ива белая – это неотъемлемый элемент в строении долинного ландшафта крупных парков и лесопарков, которые располагаются по берегам больших водоёмов. Она используется для быстрого озеленения новостроек, а также производственных территорий, в биологической рекультивации, для единичных и групповых посадок, живых изгородей, при обсадке дорог, полей, улиц, усадеб.

А ива ломкая, являясь ценным деревом, чаще всего используется в посадках на переувлажнённых местообитаниях, а именно по берегам рек, каналов, плотин, вдоль дорог, а также в качестве укрепления песчаных берегов и насыпей.

Кора ив применяется в современной медицине в основном как источник салицилатов, обладающих жаропонижающим и противовоспалительным действием. Но в коре различных видов ив, кроме производных салициловой кислоты, содержатся и другие действующие вещества. Так, в коре многих видов ив накапливаются значительные количества фенилпропаноидов (салидрозид, триандрин и др.), обладающих анксиолитическим, ноотропным, адаптогенным и иммуномодулирующим действием. Присутствуют разнообразные флавоноиды из классов флаванов, флавонов, халконов и ауранов, обладающие широким спектром фармакологической активности. В том числе, в коре ивы остролистной и ивы пурпурной найден изосалипурпозид, подобный главному функционирующему веществу цветков бессмертника песчаного

(содержание более 1,5%), которые обладают желчегонным действием.

Так же в коре и листьях многих ив содержится большое количество дубильных веществ высокого качества (содержание таннидов достигает 15-20%), что служит сырьём для кожевенного производства.

Значительная волокнистость делает иву ценным материалом при производстве грубых тканей. В Германии из ивового волокна вырабатываются специальные коврики, имеющие довольно широкое распространение.

Семенной пух ивы может стать заменой ваты, а также служит материалом, который применяют в производстве дешёвых изделий, добавляя его к хлопку. Этот же пух используется в набивке матрацев, подушек, мягкой мебели и т.д.

Из коры ивы добывают стойкие растительные краски применяемые в окраске шёлка, шерсти и хлопчатобумажных тканей. Такое же применение она имеет при окраске кожи и производстве лаков.

В хозяйственной деятельности ива используется как источник древесины, а в некоторых районах может служить единственным источником местной древесины. Древесные породы ив могут быть использованы в производстве различных изделий – лопат, заборов, ульев, дуг, бочек, различной деревянной посуды и т.д. Древесина ивы весьма эластична, вследствие замачивания её побеги становятся ещё более гибкими, благодаря этим качествам ива используется в плетении корзин, мебели, изгородей, каркасов и прочих изделий.

Листья и молодые ветви ив могут служить кормом для рогатого скота, овец, коз, северных оленей и т.д.

Ива является медоносным растением, за счёт свойства некоторых видов ивы цвести в разные периоды времени, это может позволить использовать её для взятка на протяжении довольно длительного времени (два месяца и более). В данном отношении ива особенно значима весенним цветением прежде многих других растений.

Пережжённая древесина ивы способна дать неплохой уголь для изготовления пороха, а также уголь для рисования.

Из всего вышеперечисленного ясно, в какой степени ива считается значимым растением и какое она имеет обширное применение. Вследствие рационального применения ни одна часть данного растения не пропадет даром.

ОПЫТ ИНТРОДУКЦИИ РАСТЕНИЙ СЕМЕЙСТВА SALICACEAE НА СЕВЕРЕ

Интродукция (биологическая) – намеренное или случайное мигрирование особей разных видов за границы естественного ареала в новые для них места обитания. Интродукция – это процесс введения в некую экосистему чуждых для неё видов. А процесс освоения интродуцированного вида на ином местообитании (приспособление к изменившимся экологическим условиям) называется акклиматизацией.

Древесные растения также могут быть интродуцированы с помощью распространения семян, а также черенков растений. Наиболее эффективным считается метод выращивания растений при помощи семян. Таким образом, молодые древесные растения смогут быстрее освоиться в новых условиях произрастания.

Существует 6 видов интродукции древесных растений:

1. Интродукция из естественной области произрастания в сами культуры.
2. Интродукция, в которой исследуемые породы сначала испытывают в условиях посевных грядок и специальных питомниках.
3. Ступенчатая интродукция, продвижение растений в не естественной для них среде произрастания.
4. Интродукция, сопровождаемая селекционным отбором, выполняемым единоразово (одно поколение).
5. Интродукция, с особым воздействием на древесные породы в первоначальный

период их формирования, для придания им нужных свойств.

6. Интродукция с использованием гибридизации.

Все без исключения интродуцированные породы, а также новые сорта деревьев и кустарников, подлежат прохождению государственного испытания сортов, с целью недопущения засорения лесных пород видами, не представляющими ценности.

В России интродукцию растений проводят около двухсот научно-производственных заведений. К ним относятся:

- ботанические сады;
- дендрарии;
- лесные станции;
- плодово-ягодные станции.

За их работой следит Совет ботанических садов, организованный на базе Главного ботанического сада, находящегося в Москве.

В середине XVIII в. появляются первые упоминания о интродукции древесных растений в северных условиях. Учёный и естествоиспытатель Лаксман К. Д. одним из первых попытался ввести в культуру древесные растения из разных ботанико-географических областей.

Во второй половине XX века интродукция растений стала важным направлением в научной работе, что в свою очередь ускорило формирование сети университетов, ботанических садов и экспериментальных станций. На территории Сибири центрами по проведению интродукционных испытаний становятся ботанические сады и арборетумы, таких городов как: Новосибирск, Якутск, Омск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск, Абакан, Улан-Удэ, Чита, Горно-Алтайск и др.

Начало интродукционных испытаний древесных растений в Сибири, связано с именами: Григорьева А. И., Шабурова В. И., Скворцовой А. В., Коропачинского И. Ю., Берникова В. В., Кабалина С. И., Сухих Б. Ф., Шкулова Г. Г., Лучник З. И., Морякиной В. А., Встовской Т. Н., Галактионова И. И., Гурского А. В., Шунковой З. Г., Китаевой И. Я., Корниенко В. А., Ламина Л. А., Лиховид Н. И., Швадленка Л. И. и многих других.

Научные работы по изучению интродукции растений рода *Salix* в северных условиях, проводились ранее, что отражено в различных литературных источниках.

Так, например, исследования проводились на

территории дендрологического сада федерального бюджетного учреждения «Северный научно-исследовательский институт лесного хозяйства», расположенный вблизи г. Архангельска в северной подзоне тайги. К испытанию было привлечено 60 видов ив, из них 24 вида были интродуцированы и остались в коллекции дендросада.

Также подобные исследования проводились в Сибирском ботаническом саду Томского государственного университета, в Полярно-альпийском ботаническом саду института имени Аврорина Н. А., г. Кировск [35]. А в ботаническом саду Сыктывкарского государственного университета в 2013-2016 гг. была проведена инвентаризация древесно-кустарниковой флоры и выявлено, что наибольшее число видов насчитывается в семействе *Salicaceae*, а самый богатый видами род *Salix*.

По результатам исследования зелёных насаждений города Сургута, самыми многочисленными видами оказались аборигенный *Populus tremula* и интродуцент *Populus balsamifera*; немного менее распространён в озеленении *Populus nigra*, естественно произрастающий в пойме Оби. Среди ив наиболее часто встречающимися являются экземпляры ивы шерстистопобеговой (*Salix dasyclados*) и ивы корзиночной (*Salix viminalis*). В коллекции ботанического сада самым многочисленным видом является *Populus laurifolia* – 8 особей и *Salix fragilis* – 19 особей, эти

виды являются рекордсменами по годичному приросту.

Из всех выявленных жизненных форм большинство видов относятся к кустарникам (57%) и деревьям (31%), что позволяет использовать данные виды в озеленении, например, для формирования живых изгородей.

Годичный прирост экспериментальных ив стабилен, с тенденцией к ежегодному увеличению, и видоспецифичен. Самый большой прирост зафиксирован у вида *Salix turnori* в 2019 году – 156 см.

Из интродуцированных видов наибольшим адаптационным потенциалом обладают: *Salix turnorii*, *Salix hybrid* и *Salix schwerinii*; об этом свидетельствуют стабильность в ежегодном приросте и высокие эстетические оценки растений.

Из всех исследуемых видов самыми перспективными являются:

– ива шерстистопобеговая (*Salix dasyclados*) и ива корзиночная (*Salix viminalis*), они являются пионерами зарастания на нарушенных субстратах, используются в борьбе с эрозией и при рекультивации шламовых амбаров, отличаются высокой приживаемостью (более 90%) и наибольшей скоростью роста, нетребовательны к почвенным условиям, перспективны для озеленения речных долин;

– ива пятичичинковая (*Salix pentandra*) обладает декоративными качествами (яркая, тём-

но-зелёная блестящая листва, заметное цветение), может использоваться для посадки на увлажнённых почвах, склонах и в долинах рек;

– ива Виноградова (*Salix vinogradovii*) имеет пышную крону, оригинальные вертикально расположенные листья и серёжки, хорошо реагирует на стрижку и подходит для формирования живых изгородей;

– ива трёхчичинковая (*Salix triandra*) используется для укрепления подвижных песков, обладает оригинальной пятнистой корой, отличается эффектным цветением, что позволяет её рекомендовать для высадки в парках и скверах на самых увлажнённых участках;

– ива белая (*Salix alba*) и ива ломкая (*Salix fragilis*) являются солитёрами – используются в одиночной посадке, при декорировании газонов;

– тополь лавролистный (*Populus laurifolia*) используется как в групповых посадках, так и в одиночных;

– тополь чёрный пирамидальный (*Populus nigra* var. *pyramidalis*) подходит для аллейных посадок и создания ветрозащитных полос;

– тополь бальзамический (*Populus balsamifera*) обладает высокой способностью очищать воздух от пыли, хорошо переносит обрезку, может использоваться в рядовых посадках.

Все перечисленные виды могут быть рекомендованы для озеленения города Сургута и других городов Югры.

Владимир Волковец,
г. Советский

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Простора дыханье сквозное
Печальной теплыню обдаст.
В сосновых чешуйках и хвое
Стоит полированный наст.

Во мне уже весу два пуда.
К ветвисто рябой густоте
По снегу – не тает покуда –
Иду, как Христос по воде.

Побегов нарежу, теперь бы
Домой – снег рыхлей и сырей...
Чтоб стало светлее от вербы
И тайной молитвы моей.

... и литературе

ВЕРБНОЕ

После оттепелей частых
Лёд на омутах слоист.
И пронизан воздух в чащах
Пересвистами синиц.

След по берегу цепочкой.
Вербы, чувствуя весну,
Оживают каждой почкой
К воскресенью своему.

Рядом с ними торжествую,
Вроде те же, и не те ж...
И на всю на жизнь большую
Полон света и надежд.

Маргарита Сладкова,
г. Сургут

КНИГА ИВЫ

Мешал и помогал ветер. Только успевающие складываться слова тут же видоизменялись на фоне шестеста удлинённых пальчиковых листочков с наспех записанными странными высказываниями, иногда историями, запутанными в кронах. Они считывались как с магического шара. С той разницей, что ты должен находиться внутри него. Тогда кустистая пропись открывалась сразу во всех направлениях. Прочтение, конечно же условное, скорее – видение, сразу с интерпретациями и комментариями.

Сегодня пришлось бродить вдоль обского берега дольше обычного в поиске Своей Ивы. Священные деревья шептали, звучали, но почему-то не говорили.

Наконец. Я начала слышать шум другого порядка. Как сквозь толщу лет? Километров? И становлюсь родной ветвью своей ивы. Она принимает. Листьями касается лица, мыслей бережно, как рыбки Гарра Руфа, восстанавливая биологистику там, где давно всё ороговело до состояния корней, где общечеловеческая грибница разделена и живёт своими отдельными скоплениями.

Кожа маски истончается, взгляд разлетается шадрообразно-фрактально и уже глазные яблоки – скопления звёзд, я – раздражающая песчинка-поводырь в собственном глазу.

Развешиваюсь по иве утренними сенсорными паутинками. И уже слышу не разгуливание ветров. Так шумит дуб. Не условный просто дуб. А тот самый.

Сергей Луцкий,
г. Жуковский

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

Казалось бы, столько вёсен у зрелого человека за плечами, а всё радуешься каждой новой. Даже самым малым, первым её признакам.

Вот день стал длиннее. Три часа, а ещё светло.

Тальник за Вахом наливается салатovým светом – впитывает крепнущее с каждым днём солнышко. Откочевавшие на юг вороны вернулись. Не улыбайтесь, в наших северных краях это тоже весенняя примета.

Ну и само собой, ожили воробьи, их ещё неделю назад не было слышно и видно. Устроили сходку на высокой берёзе, громко радуются жизни.

И уж абсолютный признак недалёкой весны – освободившаяся от снега земля. Правда, пока только на припёке, на крутом склоне реки, смотрящем на юг. Снега там было немного, он первым и растаял местами.

Склон теперь выглядит непривычно – пегий.

То ли ещё будет!.. – ликует каждый раз душа, почуввав весну.

Запорожский. Семи-сотлетний. Эту главу я не открывала. Даже тогда, когда произошло, как тогда казалось, светопредставление, и в разломы от столкновения тектонических политических плит хлынули потоки хаоса.

Под другим углом запоздало вижу ведающую материнскую сущность: в те времена, более сорока лет назад, просто так не срывались с обустроенных гнёзд. Подчистую. Безоглядно. Нам же пришлось подчиниться смене климата и декораций... Теперь на тех землях насиженных мест просто не существует. А многие стёрты с лица земли. И привычные сожаления вдруг сдулись до резиновой тряпки воздушного шарика, напоминая перезрелый и опавший цветок мальвы, почти живой, похожий на куклу. Человечка.

Взгляд мечется. Летит сквозь ивовую листву «4 июня 2025 года последняя ветка легендарного дуба, пережившего Гражданскую и Великую Отечественную войну, упала под собственным весом, оставив только сухой столб без листвы»...

Подчиняюсь движению ветвей? Воздуха? Рук? Не знаю. Но знаю – меня когда-то обучали этому. Моя Ива – моё дерево духов. И когда к ней обратишься – всегда пополнишься её Памятью и Силой.

ЖДУТ И НАДЕЮТСЯ

Всего лишь февраль, мороз по ночам такой, что лопаются лёд на Вахе. Всё стынет в мёртвой неподвижности, и кажется, что до весны – как до Марса.

Но постоят два-три солнечных дня, имотришь, уже краснеют кончики берёзовых веток, исподволь наливаются слабым зелёным светом осины в лесу и тальник вдоль берегов.

Нет им дела ни до морозов, ни до метровых снегов. Как женщина ловит малейший знак внимания со стороны любимого, так и они радостно отзываются на крепнущее солнце.

Всю долгую зиму ждут и надеются. Надеются и ждут.

Анжелика Давыдова,
член Союза журналистов России,
г. Сургут

Сургут образован по наказу царя Фёдора Иоанновича от 19 февраля 1594 года, данному воеводе князю Фёдору Борятинскому и писменному голове Владимиру Оничкову. В том году более полторы сотни казаков построили город на правом берегу Оби-реки. Места эти уже были известны торговцам, путешественникам, а позже и учёным-исследователям. Все они вели записи в путевых тетрадях. Часть сохранилась до сего времени. Перелистаем их, а заодно заглянем в «копилки» современных историков и краеведов.

«Заполезно им город ставить в местечке Сургут...»

1611-й. Казначействовал в Сургуте Абрам Михайлович

В уникальном классическом труде известного русского филолога Михаила Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв.» содержится масса легенд и сведений о взаимосвязи национальных культур и роли русской культуры – открывательницы Сибири для всего мира, доходивших до нынешних читателей в течение пяти веков. В кратком отрывке из записей неизвестного англичанина описаны некоторые особенности торговли в Сургуте. Это предположительно был один из английских купцов-агентов «Московской компании», путешествующий по Сибири примерно в 1616 году. Он записал в своём дневнике: «...много различных народов спускаются по этой реке (Оби), чтобы вести торговлю в Сургуте или в Тобольске, а именно: люди из Бухары, таджики или персидские купцы и татары различных племён. Некий Абрам Михайлович, бывший главным казначеем в Сургуте в 1611 году, рассказывал мне, что для царской таможни за товары, купленные и проданные в этом году, он получил сумму в шестнадцать тысяч рублей или марок. Кроме того, он рассказал мне, что в Сургуте торгуют приезжие из Китая, а также и из других государств, как, например, из страны Алтын-царя. Эти торговцы среди других вещей привозят серебряную утварь и продают её. Другой русский по имени Филат, который ездил к тунгусам дальше других русских и говорит на их языке, рассказал мне, что у тунгусов за двад-

цать голубых стеклянных бус он купил слиток серебра, который на русские деньги стоили сорок два алтына и сорок денег (Один алтын равнялся трём копейкам, одна денежка – ½ копейки; следовательно сумма стоимости серебряного слитка исчислена была Филатом около полутора рублей, что было по тому времени суммой довольно большой, особенно если принять во внимание, что она получена была в обмен на 20 стеклянных бусинок).

Далее англичанин пишет: к востоку от Печоры имеется множество соколов, которых я считаю такими же хорошими, как и турецкие сокола, а именно маленькие сокола, ястреба, курятники и кречеты, из которых некоторые белые как снег, а другие пятнистые – белые с красным. Там имеются также все виды богатейших соболей, привозимых из Мангазеи, и чёрно-бурых лисиц. Есть также горный хрусталь. Если бы могли свободно путешествовать по этим странам, мы могли бы покупать там эти товары дешевле, чем на Печоре. А на Оби мы могли бы продавать наши товары за лучшую цену».

Этот отрывок был опубликован в одном из английских сборников в 1906 году и с тех пор особого внимания историков не привлекал. Нам же он стал известен благодаря фундаментальной исследовательской работе Михаила Алексеева.

1597-й. О чём сургутские торговцы царю челом били

Точная дата основания Сургута была установлена историком, профессором Харьковского

университета Петром Никитьевичем Буцинским. В конце XIX века среди дел Сибирского приказа, хранившихся в Московском Архиве министерства юстиции, он обнаружил копиянную книгу города Сургута. Такие книги появились в 1626 году после пожара в Москве, уничто-

жившего большую часть приказной документации. Тогда было принято распоряжение и разослано на места о снятии копий с документов местных архивов и пересылке их в столицу. Так в Москве оказалась и сургутская копиянная книга. Одним из первых в неё был включён список с наказа царя от 19 февраля 1594 года о становлении города в Сургуте.

Результаты источниковедческих исследований Буцинского опубликованы в двухтомных сочинениях. В одном из них помещена работа «Сургут, Нарым и Кетск». В ней приведено немало интересных фактов из жизни Сургута. Он пишет: «По старейшему, дошедшему до нас, именному списку города Сургута население последнего в 1625 году было такое, не считая жён и детей: 2 атамана казачьих, 2 поляка, 1 казак, 25 десятников, 177 рядовых служилых людей, 2 подьячих, 1 чёрный поп, 1 белый поп, 3 пушкаря, 1 толмач остяцкий, 1 церковный дьячок, 1 пономарь, 1 городской воротник, 1 острожный воротник, 1 палач, 1 новокрещённый остяк, 1 просвирница».

Буцинский отмечает, что главной статьёй денежных доходов Сургута, как и других сибирских городов на ту пору составляли пошлины с торговых и промышленных людей. Причём поначалу правительством здесь была введена беспошлинная торговля с целью их привлечения в Сургут. В результате по инородческим волостям появились вымичи, зыряне, пустозёрцы, пермичи, устюжане, двиняне, важане, каргопольцы, москвичи и жильцы иных русских городов. Интересно, что буквально через три года от основания Сургута (в 1597 г.) эта льгота была отменена, и сургутские воеводы стали собирать пошлину. Торговые, промышленные люди не могли оставить этого распоряжения без протеста и в том же 1597-м через сургутского воеводу Ло-

банова-Ростовского направили царю челобитную, в которой просили сохранить за ними прежнюю льготу: «Мы люди бедные, платим всякия подати в Перми, нанимаем подводы под служивых людей и под государевы запасы, привозим сургутским служивым людям масло, сало говяжье, мясо и сукна...». Однако, отмечает Буцинский, ссылка челобитчиков на ту пользу, которую они приносят сургутским служилым людям, доставляя им из Руси разные необходимые товары, оказалась совсем не к делу.

Историки, что золотоискатели – из глубин архивов по крупицам добывают сведения, по цене своей порой не уступающие драгоценному металлу. Ценители же их кропотливого труда стараются дать им «вторую жизнь». Так и работы Буцинского были собраны воедино тюменским издателем Юрием Мандрикой. Правда, тиражом всего лишь 500 экземпляров, что делает само издание редким.

1619. Княжил в Сургутском уезде остяцкий князь Бардак

Имя князя у современного жителя, скорее всего, вызовет однозначные ассоциации, связанные с путаницей и беспорядком. Однако Бардак был рачительным хозяином, а княжество его было крепким. Мало того, оно сохраняло значительную долю независимости вплоть до первой четверти XVII века.

Согласно историческим фактам, как и большинство остяцких княжеств, оно было невелико – до 100 человек. Однако власть Бардака распространялась на всех, живущих в Сургутском уезде. Но вот в 1594 году на его территории поставлен город. Как же строились отношения между одним из влиятельных югорских князей и пришедшими на его территорию новыми властителями?

Бардаку пришлось сдать свои позиции перед вновь пришедшими. Его, хоть и отважное воинство, с луками да стрелами не могло противостоять пушке и огнестрельному оружию сводного

(На рис. Служилые люди.)

(На рис. Остяцкий князь в позе «священного танца».)

отряда казаков. И вместе с тем княжество Бардака было независимым до 1619 года. О том, как княжил Бардак в эти годы, есть любопытные сведения в сборнике трудов одного из крупных историков и исследователей Севера С. В. Бахрушина «История Сибири в XVI–XVII веках». Автор отмечает, что «Бардаковы люди» выделялись из общей массы сургутских остяков, а Бардак продолжал и под русской властью владеть этими людьми. Кроме того, он брал ясак себе с подвластной ему самояди, московские ставленники получали от них только добровольные пожертвования. За сохранение такой независимости Бардак и его два сына обязаны были оказывать русским властям военную помощь в походах на других князей.

Кроме военной помощи, владельцы Бардаковской волости оказывали и другие услуги, например, информировали о намерениях враждебных русским сородичей. Помимо этого, Бардаку вменялось ещё и подвести под царскую казну самоядь из других волостей. За что обещано было «великое жалование». Впрочем, как пишет Бахрушин, русская администрация мало доверяла своему союзнику. Порой Бардаку давалось распоряжение отправить в поход своих людей, «а самому идти не велено». Зыбкая была договоренность-то между русскими и князем. Бардак похож, был не из тех, кто безропотно склоняет голову. И всё же независимость его волости продолжалась недолго. После подавления восстания нарымских остяков роль «бардаковых людей» была сыграна и к 1619 году ни о какой независимости речи уже не шло. Добровольные пожертвования обрели форму обязательного ясака из расчета 2 рубля 25 алтын с одного человека.

Аналогичные истории происходили почти со всеми остяцкими и вогульскими княжествами, бытовавшими на территории Югры в то время. Сам Бардак полностью так и не покорился новым властям – он просто не дожил до того. Сила и мощь этого остяцкого князя, наверное, и вправду была велика, коль имя его дошло до наших дней на волнах сургутской протоки Бардаковки.

1641. Как сургутские казаки царскую грамоту со дна реки достали

Город наш был поставлен казаками, и ещё около двух столетий основное население его составляли казачьи семьи, потомки которых живут и здравствуют в Сургуте до сих пор. Известный финский учёный и путешественник Матиас Кастрен отмечал, что в эпоху покорения сибирских местностей «смелый казацкий острог Сургут» играл выдающуюся роль. Отсюда сургутские казаки отправлялись в по-

ходы для сбора ясака вплоть до самого Ледовитого океана. А по Сибири немало городов было построено с их участием.

Состав первого сургутского гарнизона был довольно пёстрым по происхождению. Согласно сведениям, приведённым в работе историка Никитина Н. И. «Казачество Сургута в XVII в.», Сургут, как и многие другие сибирские города, был основан объединёнными силами ратных людей разных регионов (из Москвы, Берёзова, Обского городка, кодских остяков). «Примечательно, – отмечает Никитин, – что в 1595 году в царском наказе сургутским воеводам упоминались атаман Темиръ Иванов и «его прибору» казаки «терские», «вольские» и «донские». Также в составе сургутского гарнизона упоминаются и «иноземцы» – «литва», «черкасы», «поляки», «немцы», правда количество их было сравнительно невелико, как и «новокрещенцев» – лиц,

вёрстаных на службу главным образом из представителей коренных народов Сибири.

Сургутские казаки выполняли разные обязанности. В книге уральских историков «Древний город на Оби: история Сургута» приводятся интересные факты из жизни «служивых». Например, в 1763 году в дальних откомандированиях было 58 казаков, при городе «у разных дел» – 52. Из них 13 были посланы «Для перегрузки и приводу в Сургут с жалованным казачьим провиантов оставленного на мели судна», 5 человек отправились в Тобольск «за приёмом и отдачею и в канвое ясашной мягкой рухляди», 1 послан в Сибирскую губернскую канцелярию «к отставке» и т.д. Казаки занимались сопровождением научных экспедиций, православных миссий, посылались в волости для поимки беглых ясакоплательщиков и усмирения бунтов инородцев. Но подчас им приходилось выполнять непривычные поручения.

К примеру, в мае 1641 года проезжавший из Москвы в Томск ротмистр Степан Снетовский нечаянно утопил в Оби царскую грамоту. Сургутский воевода Андрей Вельяминов, к которому обратился в отчаянии Снетовский, отправил с ним на место происшествия двух казаков – Алексея Новосильцева и Леонтия Романова, снабдив их рыболовной сетью. Пять раз закидывали сеть казаки, неоднократно

(На рис. Казак.)

ныряли в ледяную воду – и нашли злополучную грамоту. В Сургуте её бережно высушили, заботливо запечатали местной печатью и отправили далее в Томск. Где её с нетерпением ожидали – ведь в грамоте решалась судьба только что построенного Ачинского острога. В качестве компенсации за хлопоты и за «прокат» сети воевода конфисковал в свою пользу рыбу, выловленную во время поисковой операции.

Казачи верой и правдой служили государю, а 19 мая 1881 года, согласно царскому Указу, они были разжалованы в мещан.

1702-й. Сургутский кружечный двор пиво вёдрами продавал

Помимо службы традиционными занятиями ка-

заков были охота, звероловство и рыбная ловля. Эти занятия приносили им не только пропитание, но и доход. Служивые имели возможность продавать свой «товар». Ведь Сургут был воздвигнут на основной транспортной магистрали Западной Сибири, по кото-

Handman aus Senez (Hofkuchner)

Stefan-Quirin

рому двигались торговые, промышленные, посадские люди, а также тобольские бухарцы и татары. Одна из статей бюджета Сургута состояла из поступлений от казённой и частной торговли. Однако, в связи с изменением торговых путей в XVIII веке эти поступления существенно сократились и стали намного меньше, чем доходы, например, от пивоварения и продажи пива.

В начале 1700-х годов в Сургуте успешно функционировал кружечный двор, на котором осуществлялось производство пива. В работе новосибирского историка Д. В. Раева «Производство и продажа пива в Сургуте в 1702–1711 гг.» приведены интересные факты этой деятельности. В XVIII веке она являла собой одну из важных отраслей хозяйственной деятельности Сургута. Так, с августа 1704 по август 1705 года чистый доход города составлял 139,3 рубля. Таможенные сборы за этот же период были всего лишь 54,74 рубля. Раев пишет, что объёмы продажи пива

находились в прямой зависимости от движения по Оби в летние месяцы. К примеру, в 1702 году за время тёплых месяцев было продано 407 вёдер пива, а за время холодных – 157. Цена на пиво не была высокой, всего лишь 10–12 копеек за ведро. Но, несмотря на это, издержки производства окупали себя во много раз. С сентября 1702 по этот же месяц 1703 года при чистом доходе 83,02 рубля, издержки составили 5,29 рублей. Основная их масса приходилась на закупку дров и свечей, зарплату работникам.

Хранилось пиво в подвале кружечного двора, набитом льдом и снегом. Это позволяло напитку сохранять свои вкусовые качества и оставаться холодным в летнее время. (В скобках отмечу, что вплоть до середины XX века практически в каждом сургутском дворе были подобные «ледники». В них хозяева в основном хранили рыбу.) В качестве сырья для пива использовался ржаной солод, овсяная мука и хмель. Использование их в определённом соотношении обуславливало стабильное качество напитка.

Историк отмечает: как и в большинстве сибирских городов, в Сургуте должности таможенного головы и головы кружечного двора занимал один и тот же человек. Но за сбор денежных средств с кружечного двора отвечали городовые целовальники (должностные лица, выбиравшиеся земщиной для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей). Они же выдавали кружечному двору сырьё, необходимое для производства пива, которое в Сургуте на протяжении 1702–1711 годов производилось регулярно.

1745-й. Как каторжники решили Сургут разорить

Наши края в давние времена были привлекательны не только для купцов-торговцев, исследователей-путешественников, но и для всякого разного люда. В глухих местах укрывались беглые каторжники и те, кто желал быть подальше от власти, которая, в свою очередь, определяла Сибирь как место ссылки.

Так что по транспортному западносибирскому пути двигались не только торговые караваны, но и этаплируемые ссыльные. Однажды в июне 1745 года ссыльные каторжники, направляемые из Тобольска в Енисейск, учинили побег близ Сургута. Разбойными нападениями на купцов и торговцев обеспечили себе пропитание и одежду. Да настолько уверенно почувствовали себя в этих местах, что намерились разгромить Сургут. Человек их было 50 мужчин и одна женщина. Поимённый список и подробнейшее описание их «деяний» зафиксированы в работе тобольского историка и краеведа Е. В. Кузнецова (1848-1911) «Тревога в Сургуте в 1745 г.», составленной на основе уцелевших от пожара бумаг Тобольской полицмейстерской конторы.

(На рис. Китайский купец в торжественной одежде.)

Сюжет, изложенный в материале, захватывающий. В ночь на 15 июня ссыльные, воспользовавшись тем, что их направляют тащить лодки берегом, напали на часовых, побросали их в воду, а сопровождающих капитана Хрушкова и поручика Белянина избили и связали. «...И у всех конвойных ружьё и амуницию, порох и свинец, пожитки и деньги, обувь и одежду, печёные хлебы и харчевые припасы увезли с собой без остатку и оставили в одних рубашках, в том числе и капитана, и без портков». Для начала каторжники разграбили село Богоявленск, да при разбое упоминали: «Сургут разорим и воеводу с собой увезём! Мы и не такие города разбивали!» На те слова нашлись посыльные, которые поспешили предупредить город о нападении. Шутка ли 50 человек набег совершить собираются! В Сургуте от такого известия случилась тревога. Его обнаруживали публично, определили казаков для обхождения вокруг города – по 10 человек с ружьями. Стар и млад приготовились к нападению (от чего Боже сохрани!) и поимке каторжников.

А беглые тем временем лютовали. Грабили купцов, разворовывали артели и даже погосты, доставалось от них рыбакам и остякам. Отбирали у последних всё, что стоило денег и годилось для жизни. В верстах пяти от Сургута для пушей остратки подожгли бор. И вот разодетые в награбленные купцовские «богатые кафтаны, голевые и разных парчей камзолы, перевязанные через плечо шёлковыми парчами» погребли на лодках к Сургуту.

Тревожиться основания были: многие казаки сургутского гарнизона были «на выезде» по сбору ясака. В самом же городе порошу было с полфунта, пушки годной ни одной, а «токмо горелые и негодные три затинные пищали». В общем, кроме стрел обороняться, по сути, было нечем, и сургутская воеводская канцелярия затребовала от Тобольска помощи. Оттуда немедля был откомандирован секунд-майор Томилов с командой, с ружьём и амуницией, с патронами, пулями, картечью и пятью малыми пушками с ядрами.

Итак, каторжники направились в сторону Сургута. Город они не разорили, мало того – даже проплыли мимо. А вот встреча с сургутским воеводой Ерпокиным, при которой он чуть не лишился жизни, произошла.

Дело было так. 9 июня пятидесятник Иван Кайдалов донёс Ерпокину, что поутру неподалёку от города заметил в лесу незнакомых человек десять. Воевода тут же собрал всех служивых и отставных казаков и отправился на розыски. Поиски успехом не увенчались: незнакомцы скрылись бесследно. Снаряжённому отряду ничего не оставалось, как вернуться в город. Немного погодя остяк Никита Елгин сообщил воеводе, что видел плывший протокой плот с людьми в верстах десяти ниже Сургу-

та. Воевода вновь снарядил погоню, однако, как и в первый раз, разбойников обнаружить не удалось. Ерпокин успокоился, решив, что каторжники ушли дальше, и жизнь в городе потекла своим чередом.

17 июня как обычно поутру отправился воевода с денщиком вверх по Оби порыбачить на остров. Рыбалка была удачной и к вечеру стали собираться они обратно. Да тут на реке появились несколько

лодок с богато одетыми людьми. (Как мы упоминали прежде, каторжники были разодеты в награбленные купцовские одежды). Не успели Ерпокин с денщиком опомниться, как лодки причалили к острову, и вся беглая ватага повалила на берег. «Ты-то де нам и надобен, нам де про вас сказывали в верху рыбаки, что де ты здесь на острове!», – кричали, связывая воеводу и денщика, разбойники. По всему выходило, что не миновать расстрела, да тут вмешалась единственная бывшая среди беглецов женщина Дарья Хардина, сосланная в Сибирь за отравление нелюбимого мужа. Ерпокин был уже в преклонном возрасте, и она заступилась за него: «За что губить неповинного старика?» Тем самым внесла смятение в ряды беглых. И, как пишет Е. В. Кузнецов, начались у разбойников прения. Одни были за расстрел: «За то-де его надо убить, что-де он нашу братию беглых колодников сыскивает и посылает в партии, в погони и высылки». Другие склонялись к тому, чтобы воеводу оставить в живых. Спорили так часа три или четыре и, наконец, верх взяло человеческое начало: воеводу решили оставить в живых. Конечно, ограбили его дочиста, сняли даже золотой нательный крест. После на берег вынесли аршин пять зелёного сукна, аршин пять «свабшского» полотна, медный чайник, серебряный крест на цепочке. И со словами: «Вот тебе и твоим людям за терпенье!» бросили всё это Ерпокину под ноги.

Возвратившись в Сургут, воевода узнал, что разбойники в городе не были, а вручённые ими «подарки» принадлежали ограбленным тобольским торговцам. Ерпокин написал в Тобольск доношение, из которого мы и узнали эту историю.

Иллюстрации из открытых источников

(На фото. Каторжники.)

Весенняя палитра

Ежегодная выставка «Весенняя палитра», расцветающая в преддверии Международного женского дня 8 марта, в этом году обретает особое звучание, перекликаясь с Годом единства народов России. Около сорока художников из Нижневартовска, Лангепаса, Мегиона и посёлка Высокий представляли свои работы, наполненные светом и вдохновением. В прошлом году выставка была посвящена славному юбилею – 80-летию Победы.

«Весенняя палитра» объединяет под своим крылом как именитых мастеров кисти, так и самодеятельных художников, для которых творчество – не просто профессия, а искренняя любовь, увлечение, хобби. Здесь же свои таланты демонстрируют и мастера прикладного творчества. На выставке предстанут произведения, облачённые в достойное оформление, выполненные в самых разных жанрах и техниках: живописные полотна, графические листы, изящные скульптуры, гобелены, батик, авторские куклы и керамика. Пейзажи, натюрморты, портреты, декоративные панно. Каждый экспонат сопровождается заявкой с указанием названия работы, года создания, имени автора и контактной информацией.

В этом году художники обратятся к темам, близким сердцу каждого: «Женский образ», «Семья», «Красота родных просторов весной (пейзажи, тематические весенние праздники)», «Весенний натюрморт (пасхальный натюрморт)», «Традиционные женские образы России».

Приём работ осуществляется до 26 февраля включительно. Торжественное открытие выставки, предваряющее 8 марта, состоится 5 марта в 16:00 в выставочном зале детской художественной школы. Продлится весенний праздник искусства до 5 апреля.

Марина Сбитнева

(В галерее «Глагола» представлены работы с прошлых выставок).

Видинеев Владимир. Июньский натюрморт

Сбитнева Марина. Здесь живет красота

Пересторонина Нина. Первоцветы

Федюшина Наталья. Югорская мелодия

Степанов Леонид. Февральское утро

Казанцева Марина. Тундровичок

Шаматова Айгуль. В осеннем лесу

Сушков Владимир. Утро на стойбище

Седов Александр. Старая дорога на мысовую

Хусаинов Ерик. Хантыйская красавица

Степанова Елена. Как прекрасен этот мир

Кичка Марина. Утро в деревне

Урманова Наталья. Серень

Дзик Михаил. Мой город – Мегион

Старцун Маричика. Маки

Чудакова Ирина. Белая береза под мим окном